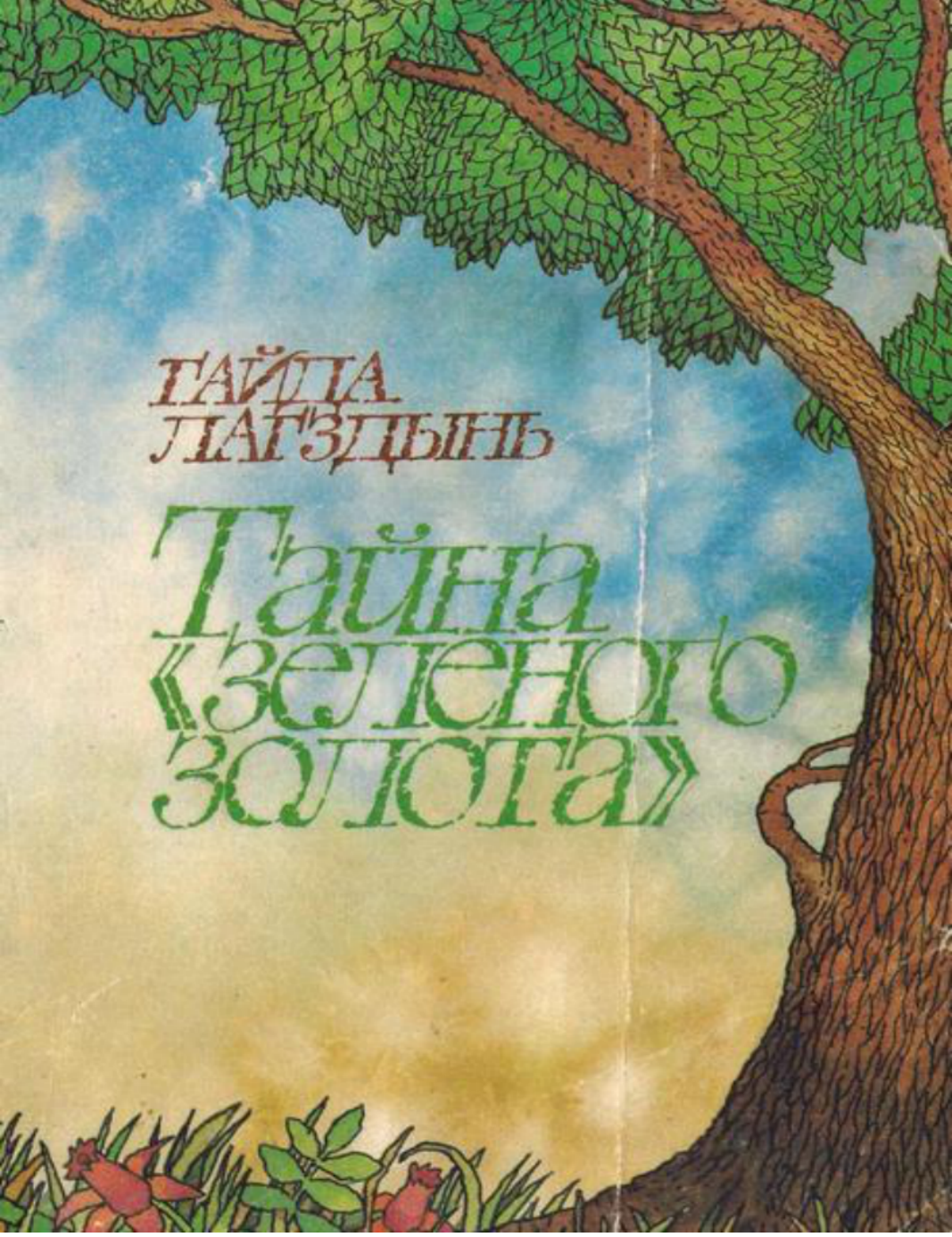
ГАЙГА
ЛАГЗДЫНЬ
Тайна
«зеленого
золота»

SHOUT
SHARE
IT

-
- ОБ ЭТОЙ КНИГЕ И ЕЕ АВТОРЕ
- Часть первая. БАРБОСКИН И КОМПАНИЯ
- Часть вторая. ДИМКИНЫ РАССКАЗЫ
- Часть третья. ОБЫКНОВЕННЫЕ И НЕОБЫКНОВЕННЫЕ ИСТОРИИ
- Часть четвертая ТАЙНА «ЗЕЛЕНОГО ЗОЛОТА»

Лагздынь Гайда Рейнгольдовна

Тайна «зеленого золота»

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ И ЕЕ АВТОРЕ

Дорогие ребята!

У вас в руках книга, полная необыкновенных историй, сказок, тайн и приключений. Написала ее Гайда Лагздынь. Она живет в городе Калинине на реке Волге и уже много лет пишет для вас книжки — толстые и тонкие. В этой книге собрано для вас все самое интересное, что видела и знает писательница.

А как писатели догадываются, что для вас самое интересное?

Очень просто. Для этого нужно хорошо помнить собственное детство и дружить с ребятами.

Став взрослыми и задумывая новую книжку, писатель всегда спрашивает себя: а если бы я был маленьким, мне понравилось бы то, о чем я пишу?

Так спрашивала себя и Гайда Лагздынь, когда писала книгу.

Еще до того, как стать писательницей, она много лет преподавала химию в школе. И очень хорошо знает и любит эту науку. А вы заметили, что если что-нибудь хорошо знаешь и любишь, то хочется об этом рассказать другим?

Вот Гайда Лагздынь и рассказывает. О том, как был открыт каучук. И что такое — каучук.

О том, как обыкновенная речная песчинка превратилась с помощью науки химии в красивый наконечник для новогодней елки.

И о многом, многом другом.

Но как рассказывает?

Разве обыкновенная речная песчинка может носить звучное имя Силикона? Разве обеденный стол, чемодан, бумага умеют разговаривать, да еще и открывать друг другу тайны своего происхождения?

Умеют. В сказках.

Значит, это сказки?

И да, и нет.

В сказках, когда открывают тайну, семь пар железных башмаков изнашивают, в подземелье спускаются, в горячую и холодную воду окунаются.

В жизни, чтобы разгадать тайну, тоже сил надо много, знаний, труда, наблюдательности. А если о тайне рассказывает писатель, то тут и художественный талант нужен, и воображение, и фантазия. Если все это есть, то оказывается, что простая авторучка или шелковая нитка могут стать героями захватывающе интересных рассказов.

Конечно, в книге есть и живые герои — мальчики и девочки,

собаки и кошки, вороны и утки. И все они — даже обыкновенный червяк или лягушонок — оказываются существами не такими уж обыкновенными, если их увидеть внимательными глазами, понять их и полюбить.

Кого полюбить? Червяка? Лягушку?

А почему бы и нет? И червяк, и лягушка, и паук, и крохотное хищное растение росянка — такие же обитатели нашей Земли, как и мы с вами. И даже по-своему мудрые и красивые. Относиться к ним пренебрежительно, свысока могут только глупые и злые. А Гайда Лагздынь писательница умная и добрая. Она умеет так все увидеть и описать, как будто у нее есть волшебные очки и она в них видит то, что другие, невнимательные люди, не замечают. И те, кто прочитают ее рассказы, — уж не пройдут мимо финиковой косточки, сосновой шишки, муравья, бегущего по дорожке, чтобы не рассмотреть их внимательно. Потому что будут кое-что знать о них такое, о чем раньше и не подозревали. Будто писательница им подарила свои волшебные очки.

В общем, ребята, вам предстоит долгое и очень увлекательное путешествие по страницам этой книги. Вы только не торопитесь. Прочтите ее внимательно. И вот увидите, вы будете гораздо бережнее относиться к тому, что нас всех окружает. Будь это создание рук человека или самой природы. Это все равно: ведь природа и человек — неделимы.

Недаром есть такое выражение: природа-мать. И тот, кто обижает природу, губит ее, — тот сам себя обижает и губит.

Вот какие мысли у меня возникли, когда я прочитала эту книгу.

А какие мысли возникнут у вас? Гайда Лагздынь будет ждать писем.

Алла Масс

Часть первая. БАРБОСКИН И КОМПАНИЯ

(приключенческая повесть)

КТО ТАКОЙ БАРБОСКИН?

Барбоскин живет в доме, что стоит рядом с Антошкиным. У него есть бабушка, папа и мама. Все они работают в совхозе. Барбоскину хорошо, ему не надо уезжать в город, он все время живет в деревне. А у Антошки баба Таня в совхозе не работает, она старая.

Когда Антон приехал в гости к бабушке, то первым делом уселся на крыльце и стал петь: «Мы едем, едем, едем в далекие края. Хорошие соседи, счастливые друзья. Тра-та-та! Тра-та-та! Мы везем с собой кота, чижика, собаку, петьку-забияку, обезьянку, попугая. Вот компания какая!» Подошел Барбоскин. Антон еще не знал тогда, что он – Барбоскин. Антон несколько лет ездил к другой бабушке – бабе Рите, что живет в маленьком городе.

Барбоскин подошел и спросил:

– А кто такой Петька?

– Мой папа, – ответил Антон. – Его так мама называет – Петька-забияка. Он на заводе работает, и мама там.

– А где чижик, собака?

– Не знаю. Так в песне поется.

– А хочешь, – предложил Барбоскин, – я тебе нашего кота покажу и собаку Буяна?

– Хочу! А как тебя зовут?

– Барбоскиным!

– Как? – удивился Антошка. – Почему Барбоскиным?

– Потому, что мы – ваши соседи, Барбоскины. Мой папа Коля – Барбоскин. Моя мама Настя – Барбоскина.

– А бабушка?

– А бабушка Катя не Барбоскина. Она – Непомнящая.

– Непомнящая? – снова удивился Антошка. – Как это?

– А так. В детском доме ее назвали Непомнящей. Откуда она взялась, она не помнила. А вот папа мой – Барбоскин. Потому и я – Барбоскин. Это наша фамилия.

– А меня Антошкой зовут, – сказал Антошка. – Вообще-то я – Антон Васильев. Во второй класс перешел.

– А я – Андрюша, но все меня зовут Барбоскиным, не возражаю. Барбоскин – так Барбоскин, три класса плюс коридор в четвертый. Ты насовсем в деревню?

– Нет, на лето, и то не на целое. К бабе Рите надо.

– Жалко, а то переезжай с родителями. Сейчас многие в деревню переезжают. Мишка, например, друг мой. Был городским, сейчас у нас в селе живет с отцом и матерью. Им дом дали.

Андрей Барбоскин Антону понравился. Он стал, раз все так, называть его Барбоскиным.

ПРО УТОК И УТИНЫЙ ПРУД

Рано утром кто-то громко постучал по наличникам.

– Эй, Антоша! Спишь? – это был Барбоскин.

– Не-а, – крикнул Антошка, соскакивая с бабушкиной кровати. – Я уже не сплю.

– Пошли?

– Пошли, – быстро согласился Антошка. – Моя бабушка уже ушла.

– И моя Непомнящая тоже. Давай быстрее, а то опоздаем.

– Куда?

– Куда, куда! Где кричат: «куд-ку-да-а!» да «кря- кря-кря!» Там мама Настя работает.

За высоким забором, сделанным из железной сетки, ходило много широких уток. Утки переваливались с боку на бок, спешили к открытым воротцам. Воротца были распахнуты прямо в большой пруд. Туда и торопились утки. Нетерпеливо переминаясь на широких красных лапах, утки стояли у края воды и подталкивали передних. Уток было так много, что пруд скоро превратился в утиный ковер.

– Вот утки поплавают, – сказал Барбоскин, – понырят, почистятся, дядя Саша их в другие воротца зазовет. А сюда новых уток напустят. Любят они купаться.

– Как у нас в школьном бассейне. Одни плавают, другие ждут. Только не так тесно.

– Ага, – неопределенно ответил Барбоскин, – наверно. Мы на речку бегаем. Сколько хочешь в воде сиди. Только старшие гоняют, да еще утятами синими обзывают. Похожи, в пупырышках кожа. На солнце отогреваемся. А ты утят и цыплят видел? – Антон мотнул головой. – Пошли, покажу. Очень даже интересно. Такие маленькие, пушистые и все пищат.

Но к утятам идти не пришлось. Бабушка Катя, Непомнящая,

велела Барбоскину бежать в магазин за хлебом.

ПРО СЕЛЬМАГ, ПРО ХЛЕБ И МУСКУЛЫ

– А где у вас булочная? – спросил Антон.

Андрюша тащил большую хозяйственную сумку, на дне которой лежал блестящий металлический рубль. Рядом вышагивал серьезный пес Буян.

– Какая еще булочная?

– Ну, где продают хлеб.

– Хлебная? Да там, где и велосипеды продают. В сельмаге!

– А что такое – сельмаг? – снова спросил Антон.

– Сельмаг – это сельмаг. Там все, что тебе надо. Только в разных половинах дома. Захотел забор покрасить, иди в сельмаг за краской. И макароны там, и крупа.

– А игрушки?

– И игрушки, и ручки, и всякое другое.

– А я думал сельмаг – большой магазин, как наш универсам.

– Не городской, а хороший! – сказал Барбоскин. – Скоро новую вывеску повесят. А мне старая нравится. Все понятно: «Сельмаг».

В магазине рядом с ведрами, тазами и кастрюлями стояли велосипеды и мотоциклы. Антошка подошел к мотоциклу с красным кружочком под сиденьем. Стекляшки в кружке, если вертеть головой, переливались, играли красками.

– Вот что бы я купил, – погладил Барбоскин у зеленого велосипеда колесо. – Кататься я умею, папка только не дает. Сам на совхозный двор ездит. Говорит, куплю мотоцикл, тебе велосипед отдам, – Барбоскин вздохнул и пошел в другую половину сельмага покупать хлеб.

– На все! – вымолвил Андрюшка, протягивая деньги.

– Не снесешь! – улыбнулась молодая продавщица, – В другой раз свеженького возьмешь!

– Снесу, тетя Валя! Сумка большая, и Тошка со мной.

– А сдачу?! – крикнула продавщица вдогонку. – Барбоскин, сдачу возьми! – тетя Валя выдала ребятам по конфетке, а псу Буяну – кусочек сахара.

Барбоскин и Антошка шагали по широкой деревенской улице, дергая в разные стороны сумку. Нести было неудобно. Барбоскин был выше Антона почти на целую голову. Да и ручищи-кулачищи у него были, как два Антошкиных кулака. Решили сумку поставить на спину Буяну.

– Вези, Буян! – приказал Андрюша. Но Буян не пожелал и

убежал домой.

– Донесем и сами! – сердито крикнул Барбоскин вслед рыжему псу. – Подумаешь, какая лошадиная сила! Зато у нас мускулы знаешь какие будут? Во!

Антон был согласен с Андрюшей. Иметь сильные мускулы нужно обязательно каждому мальчишке.

– Молодцы, старательные! – сказала поджидавшая у ворот баба Катя. – А чего так много? Хватило бы и двух буханок! Небось устали?

– Ну и что? Зато мускулы развиваются! – заявил Барбоскин. – И завтра не надо бегать за хлебом. Баб, а молока с хлебцем? Есть хочется.

Бабушка Катя принесла из горницы кринку молока, достала две кружки из шкафчика, толстыми ломтями нарезала хлеб. Мальчишки, как говорит Барбоскин, «молотили» – откусывали от большого куска и запивали молоком.

ХОДЯЧАЯ МОЛОЧНАЯ ФАБРИКА

Коровы – не козы, они большие. Не то что у бабушки Риты коза Зойка и козленок по имени Плут. Коровы – серьезные животные. У коров большие красивые глаза, хвост с кисточкой и огромное вымя. Там у коров собирается и хранится молоко. Барбоскин говорит, что «корова – это ходячая молочная фабрика», на пастбище она ест траву, а дает белое молоко. И если ее кормить сеном, силосом и разными комбикормами, она все равно даст белое молоко. Без молока сметаны не бывает, и творога, и сыра, и масла. Все из молока.

– А кефир тоже коровы делают? – спросил Антошка.

– Ну ты, Тошка, ну и белый дачник, ну и непонятливый! – возмутился Барбоскин. «Белыми дачниками» он называл всех, кто не разбирался в местных делах. – Корова, – продолжал пояснять Андрюша, – дает молоко. А из молока потом и делают молочные продукты. Вот моя бабушка снимет сверху сливки – это сливки. Закиснут сливки – получается сметана. А кислое молоко, что без сливок, нагреет в печке или в плите. Получится творог. Зеленоватую водичку – сыворотку сольет, а густышку – в марлицу завернет и подвесит. Сыворотка капает, а творог делается слоями. Вкуснятина! А вот кефир бабушка не делает. Его на молочном заводе производят. Там есть специальные кефирные грибки.

– Настоящие грибы?

– Ну... вроде бы, маленькие такие, шляпки у них крошечные, как у шурупчиков, только белые-белые, будто творожные. Вот эти

кефирные грибки в молоко и запускают. Там они работают, молоко превращают в кефир.

– А фруктовый как же? Коров фруктами кормят? – хитро улыбнулся Антошка.

– Ну и дачник белый! Для фруктового кефира надо фруктовых соков!

– Да я пошутил, Андрюша!

– Шутник, тоже мне, курица, собака, петька-забияка, – проворчал Барбоскин.

– А в ванильный сладкий творог ваниль и сахар добавляют? – не унимался Антошка.

– Добавляют, пошли кролей смотреть! – неожиданно предложил Барбоскин.

ПРО КРОЛЬЧИХ И КРОЛЬЧАТ

Огромная белая крольчиха сидит в клетке и грызет длинными острыми зубами деревянное корытце.

– Чего это она? – удивляется Антошка. – Еда лежит, а она?

–Зубы переросли! – говорит Барбоскин. – Не доглядели. Ломать надо.

– Зачем ломать? – недоумевает Антошка. – А чем она есть будет? Кролику без зубов, наверное, нельзя?

– А с такими еще хуже! – сердито сопит Барбоскин. – В этом деле ты, Тошка, ничего не понимаешь. Она же есть не может! Худеет. Смотри какая тощая стала. Раньше в ней килограмм двенадцать было. А сейчас?

Но белая великанша не показалась Антошке худой. Глаза только злые, факт голодная.

– Ох и тяжела, – говорит тетя Марина. – Ишь резцы отрастила! Когда только успела?

Тетя Марина, надев толстые рукавицы, берет крольчиху за загривок, несет отпиливать зубы. Крольчиха сердится, царапается, фыркает, как кот.

– Зачем тетя Марина рукавицы надела? – удивляется Антошка. – Разве холодно? Жарко ведь?

– Крольчиха добра не понимает. Укусить может, – солидно поясняет Барбоскин. – Пошли других кролей смотреть.

Кролики сидят в длинных клетках по одному. Под клетками широкие лотки. Лотки чистят и моют работницы фермы. Возле крольчихи-мамы – крольчата. Крольчата тычутся розовыми носиками в большой живот крольчихи, сосут молоко.

– Во сколько! – говорит Барбоскин. – Народилось

шестнадцать штук, десять оставили, остальных к другой крольчихе посадили. Иначе молока всем не хватит. А у той своих мало, пусть других кормит.

Антон никогда не видел новорожденных крольчат: маленькие, чуть побольше мышонка, слепые, но с ушками.

– Какие крохи! Когда же они вырастут?

– Э! – махнул рукой Барбоскин. – Через две недели не узнаешь! Запрыгают ушастые, как взрослые. Сами корм грызть будут. Только успевай подкладывать.

– А чего подкладывать?

– Ну и дачник. Конечно же еду! Спецкорм, минералку, сено. Летом – траву, капустные листья, морковку и все прочее. Все сгрызут эти грызуны.

– А потом куда?

– Известно куда! У нас же откормочная ферма. Товарный вес два с половиной килограмма.

– А как же крольчиха?

– Новых крольчат заведет. Как и куры, как и утки. Яйца – цыплята, утята. Потом – куры, утки. Мясо все едят!

– Ну ты и Барбоскин! – возмутился Антошка. – Лучше я пойду к бабушке Тане.

– Ну и иди! Я же не виноват, что в деревне живу, все знаю. И свиней тоже на мясо, и бычков. Подумаешь, какой городской выискался! Мы вот такие! – выкрикивал вслед Антону сердитые взрослые слова друг его Андрюшка Барбоскин.

ПРО ОВЕЦ, ПРО КНУТ, ПРО ГРОЗУ И ПРО ТО, КАК ЕЕ НЕ БОЯТЬСЯ

Дед Прохор пошел на почту посылать внуку телеграмму, а овец, кнут и собаку по имени Шалый доверил ребятам.

Ох и хитер пес Шалый! Он смирно лежит возле ног, положив морду на вытянутые вперед лапы, делает вид, что спит. Но стоит только барану с большими крутыми рогами перепрыгнуть канаву, как Шалый вскакивает и отгоняет его назад к овцам. У Шалого не забалуешь!

Стадо разбрелось по полю, ест траву. Ребята, как и велел дед Прохор, глядят в оба.

– Скучно пасти, – говорит Антошка, – делать нечего. – Кнутом бы пощелкать, дед Прохор не велел, говорит, «глаз выстегнете». – Андрюш, давай, пока пастуха нет, щелкнем разочек? Не выстегнем ничего!

– Нет, – отвечает Барбоскин, – обещали же деду? Обещание

надо выполнять.

– Хорошо, не будем, – соглашается Антошка, держась рукой за плетеную ручку кнута. – Но так неинтересно. Кнутом – не щелкни. Овец – Шалый пасет. А мы зачем?

Неожиданно за лесом загремело, засверкало. Небо становилось все мрачнее, чернее. Из-за кустов вылетел ветер. Ветер стал трепать березовые листья, вертеть ветками, раскачивать стволы.

– Гроза начинается! – выкрикнул Барбоскин, хватаясь за кнут. – Надо овец к деревне гнать, за изгородь, а то разбегутся.

Шалый, словно поняв Барбоскина, вскочил и стал бегать вокруг стада. Барбоскин размахивал кнутом и кричал:

– Бяшки! А ну, бяшки! Пошли! Домой, домой!

Овцы, сбившись в кучу, перебегали с одного места на другое, испуганно блеяли, но вперед не шли. В это время совсем рядом страшно треснуло, потом загрохотало.

– Гроза над нами! – крикнул Барбоскин срывающимся голосом и щелкнул кнутом. Антошка кинулся под высокое дерево.

– Назад, Тошка! Убьет! – Антон испугался еще больше и помчался к Барбоскину. Он вцепился в него обеими руками.

– Отцепись, ошалел что ли! – голос Барбоскина слился с грохотом. Антону стало стыдно, и он побежал к деревне. Барбоскин, размахивая кнутом, отогнал овец от большого дерева и погнал по дороге.

– Пошли! Пошли! – кричал Барбоскин, непрерывно щелкая кнутом. Шалый прыгал вокруг стада, не давая овцам разбегаться, гнал их к изгороди. Огненные кривые стрелы пробегали по черным страшным тучам.

Трах-та-ра-рах! – гремело кругом. – Трах-та-ра-рах!

Блеяли овцы, лаял Шалый, щелкал кнут. А сверху лил густой толстый дождь.

Антон плелся сзади всех. Вода стекала по спине прямо в кеды. Рубаха и штаны стали такими мокрыми, будто он только что вылез из реки. Навстречу ребятам спешил дед Прохор.

Трах-та-ра-рах! – гремело над полем, над лесом, над деревней. – Трах-та-ра-рах!

– Поди перепугались? – издали крикнул пастух.

– Перепугались, – признался Барбоскин, – я даже кнутом от страха щелкать стал, а ты не велел.

– Ты же не для баловства щелкал? – дед Прохор из рук Барбоскина взял кнут.

– Нет, овец сгонял, как ты.

– Вот и ладно.

А тут и дождь кончился. Небо стало синим и солнечным. Только где-то за лесом сверкало и гремело. На чистой зеленой траве засверкали крупные каплищи. Воздух, промытый дождем, был таким вкусным, что невозможно сказать. А над речкой выгнула спину разноцветная дуга-радуга. Ну точно как на картинке, даже красивее.

– Туча, поди, в город подалась, – сказал пастух. – Пусть и там помочит. Небось, пыль столбом от машин да трамваев этих! Так, что ли, Антон?

– Так, – отозвался Антошка, – пусть польет. А я, дедушка, очень грозы испугался. Думал, громом всех побьет. А Барбоскин не забоялся. Храбрый он.

– Да чего там, – засмущался Андрюша, – тоже забоялся. А громом, Тошка, не убивает. Бьет молния. Особенно любит она высокие деревья. Бабушка говорит: «Чтоб грозы не бояться, надо есть черные корки от хлеба».

– Ты первый раз со стадом-то? – спросил дед Прохор.

– Первый, – откликнулся Антошка. – Второй раз и грозы не испугаюсь, вот увидите.

ПРО МАЛЬЧИКА ВАЛЕРИКА, ПРО КОЗУ ФРОСЬКУ И СОБАКУ БУЯНА

Трава за огородами такая высокая, что в ней можно легко заблудиться. Особенно много травы с медовым запахом. Когда заходит в нее Валерик, даже его белой шапочки не видно.

Валерик – друг Барбоскина, он дачник. Ему скоро исполнится шесть лет. Он хоть и маленький, но хороший человек, не ябеда, не жадина и очень вежливый. Только с Валериком все время происходят всякие истории. Например, вчера он забрался в эту самую траву и потерялся. Хорошо, что навстречу шла коза Фроська. Коза рогатая, но смирная. Валерик взобрался на козу, сел верхом, вцепился в рога и поехал. Едет, голыми пятками Фроську в бока подталкивает, сам сочиняет: «Фроська, Фроська, ты меня не сбрось-ка. На козе приеду прямо я к обеду!» Фроська его и привезла к самому крыльцу дома, где жил Валерик с бабушкой. На крыльце сидела хозяйка тетя Полина и Валерикова бабушка Калерия Ивановна. Как увидела Калерия Ивановна такое, хотела заболеть, но передумала.

– Валерик, – сказала бабушка, хватаясь за сердце, – что еще за штучки?

– Это не штучки, бабушка, это коза Фрося. Угости Фросю. Она очень хорошая, понятливая, работящая.

Калерия Ивановна вздохнула, пошла на кухню, принесла два кусочка булки. Один дала козе, другой, с вареньем, Валерику.

– Ешьте, – сказала бабушка.

– На здоровье, – добавил Валерик. – Спасибо. А почему Фросе без варенья?

– Козы сладкое не едят.

– Фрося, хочешь? С ягодками? – Валерик протянул козе кусочек булки с клубничным вареньем. Коза мигом проглотила. И потянулась опять к Валерику.

– Ну коза! – засмеялась бабушка. – Не коза, а сладкоежка. – Тут подбежал к крыльцу рыжий пес Буян. И ему вынесли угощение.

Валерик, хоть и дачник, но собак не боится. Подойдет к любой и давай гладить, обнимать. Буян – собака серьезная, нежностей не любит, но с Валериком играет.

Сегодня утром траву за огородами скосили. Ребята валяются на траве, она вкусно пахнет. Завтра трава высохнет, станет душистым сеном. Сено сложат в большие копны. Зимой будет чего жевать коровам, овцам, козам. За огородами теперь босиком не побегаешь – колко.

Валерик очень подружился с Буяном и Фроськой. Они почти все время ходят вместе. Валерик пасет козу, Буян сидит рядом, пасет Валерика.

Буян стал таким гуленой, что старший Барбоскин, дядя Коля, сказал, что посадит собаку на цепь, что хватит ей бездельничать, пора стеречь сад. Скоро поспеют молоки. Зато Фроську на цепь никто не посадил. Хозяйка козы тетя Полина очень довольна Фроськиным пастухом.

– Паси, паси, сынок! – говорит тетя Полина, коза смирная. Молока дает много, и **жирного.** Как сделаю сыр, тебя, Валерик, угощу.

Но Валерик козу пасет не из-за сыра. Валерикова бабушка, Калерия Ивановна, все время говорит:

– Внук-то мой ну чисто цыпленок. Не ножки, а спички! Съест кусочек, и все. Ну до чего худенький, миленький! Может быть, за лето подрастет, пополнеет?!

Калерия Ивановна Валерика за Фроську не ругает. Наоборот, даже считает, что лучше, чем с мальчишками носиться, последний жирок вытряхивать! Пусть нагуливает аппетит. И отпускает Валерика с козой. Фроська бродит, щиплет траву, листья. Валерик сидит под кустами на теплых камнях, смотрит за козой. Ему нравится быть Фроськиным пастухом.

Фроська, как хвостик, ходит все время, бегает за Валериком. Даже утром заходит за ним. Подбежит к крыльцу, встанет,

длинными белыми ресницами хлопает, большущими глазами на окна смотрит и кричит: «Мэ-ээ-ээээ!», Что, наверное, означает: «Вы-хоо-дии!»

– Вон твоя подружка пришла! – говорит Валерику бабушка Калерия Ивановна. – Сейчас, Фросенька, пастух одевается. На-ка хлебца. Уж извини, что без варенья. Кончилось. Нового еще не сварила. Как сварю, непременно угощу.

Фроська берет хлеб, долго жует. Она всегда так. Иногда съест одну травинку, а жует целый час.

– У ней за щекой жвачка? – спросил раз Валерик у Барбоскина. – Почему коза еще не ела, а уже жует?

– У всех коз так. И у коров тоже, – ответил Барбоскин. – Они – жвачные животные. Нахватают, наглотаются травы, а потом, на досуге, пережевывают. Одним словом, – закончил Барбоскин, – жвач-ны-е!

А еще Валерик играет с козой. Будто он – разведчик, а коза его конь.

– Фрося, стой! – говорит Валерик. – Я на разведку пошел, а ты здесь прячься.

Фроська стоит, ест траву, а он ползет под кустами – разведывает. Или он убегает от Фроськи, а она его ищет.

Хороша коза Фроська, не бодливая, умная.

ПРО ТО, КАК УЧИЛИСЬ КАТАТЬСЯ НА ВЕЛОСИПЕДЕ

С утра Барбоскину не спится. Отец на машине уехал на техническую станцию, поэтому разрешил Андрюше покататься на велосипеде. Барбоскин почистил его, смазал машинным маслом.

Антону тоже хочется покататься на велосипеде. Когда он был маленьким, у него был трехколесный. На взрослом же двухколесном он никогда не ездил.

– Догоняйте! – кричит Барбоскин, усаживаясь на седло. Велосипед стоит у крыльца. Садится на него Барбоскин со ступенек.

И вот велосипед поехал, завилял из стороны в сторону. Переднее колесо то и дело поворачивается вместе с рулем не так, как надо. Барбоскин еле-еле дотягивается до педалей, поэтому едет стоя. Валерик и еще два пацана, Мишка и Витя, бегут сзади. Антошка держится за седло.

– Отцепись! – кричит Барбоскин. Он все время оглядывается. Из-под колеса с кудахтаньем разбегаются в разные стороны куры. Велосипед едет по дороге, виляя вместе с Барбоскиным.

– Сворачивай! В переулок! Машины! – кричит Мишка.

Барбоскин круто поворачивает руль и перелетает через него.

Теперь все сидят на канаве. Велосипед лежит на земле. Мишка рвет подорожник, а Барбоскин прикладывает листочки к разбитой коленке.

– Называется, покатался! – ворчит Барбоскин. – На смех всем деревенским индюкам.

– До свадьбы заживет, – тоненьким голосочком говорит Валерик.

– Заживет, – добавляет Витя.

– Андрюш, дай мне покататься, – не выдерживает Антошка.

– Садись, – не возражает Барбоскин.

Мишка и Витя держат велосипед за руль, Валерик на седло. Антон влезает, педали далеко внизу.

– Ты под раму! – советует Валерик. – Я видел, так многие мальчишки на больших велосипедах катаются.

Велосипед везут, а Антон учится крутить педалями. Только подали эти вертятся, как не надо. А если вертятся как надо, то всем приходится бежать. Потом Антошке кажется, что он может ехать один.

Я сам! – кричит Антошка, но его почему-то потянуло с тропинки к забору. Не успел Антон сообразить, как больно ударился плечом о деревянную изгородь. Но ноги из-под рамы успевают выскочить.

– Здорово, – говорит подбегающий Валерик. – Сам ехал!

– А забор?

– Забор – не в счет!

Потом на велосипед забирается Мишка, потом Витя. Один Валерик бегает сзади.

– Ничего, ребята, – попискивает он, – завтра научитесь. А я ноги накормлю. Они вырастут. И тоже на учусь.

Ссадина на коленке Барбоскина к вечеру покрылась красной коркой.

– Докатился, – вздыхает бабушка Катя. – Я говорила: до хорошего этот старый велосипед не доведет Давай болячки твои помажу. Хочешь зеленкой, хочешь йодом. И так и так нарядно.

Но Барбоскин согласился на зеленку, меньше щиплет.

И все же быстрее всех ездить на велосипеде научился Барбоскин. Он и раньше чуть умел. Теперь Антошка с Барбоскиным катаются вместе. Барбоскин жмет на педали, а Антошка сидит на багажнике. Андрюша сильный. У него толстые мышцы. Велосипед ему теперь отдали насовсем. Отец, наконец, купил мотоцикл. И у Мишки теперь есть велосипед. На нем он Валерика катает.

ПРО ДЯТЛА, ПРО ГНИЛУШКИ, ПРО ФИЛИНА И МЫШЕК-ШУРШИШЕК

В лесу часто слышны постукивания дятла; «Тук-тук-тук, тук-тук-тук».

– Это барабанит дятел, – говорит Барбоскин.

– А ты почем знаешь? – возражает Мишка. – Может быть, это лесовичок, что в лесу живет. Ночью он ходит по тропинкам, грибы собирает, по болотным кочкам бегает. А как солнышко проснется, в лесу по сучкам прыгает, стучит, клад ищет. Вот слышите? Тук-тук-тук!

Сосновый лес начинается прямо за совхозными огородами. На высокой сосне ребята увидели дятла в черном галстуке. Большой хвост его, как лопата, упирался в дерево, широкие лапы обхватили кору, а длинный толстый крепкий клюв бил в ствол.

«Тук-тук-тук! Кто-тут! Тук-тук! Кто-тут!»

– Разве это лесовик? – заулыбался Барбоскин. – Это – настоящий пестрый дятел, насекомых выстукивает.

Дятел на минуту замолчал, повертел головой по сторонам.

– И как только красная шапочка не слетит? – прошептал Валерик. – Нет, это – не дятел. Он притворился, что дятел.

– А я что говорил? – также шепотом продолжал Мишка. – Это лесовик в красном колпачке. Кафтанчик снял. Жарко в кафтанчике работать. А колпачок снять забыл. Вот солнце ляжет спать, в лесу станет темно, он снова превратится в лесного человечка.

– Все-то ты, Мишка, выдумываешь! – сказал Барбоскин. – Врешь!

– Не вру! Ночью пойдем в лес, сам увидишь.

– А кто нас ночью в лес пустит?

– Кто, кто... Бабушка.

Но баба Таня, Антошкина бабушка, сказала, что ночью только совы по лесу летают да светлячки пеньки рассматривают. А баба Катя, Андрюшина бабушка, сердито молвила, что детям ночью в лесу делать нечего, что ночью дети, как все люди, должны спать, что пора огород полоть.

– Ах так! – разобиделся на бабушку Барбоскин. Вот уедешь в гости, один в лес пойду. И не побоюсь!

– Ну-ну! – сказала баба Катя и пошла на ферму к коровам. А Валерик отправился к бабушке Калерии Ивановне.

– Бабушка, – просит Валерик, – отпусти меня с Антоном и Андрюшей на сеновале поспать. Мне так хочется!

– Хочется да перехочется! Мал еще по сеновалам ночевать! – Калерия Ивановна делала вид, что сердится.

– Ну, бабушка, ну, миленькая... Я же большой. Сама сказала: щеки наел. Смотри! Как у кабанчика-барабанчика, – Валерик незаметно поддул щеки.

– Ну что с тобой прикажешь делать? Играл бы пузырями, вон Вадик бегает и Олечка. Так нет! К большим лезешь!

– Ну, бабушка, – не унимался Валерик.

– Вот лист березовый, – вздохнула Калерия Ивановна и разрешила.

На другой день ребята отправились ночевать на сеновал. Сена в сарае под самую крышу. Расстелили широкий толстый брезент, чтобы не было колко, улеглись.

– Хорошо, – сказал Мишка.

– А то нет! – добавил Валерик. – А почему луна такая круглая, огромная и оранжевая?

– Где ты видишь луну? – удивился Барбоскин.

– В щелку! У луны, наверно, праздник, день рождения.

– Угу! – поддакнул Мишка, – потому и нарядилась. Айда в лес, светлячков смотреть и человечков лесных?!

Собирались недолго. Кругом тихо, над лесом низко висела нарядная огромная луна. Над озерком пушистым белым покрывалом лежал туман. Куски его расползлись по кустам. Поблескивали звездочки, словно кто в небо воткнул блестящие елочные украшения. Лес стоял мрачный, непонятный, загадочный. Крадучись, ребята прошли мимо совхозного сарая, мимо скирды с душистым сеном. С кустов посыпалась роса.

– Страшно, – прошептал Валерик.

– Страшно, не страшно, – храбрился Антошка, – а бабушки накажут.

– Страшно, накажут! – передразнил их Барбоскин. – Раз решили на лесных человечков смотреть, так идем.

Около сумрачной дорожки вдруг зашевелились травинки, вздрогнули длинные листочки ландыша, листья лопастого папоротника.

– Кто это? – испуганно прошептал Валерик.

– Это вышли на прогулку мышки. А может быть, **ежик** гуляет, он ночное животное, – спокойно сказал Барбоскин.

Ух-ух! – заухало в глубине леса так, что Валерик от страха присел на корточки.

– Ой, мальчики! Что это?

– Да это сова на промысел вылетела, на мышей охотится, – продолжал Барбоскин. – Неприятно кричит.

И вдруг все увидели, как впереди вспыхнул голубыми мерцающими огоньками широкий пень.

– Вот здесь, – сказал Мишка, – живут светляки – фонарики

лесных человечков. Вот видите? Фонарики разлетаются! – Мишка ткнул в пень ногой. – Лесные человечки в руках фонарики понесли.

– А почему человечков не видно? – спросил Валерик.

– Так они в невидимых кафтанчиках! – уверенно продолжал Мишка.

Барбоскин подошел к пню, наклонился:

– Это не светляки. Светляки – как червячки. Это светятся гнилушки.

– Давайте с собой возьмем? – предложил Антошки. Несколько кусков гнилого дерева быстро перекочевало в карманы.

В лесу что-то затрещало, с сосен посыпалась сухая хвоя.

– Что это? – в два голоса прошептали Валерик и Мишка.

– Не знаю, – отозвался Барбоскин. Все стихло. – Наверно, старый сук у дерева отломился, или филин из дупла вылетел. – Снова зашуршало. Потом раздался сдавленный писк. И снова тишина. – Это филин мышонка съел, – деловито вымолвил Барбоскин.

– А ты откуда все знаешь? – не выдержал Антошка.

– Папа Коля рассказывал. Мы с ним в лес ночью ходили, на экскурсию, как сказал папа.

– То-то ты храбрый такой! – отозвался Мишка. Валерик испуганно оглядывался по сторонам.

«Ух-ух-ух. Ха-ха-ха!» – заухало, захохотало совсем рядом.

– А совы на людей не охотятся? – дрожащим шепотом вымолвил Валерик.

– Не бойся, не охотятся, – заторопился Барбоскин, – пошли назад.

– Пошли.

– А как же лесовичок? – спросил Мишка. – Мы их так и не видели!

– Лесовичок, лесовичок! – передразнил Мишку Барбоскин. – Сам ты лесовичок, зюзя мокрая, нос сопливый.

– Сам ты – зюзя! – возмутился Мишка и повернул в деревню. За Мишкой, торопясь и спотыкаясь, спешил Валерик.

– Вот они где! – у сарая, в ночной рубашке, стояла Калерия Ивановна. – Ну и дела! Я завтра с вами поговорю. Валерик, марш домой спать. Сеновал у них, называется!

– А у нас гнилушки! – Валерик из кармана вытащил куски дерева.

– Гнилушки у него! Вот папа приедет, он тебе покажет гнилушки!

– Это не он, – вступился за Валерика Мишка, – это все я. Мы лесных человечков пошли смотреть.

– Калерия Ивановна, – вперед вышел Барбоскин. – Я им хотел ночной лес показать, чтобы не боялись. Меня так папа Коля воспитывал.

– Ладно, воспитатель, завтра потолкуем, – уже спокойнее ответила Валерикова бабушка. – Небось глаза слипаются?

– Слипаются, – вздохнул Валерик, засовывая обратно в карман куски старого дерева. – Я так и думал. Это стучал дятел.

ПРО ЖЕЛЕЗНУЮ КОРОНУ И ЦАРСТВО ЖЕЛЕЗНЫХ КОРОЛЕЙ

– А у меня что есть... – загадочно сказал Мишка, ложа животом на горячем песке. Ребята только что вылезли из речки и грелись на солнце.

– Что? – лениво отозвался Барбоскин. Он не купался. Его на солнце так разморило, что говорил, не открывая глаз.

– Только это тайна, – продолжал Мишка. – Я нашел железную корону.

– А может быть, золотую? – нехотя проговорил Барбоскин, переворачиваясь на другой бок. – Книжкины все сказки.

– Не золотая. Золотая блестела бы. У мамки кольцо золотое, я зна**ю.**

– Покажи, – отозвался опять Барбоскин.

– Она у меня спрятана в сокровищнице королей.

– Каких королей? – удивился Барбоскин.

– А я почем знаю, каких?! Наверно, железных. Говорю корона, значит, корона.

– Пошли! – сказал Барбоскин.

– Пошли, только туда далеко.

– Айда на велосипедах! – Барбоскин стал быстро натягивать майку.

– Валерика не возьмем! – заявил Мишка. – Маленький и разболтает.

– Я все равно слышал! Я не болтун. Возьмите, пожалуйста...

– Ладно уж, садись на раму, – сказал Барбоскин. – Пошли-поехали!

Антошка сидел у Мишки на багажнике. Но Мишка быстро устал. Потом педали крутил Антошка и тоже устал.

– Лучше пешком, – предложил Антон.

– Конечно, – согласился Мишка, – спрячем велосипеды в кустах и пойдем. Все равно дорога плохая. Сначала все в гору, в гору. Потом все лесом, лесом, а потом через болото и на бугор.

Ребята спрятали велосипеды, завалили их сучьями. Впереди шагал Мишка, за ним Барбоскин, следом Антошка с Валериком.

Гора оказалась крутой. Все устали и проголодались.

– Далеко еще? – спросил Барбоскин.

– Не так чтобы, – ответил Мишка, – но и не близко. Может, вернемся?

– Сдрейфил, значит! Или соврал про корону?

– Сам ты сдрейфил! И врать я не люблю, – возмутился Мишка, – пошли!

В лесу было весело: попадались крупные зрелые земляничины и уже почти черные ягоды черники. Неожиданно Мишка свернул в сторону и потащил всех к болоту. Засучив штаны, ребята стали пробираться через пушистые мягкие кочки и лохматые пни. Местами среди болотной зелени блестели глубокие озерки.

– Там, кажется, – неопределенно сказал Мишка. – Точно, там! Видите, веревка на березе?

Но веревки никто не увидел. Зато впереди возвышался песчаный крутой бугор, с высокими густыми кустарниками и большими соснами. Мишка первым взобрался наверх, уселся на ломкий белый мох и тихо молвил:

– Здесь начинается царство железных королей.

– Королей, королей, – почему-то ворчал Барбоскин.

По краю бугра тянулись старые канавы. Кругом безмолвие. Даже птицы между собой не переговаривались. Еле слышно шумели, покачивая вершинами, могучие сосны. Пахло смолой и лесными цветами. Солнце наклонилось к земле, заглядывало под сосновые кроны. Сильно пекло.

– Пошли, – шепотом зашептал Мишка.

– Странно тут, – тоненьким голосочком отозвался Валерик, поднимаясь с белой моховой подстилки.

– А вдруг и сам железный король здесь?

– Какой еще король? – неестественно громко засмеялся Барбоскин. – Напридумывали, а теперь трусят. Это – старые траншеи, после войны остались. Пошли, Михаил, показывай свою корону. Небось, железяка какая-нибудь?

Заросших траншей здесь было много. В одном месте неглубокая, но широкая яма уткнулась в длинную кривую.

– Здесь землянка или военный штаб был, – сказал Барбоскин. – И не какое это не царство.

– А вторая яма? – спросил Антошка. – Что в ней было?

– Вон там! – потянул Мишка за собой Барбоскина. Под кучей хвороста, из земли, Мишка выкопал странное железное полукольцо. С одного края полукольца вверх торчали короткие ржавые украшения.

– И правда, на корону похожа, – хмыкнул Барбоскин.

– А я что говорил? – обрадовался Мишка.

– Домой возьмем. Что ей тут лежать.

– Давай возьмем, – согласился Мишка, – а то совсем сржавеет.

– А как ты, Мишка, сюда попал?

– Да все телка наша брыкастая, убежала, мы с Витькой ее искали. Вот и корону нашли. Витька посоветовал ее зарыть. Говорит, на следующий год, когда в деревню приеду, отроем.

– Есть хочется и пить, – пискнул Валерик, – и спать. Бабушка Калерия Ивановна теперь меня накажет.

– Накажет, точно! – подтвердил Мишка. – Нечего с большими пацанами шляться. Пошли.

– Пошли, ребята, меня баба Таня тоже ругать будет.

– Накажет, ругать! – заворчал Барбоскин. – Делать вашим бабушкам нечего. Моя в совхозе, только к ночи придет. У них сегодня новый коровник достроили. Принимают! А мы со стадом вернемся. Подумаешь, какая ночь.

– Подумаешь не подумаешь, только бабушки на внуков очень рассердились.

В ЗАТОЧЕНИИ. СОВЕЩАНИЕ У СОСНЫ

На другой день Барбоскин загадочно ходил мимо Антошкиных окон и почему-то молчал. Не стучал по наличникам, как обычно, не совестил, что долго Антон спит. Было уже десять часов. Антон сидел наказанным до двенадцати.

– Что? – спросил Антошка, когда баба Таня вышла из комнаты.

– Дело есть! – заговорил таинственно Барбоскин, подойдя близко к окну. – Как освободят, давай дуй на край деревни, к большой сосне.

– Ладно. А чего?

– Чего, чего. Дело, говорю, есть!

– Понял, – сказал Антошка, хотя ничего не понял.

У большой сосны он увидел Петьку Хлыща. Его звали так только потому, что фамилия его – Хлыщев. Петьке уже тринадцать лет. Он говорил, как взрослые, – баском. И то, что Хлыщ встретился с ними, было большой честью. Младших ребят старшие называли «пузатой мелочью», «пузоштанниками».

– Какая тайна? Выкладывайте! – сказал Петька, глядя на Барбоскина огромными синими глазами.

– Мы нашли железную корону! – выпалил Антошка.

– Не корону, а миноискатель, – сказал Барбоскин. – Отец так сказал. Он-то знает, в армии служил.

– Ну и что? – невозмутимо глянув сверху вниз на Антошку,

хмыкнул Хлыщ. Петька был очень длинный и худой. Даже уши и нос у него были длинными. – Подумаешь, миноискатель! У меня фонарик есть, во фара. Батарейки только сели.

– Подожди ты, – сказал Барбоскин. – А вдруг там мины? Раз искали. Может быть, одну оставили?

– Все это – яичница! Некогда мне с вами, на конюшню надо. Сегодня в ночное. – Петька развернулся и пошел в сторону длинных сараев, где была конюшня.

– Петь, возьми нас с собой? – попросил неизвестно откуда появившийся Валерик. – Мне так хочется в ночное.

– Это что еще за голландский кисель?

– Я не голландский, я – Валерик. Хочешь? – Валерик протянул Петьке апельсин.

– Ну и дачник! Мировой парень! Ладно, отпрашивайтесь у своих бабушек. Вот только у дяди Мити спрошу, – пробасил Петька, подкидывая вверх большой оранжевый апельсин. На солнце апельсин стал еще ярче.

ПРО НОЧНОЕ, ПРО ЛОШАДКУ АНЮТКУ, КАРТОШКУ И ПРО ВОЙНУ

Баба Таня и Калерия Ивановна ничего про ночное **и** слышать не хотели.

– Да хватит вам, бабоньки! Ничего с ними не будет! – заступилась за ребят бабушка Катя, Андрюшина бабушка. – В деревне жить да в ночном парню не побывать? Не дело! Не такие уж и маленькие они. Пусть к самостоятельности привыкают. Свои-то годы вспомните? За мужиков работали! – И бабушки согласились.

– Вы уж, Андрюша и Антоша, за Валериком при глядите, – говорила Калерия Ивановна, – хорошенько укутайте, чтоб не замерз. Он ведь слабенький и самый маленький из вас. В костер сучков побольше кидайте. – Она сунула в руки Валерика рюкзачок с едой. – Ешьте. Тут на всех. Попадет мне от дочери и зятя! Уж чувствую, попадет!

Но Валерик этого не чувствовал. Он взял рюкзачок теплую курточку и зашагал рядом с Барбоскиным.

На краю леса ребята сложили в кучу свои вещички и пошли собирать хворост. Солнце висело на еловой лапе огромное, усталое. Было тепло и совсем хорошо, если бы не комары. Эти носатые кровопийцы не отставали ни на пальчик. Спасали штаны и рубахи. Кругом слышались шлепки. Петька хозяйственным глазом посмотрел на соседнее картофельное поле и спросил:

– А картошку взяли?

– Вот соль и яйца и курица вареная, – Валерик развязывал свой рюкзачок.

– Сойдет, но без печеной картошки ночного не бывает.

Лошади, смешно подпрыгивая на передних ногах, переходили с одного места на другое. Лошади паслись,

– Пошла, Анютка, пошла! – сказал дядя Митя, снимая огромный плащ и расстилая на сырой от росы траве. – Ишь, попрошайка, подлиза! Угощения ждет! – пастух вытащил из кармана пиджака кусок хлеба, сунул в рот лошадке Анютке. – Ну, теперь давай в поле и не вздумай возвращаться!

Анютка, неторопливо перебирая передними связанными ногами, пошла к лошадям.

– Дядя Митя, а зачем вы им ноги связали? – спросил Валерик тоненьким голоском.

– Это что тут за комарик пищит? – рассмеялся дядя Митя, усаживаясь на разостланный плащ.

Валерик я!

– Так уж положено, Валерик, чтобы далеко не ушли. Лошади ночью пасутся, то есть кормятся, отдыхают от дневной работы. Но за ними нужен пригляд. Если вот, к примеру, Анютку не спутать? Так она в тридесятое царство ускачет. Какая из нее потом работница? Да и наищешься! Прыткая лошадка, молодая. И любопытная. Ни одна из наших лошадей в окна не заглядывает. А эта – заглядывает. Подойдет и сунет морду в открытое окно, если низко. А то и цветы на окне съест. И в сумку залезет, коль хлебом пахнет. И в карман могла бы, да только толстые губы не пускают. Лиса, а не лошадь. А вы, гляжу, и костерок приготовили! Хозяйственные, однако.

Солнце закатилось за лес, но его яркий свет еще проглядывал сквозь ветви деревьев. Потом стало быстро темнеть, сильнее запахло высушенными травами и цветами.

– Звезды выкатились! – объявил Барбоскин. – Смотрите, какие яркие!

– Но выкатились, Андрюша, а загорелись, – Валерик пододвинулся поближе к Антошке.

– Много ты понимаешь! Лучше куртку застегни! – Барбоскин вдруг рассердился. – А картошка? Уже угли есть. Мишка, ты где? Давай ее сюда.

– Счас! – послышался из-за кустов Мишкин голос. О траву обтираю, об росу.

– Чего ее обтирать! Все равно в золу пихать.

– Все-таки почище! – отозвался Мишка.

Вокруг горящего костра было темно, как у бабушки в погребе.

Антошка никогда не был ночью в поле, если не считать ночного похода в лес. Где-то фыркали лошади. Да Петька понукивал их баском.

– Петька, – крикнул дядя Митя, – хватит возиться-то, потом на лошадей посмотрим. Иди сюда. – Дядя Митя вдруг поднялся. – В село схожу, курево забыл. Петь, ты тут за старшего будь.

Пастух ушел, из темноты вышел Петька.

– Готова? – баском спросил Хлыщ. – Давай, выкатывай, первая мне.

– И мне, как самому маленькому, – пискнул Валерик, – а то вдруг засну?

Мишка из горячей золы вытащил первую картофелину, черную и обгоревшую.

– Не обожгись, малявка! – Петька разломил дымящуюся картофелину пополам. Одну половину дал Валерику. – Ешь!

Губы, щеки и нос у Валерика сразу стали черными от угля и пушистыми от серой золы. Толстые горячив скорлупки дымились, а внутри была белая, чуть хрустящая, картошка.

– Как вкусно! – сказал Антошка, обжигаясь. – Никогда такой не ел. – Все с аппетитом уплетали, прикусывая соленым огурцом и черным хлебом.

– Ешьте, картошки много, – Петька Хлыщ махнул рукой в сторону картофельного поля.

– А курица? – вспомнил Валерик.

– И до твоей курицы доберемся! – засмеялся Барбоскин. – А ты, Валерик, как черт чумазый. Видела бы тебя твоя бабушка.

– И ты, Андрюша, очень перепачкался. Хочешь, возьми мой носовой платок?

– Дачник ты, Валерик! Какой сейчас платок? Во! – И Барбоскин прошелся щеками по рукаву слева направо, справа налево.

– И я так хочу! – заявил Валерик и вытерся рукавом.

Потом съели курицу, потом вареные яйца, потом апельсины. Когда все наелись, Валерика накрыли ватником и велели ему спать. Он так и сделал. Ребята сидели вокруг костра, подбрасывали смолистые сосновые ветки и еловые лапы. Золотые искры взлетали вверх и гасли высоко-высоко в небе.

– А что такое искры? – спросил Антошка. Но никто не ответил. – Как здорово, – снова сказал Тошка, укладываясь на толстой подстилке.

– Ага, – отозвался Мишка. Мишка снял сапоги и вытянул ноги.

– Не спали! – пробасил Петька. – Босиком с обуглившимися пятками к мамке потопаешь. Я, пожалуй, на лошадей погляжу.

А неутомимый Барбоскин все подкидывал и подкидывал в костер ветки.

– Не ходь! – из темноты вышел дядя Митя. – Я проверил. Как вы тут?

– Ешьте, – предложил Мишка, – еще испечь можно.

– Сыт, дома щей похлебал, – пастух уселся у костра. – Да вы спите, ночь ясная, дождя не будет.

– А волки?

– Волки, Антон, зимой. А сейчас их нет. – Пастух закурил.

– Дядя Митя, а мы корону нашли.

– Не корону, а миноискатель.

– Где же? – дядя Митя подгреб угли.

– А за болотом, в лесу, на горе, – Мишка сел. – Там траншей сколько! И землянка.

– Передний край, – тихо молвил пастух, – много солдат наших полегло. Не одна сотня, что у дороги, под обелиском там лежит. Но и фашистов хорошо побили, в болоте топили. Болота там непроходимые. Гиблое место. Пропасть можно. Не ходите туда.

– Обелиск такой маленький, а под ним столько людей захоронено? – усомнился Петька. – Ты, дядя Митя, ничего не путаешь?

– А чего путать? Сам мальчонкой был. Мы их и хоронили. Много молодых. Один, помню, красивый, черненький, с усиками, а грудь – разорвана. Страшно, ребята, вспоминать. А луна-то, гляньте, какая из-за деревьев выглядывает.

– Как блин, – сказал Антошка.

– Не блин, а алюминиевая тарелка. И тогда, дядя Митя, луна светила? – спросил Барбоскин.

– И луна была и солнце! И звезды те же. А вот люди?.. И те, и уже другие народились. Немного старых солдат осталось да вдов. А еще меньше матерей тех солдат. Беречь их надо.

– Надо, – согласился Петька. – Деда Прохора, бабу Мотю. В войну они партизанами были.

– А я и не знал! – удивился Барбоскин. – Вроде знал да забыл. Дядя Митя, а вы в войну играли?

– До войны, ребята, играли. А в войну не до того было. Мальчишки ведь в деревне за мужиков работали. Приходилось. Кому же еще? Дети и бабы да старые люди. И пахали, и сеяли, и картошку сажали. И лес валили. Твоя вот, Антон, бабушка Таня всеми ребятами и верховодила. Маленько старше нас была, а командир! Все ее слушали. А ты слушаешься ее?

– Слушаюсь, – вздохнул Антошка, – она меня пускает с ребятами, только ворчит очень.

– А как же не ворчать? На то она и бабушка. Боится за тебя, перед родителями твоими в ответе.

Совсем рядом фыркнула лошадь.

– Анютка пожаловала! – Лошадиная морда высунулась из темноты, потянулась к апельсиновым коркам. – Апельсинчиков захотела? – Анюткина морда моментально исчезла. – Ой и блудливая, – пастух, завернувшись в плащ, лег у костра. – А теперь спать, спать! Скоро начнет светать.

ПРО ТУМАН, ПРО ТО, КАК НАЧИНАЕТСЯ НОВЫЙ ДЕНЬ

Проснулся Антошка от холода. Вместо костра – сирая кучка золы. Ребята спали. Дядя Митя раздувал огонек, чтобы прикурить. Над полем плавало белое облако. И в этом облаке – лошадиные головы, ноги. Антон встал. Трава вокруг мокрая-премокрая.

– Дядя Митя, дождь был?

– Роса это. Вишь, сколько тумана? Лошадей всех запеленал, – откликнулся дядя Митя. – А ты, Антошка, видел, как солнце-то встает? Ты ведь городской.

–Не-а, – признался Антошка, – не видел.

–Так смотри. Негоже человеку не видеть этого. Закат всем знаком, а восход солнца? В той стороне, видишь, небо светлое. Там наше солнышко и взойдет.

Антошка стал смотреть, но солнце не появлялось. Зато птицы пели все громче и громче. Потом край неба будто загорелся. И показалась солнечная маковка. Солнечная макушка все высовывалась и высовывалась. А вот и все оно поднялось из-за поля. И Антошка увид**ел** лошадей. И головы, и ноги, и туловища. Одни лошади стояли, другие лежали, третьи – щипали траву. Туман куда-то стал исчезать. Роса становилась крупнее.

– А куда туман уходит? Где туман?

– Какой туман? – спросил Барбоскин, протирая глаза. – Ты про туман, что ли? Он на землю ложится, росой делается. – Барбоскин сел, потом встал, потянулся. Вот и все ночное. Петька спит. Мишка спит. И Валерик спит. Одни мы с тобой не спим. Что делать будем?

– Ясно, что, – ответил Антошка. – К обелиску надо сходить. Цветов снести. Мы в городе всегда цветы к обелиску носим.

– Эй вы, сони! Подъем! – захлопал в ладоши Барбоскин. Петька и Мишка вскочили.

– Ты, чумовой, потише! – пробасил Петька. – Маленького не буди.

– Пусть спит, – отозвался дядя Митя. – Я его на лошади

домой свезу. Мал еще рано вставать. Петь, лошадей на водопой давай. А вы, хлопцы, топайте. Счастливого дня. Ох и хорош сегодня денек будет!

Высокие стройные березы стояли вокруг обелиска рядами. Сразу видно, что посажены. За низкой серебряной оградкой – памятник, склонившаяся фигура женщины с цветами в руках. На каменном обелиске с четырех сторон привинчены блестящие дощечки с именами погибших.

– Как много! – удивился Антошка. – Они там, под обелиском, и лежат? А их родители знают об этом?

Барбоскин пожал плечами:

– Наверно, знают. А может быть, и нет. Надо учительницу спросить. Вот лето кончится…

– А пошли сейчас, – перебил Антошка, – чего до осени тянуть! Ждать почти месяц.

– Сейчас, Антошка, надо домой явиться, бабушкам доложиться. А то в другой раз не пустят. Военную тактику изучай!

Доложившись бабушкам, ребята отправились к учительнице. Мария Николаевна нисколечко не удивилась, когда к ней в дом ввалилась компания.

– Зачем пожаловали? – улыбнулась Мария Николаевна. – Никак по школе соскучились?

– Нет еще, – откровенно сказал Барбоскин. – Валерик – маленький, Антон – городской. Мы только с Мишкой ученики.

– Так что же вас привело?

– Мария Николаевна, а вы знаете, кто под обелиском похоронен?

– Знаем, но не о всех. Наши следопыты этим делом занимаются. Вот почему Андрюша Барбоскин не знает, просто удивительно. Миша, – продолжала учительница, – ученик новый, ему простительно. А тебе, Барбоскин, нет. Мы знаем, что ты человек хозяйственный, помогаешь в доме, в совхозе. Это очень хорошо. Но ты уже и четвероклассник?

– А как быть? – спросил Барбоскин.

– Придет сентябрь – и включайся в работу следопытов. Так что до сентября. Договорились?

– А все-таки, – заявил Барбоскин, когда ребята вышли на улицу, – этим делом надо заняться сейчас.

– Чего до осени ждать, – поддакнул Антошка, – осенью я буду в городе.

– Надо еще раз сходить в Мишкино царство железных королей, – решили ребята.

На следующий день у большой сосны ребята совещались.

– Лопату возьмем, – предложил Мишка, – покопа**ем,** может быть, еще что найдем. Не одна же там корона?

– Миноискатель, – поправил его Барбоскин.

– Ну, миноискатель. Не все ли равно? – Мишка не спорил. А чего спорить, и так ясно.

– Солнце встанет, и пойдем, – сказал Антошка.

– Лучше до солнца, не так жарко, но бабушки ваши не пустят, – вздохнул Барбоскин. – Петьку бы позвать.

Но Петька пойти не смог. Дядя Митя уехал в больницу лечить зубы. Петьку на конюшне вместо себя оставил. Поэтому пошли в прежнем составе.

– Теперь, – философствовал Антошка, – доберемся быстрее. Дорога второй раз всегда кажется короче. Наверно, потому, что дорога к тебе привыкает, а ты к ней.

Возле старой землянки ребята стали строить жилье. Вкопали две сучковатых палки, поперек положили еще одну – сосновую жердину. Потом натаскали валежника. Получился шалаш. Теперь никакой дождь не страшен.

– Раз солнце уселось на сосновые лапы, – сказал Мишка, – значит, день к вечеру идет.

– Рано, – заявил Барбоскин, – до деревни всего-то час ходьбы. С коровами вернемся. Надо место для костра приготовить.

Саперной солдатской лопаткой, которую прихватил из дома Барбоскин, ребята сняли дерн с земли. Получился темный квадрат. Кругом квадрата прокопали узенькую канавку. Дерн положили по краю землянки.

– Вот на земле и будем разводить огонь, чтобы пожара не наделать. Лес сухой, живо загорится. С огнем не шутят! – деловито высказался Барбоскин, усаживаясь на вынутый дерн.

– Хорошо бы землянку настоящую сделать, военную, – предложил Мишка. – Чтобы все в ней как надо.

– А как надо?

– А я почем знаю? У Петьки спросим. Он семиклассник.

– В другой раз уж. Пила нужна, топор. – Барбоскин лопатой нехотя ковырял землю у края неглубокой ямки. Неожиданно лопата стукнула по чему-то твердому. Барбоскин стал копать быстрее. Этим твердым оказался конец круглой железной трубы. Ребята копали дальше. Из земли стала вырисовываться ржавая, помятая, но настоящая военная пушка. Пушка лежала, завалившись набок. В нескольких местах она была сильно помята и изгрызена.

– Вот это находочка! Что твоя корона! – сказал Барбоскин.

Забыв обо всем, ребята копали еще быстрее. Барбоскин орудовал лопатой, Антошка палкой, Мишка и Валерик землю отгребали руками.

И вдруг наткнулись на рукав шинели. Из рукава торчала костлявая рука и истлевшая, похожая на рукавицу, вещь.

– Это что? – спросил Валерик, трогая желтые кости. – Рука?

– Была! – крикнул Барбоскин, быстро вылезая из ямы. Антон и Мишка были уже наверху. Один только Валерик сидел в яме.

– А чья это рука? – спросил Валерик, когда его вытащили.

– Того, кто там лежит.

– Надо его выкопать, – предложил Валерик, – а вдруг он живой?

Мишка и Антон неслись по склону бугра, не разбирая дороги. За ними, таща Валерика за руку и что-то выкрикивая, торопливо спускался Барбоскин.

– Какой живой! – слышался Андрюшин голос. – Прошло больше сорока лет, как кончилась война. А здесь бои были раньше.

Дорогой ребята решили никому ничего не говорить. А тем более бабушкам. Разве только Петьке. И так ожидается взбучка. К деревне подошли, когда солнце уже спало. Коровы давно вернулись с пастбища и молча пережевывали съеденную за день траву.

ПРО ОГУРЦЫ, МОРКОВКУ И ПРО ТО, ЧТО ТАКОЕ АППЕТИТ

Вернувшись после дневной дойки, баба Катя присела на скамейку.

– Ты чего-то, Андрюша, совсем от дома отбился. Матери на ферме не помогаешь, ко мне в коровник не заглядываешь? Полоть надо. Огурцы заросли. Вот дружков и позови. Чего без надобности на скамейке высиживаться? Какие старики дряхлые!

– Баб, а почему ты – Непомнящая?

– Так уж получилось, – задумчиво ответила баба Катя. – Родителей не помнила. Бомбили, кругом горело, все куда-то бежали, кричали. Это я помню, а остального нет. Меня, говорили, из-под бревна вытащили. Вот и стала сиротой безымянной. В детском доме и нарекли: Катериной Непомнящей.

– А ты что, так и жила без мамы, без папы?

– Так и жила. Да таких ребят, как я, в нашем доме много было.

– Расскажи, баб, а то я о тебе совсем ничего не знаю. Вот у

Антошки, у Антона Васильева, бабушка Таня, оказывается, здесь во время войны всеми ребятами верховодила. Пастух дед Прохор и бабка Мотя – партизанили. А ты что делала?

– Я-то что делала? – бабушка Катя задумалась. – Да что все делали в моем возрасте. Жила, росла, в школе училась, в колхозе потом начала работать. Мы рано трудиться начинали, не то что вы, по деревне собак гоняете. Вечером расскажу, сейчас на скотный двор надо. Дашутка, коровка наша молодая, что-то приболела. Нос сухой, горячий. Ветеринар придет. А ты уж не балуй! Чтоб нас за тебя не ругали. Хватит нам из-за тебя выговоры получать!

– А я помню свою фамилию! – на краю скамейки сидел Валерик. – Валерик Иванов, шесть лет.

– Что ж тебе не помнить. Гуляешь много, ешь вкусно, досыта, родители у тебя есть. Хорошо ведь живешь?

– Хорошо, только бабушка Калерия Ивановна ругается, гулять с ребятами не разрешает. Мал, говорит.

– Ты уже взрослый ребенок! Посидела бы еще с вами, – баба Катя встала, – да идти надо.

– Не пускает? – спросил Антошка у Барбоскина. – Я тоже не прошусь. Моя велела возле дома «крутиться, чтобы был на глазах»! «Где, – говорит, – тебя все время допоздна нелегкая носит? И что вы там только делаете?»

– А где – там, не спросила?

– Я бы и не сказал. Ведь это тайна?

– Военная, – добавил Валерик, основательнее усаживаясь на скамейке.

– «Операция Ы и другие приключения Барбоскина и его товарищей»! –- сказал, подсаживаясь, Мишка. – Или так: «Барбоскин и компания».

– Раз вы – компания, помогите мне огурцы прополоть!

– И морковку, – добавила бабушка Катя, выходя из калитки. – Еда на плите. И чтобы из дома ни-ни!

– Пошли, дело знакомое, я согласен, – заявил Мишка. – Как полоть-то будем? По гряде каждому, или как?

– Можно, я с кем-нибудь? – попросился Валерик. – Вдруг я всю морковку вытаскаю?

– И я не знаю, что рвать, что оставлять, – признался Антошка.

– Ну вы и белые дачники, – ухмыльнулся Барбоскин.

Антошка палочкой выковыривал крапиву, рукой выдергивал лебеду и мокрицу. Валерик тоненькими пальчиками аккуратно брал сорняк под корень и тащил из земли. Потом он отряхивал корень и складывал сорняки в кучку.

– Так вы здесь целую неделю просидите, – Мишка **был**

красный и мокрый. – Смотрите, как надо!

Антошка с Валериком смотрели, как надо, учились у **Мишки.** А Барбоскин уже покончил с одной огуречной грядкой, перешел на другую. Он работал, как заведенный робот.

На морковке ребята просидели долго. Мелкие морковины выдергивали, чтобы другим не было тесно. Потом в дождевой бочке, что стояла в огороде, вымыли крупные морковины и ели.

– Сегодня у нас огородный день, – высказался Валерик, доедая третью штуку.

– Вот тебе бабушка Калерия покажет морковкин день. Опять есть не будешь?

– Буду, Андрюша. Мне очень хочется есть.

– А чего молчишь? Баба Катя обед сварила, па плите стоит. Пошли, – сказал Барбоскин.

– Пошли, – обрадовались Антон и Мишка. – Страсть как есть хочется!

– Я теперь знаю, – Валерик сидел с набитыми щеками, – что такое аппетит. Это когда все в рот летит. Я как кабанчик-барабанчик. – Валерик отвалился от стола, лег на диван. – Поспать бы!

Но тут пришла бабушка Калерия Ивановна и повела Валерика домой.

– Нечего в гостях лежать, – сказала бабушка. – Хватит и того, что хозяев без обеда оставили.

ПРО СОЛДАТА СЕРЕЖУ, ПРО СОЛДАТА АЛЕШУ И ПРО СЕРЖАНТА ПАВЛУХУ

Рассказ ребят о находках за болотом почему-то очень взволновал дядю Митю.

– А воронки рядом с той землянкой не было? – спрашивал он.

– Воронки? Какой воронки?

– Ну, ямы глубокой.

– Ямы нет, а ямка есть, – отвечал Барбоскин.

– Все ясно. Упала бомба, миномет опрокинуло и побило, минометчика убило и завалило, засыпало землей. Потому мы его и не заметили. А землянка квадратная?

– Не поймешь – яма и яма, кривая только.

– Так, – дядя Митя встал. – Вы без меня туда ни на шаг. Вместе пойдем. Надо еще в райвоенкомат позвонить. Дело ведь такое! Неизвестный солдат. А может быть, там и нет ничего? Может быть, вам показалось? Маненько напридумывали? Была же у вас корона, царство али королевство железных королей?

Барбоскин покосился на Антошку и на Мишку. Откуда **дядя** Митя знает про царство железных королей? Про корону в ночном говорили, а про царство? Антон и Мишка дружно замотали головами, а Валерик выпалил:

– Я не болтун, чтобы рассказывать о железных королевствах!

Дядя Митя улыбнулся:

– Ну и дела! Сами только об этом ночью и трепыхались. Петь, уважь? – поманил он Петьку пальцем. – Побудь за меня.

– Дядя Митя, и мне охота с ребятами!

– Уважь старика, прошу!

– Ладно, – недовольно пробасил Петька Хлыщев. Через два дня в деревню приехала военная машина, привезла двух солдат: Сережку и Алешку.

– Где у вас тут юные следопыты живут? – спросил тот, кого шофер называл Алешкой.

– Еще нам нужен конюх дядя Митя, – сказал тот, которого Алешка называл Сережкой.

– Да вон они, наши шурики! На скамейке сидят, притихли. Видно, новые планы разрабатывают, – надуманно сердито сказала баба Катя. – А дяде Мите я сейчас скажу. Живо на своей Анютке прискачет. Тоже следопыт?

– Ага, – сказал солдат Сережка, усаживаясь с шофером. – Давай, Павлуха, жми до конюшни. Мы сейчас.

Очень скоро к тете Полиному дому опять подкатила военная зеленая машина. Ребята называли ее блохой. Уж очень быстрая и прыткая. Сзади на лошадке Анютке прискакал дядя Митя.

– Ну, следопыты-везделазки, кто с нами? – весело крикнул солдат Алешка.

– Мы! – хором отозвались ребята – Валерик, Антошка и Барбоскин. Мишки не было. Его угораздило уехать в другую деревню к тетке.

– Двух, не более! – скомандовал солдат Сережка. – А ты, малыш, дома сиди.

– Правильно, – поддакнула Калерия Ивановна. – Маловат на военных машинах разъезжать!

Антон и Андрюшка мигом оказались рядом с солдатами Алешкой и Сережкой.

– Ну и пусть едут! – Валерик, обхватив Фроську за шею, сел на скамейку. Он очень обиделся.

Коза, вытаращив на зеленую машину свои выпуклые, словно резиновые, глаза, стояла молча.

– Мы с тобой, Фросенька, гулять пойдем. Правда?

Фроська коротко и громко ответила: «Мэ-ээээ!» – и принялась жевать бесконечную свою жвачку.

В этот день было много событий. Во-первых, как узнали вечером ребята, пропал Валерик вместе с козой Фроськой. Во-вторых, был найден в осыпавшейся яме бывший минометчик и... Но все по порядку.

Зеленая военная машина довезла всех до лесного бугра. Дальше, как ни прыгай блохой, не пройти. Все стали карабкаться по бугру, цепляясь за кусты. Потом прошли земляничный и черничный лес, подошли к болоту.

– Хороший плацдарм! – весело сказал солдат Алешка, кивая в сторону высокой сочной травы осоки. – Полежать бы?

– А кто не велит? – так же весело отозвался солдат Сережка. – Валяй! По-пластунски!

– Да уж местечко, – молвил серьезный сержант Павлуха. – Не хотел бы я тут воевать.

– Гиблое место, – добавил дядя Митя. – Ох и гиблое. А вон там, за теми кустами, начинается зыбь – трясина. Сейчас одни окна остались, а в войну – сплошь зыбун был. Зарастает помаленьку болото. Уж бабы за клюквою шастают, окаянные. А сколько гадов фашистских там на дне лежит? И не сосчитать.

Все приумолкли.

– Мы тут пацанами, бывало, трофеи собирали. А вон там наши насмерть стояли, – дядя Митя кивнул головой в сторону березы, на которой Мишка привязал памятную веревку. – Там шла передняя линия обороны. Да где ее не было? Кругом была сначала оборона, потом наступление.

Поднялись к березе, подошли к шалашу.

– Вот здесь, – сказал Барбоскин.

Земля после дождя сползла в яму, прикрыла найденные кости.. Саперными лопатками солдаты работали быстро и осторожно. Когда слой земли вокруг орудия был выброшен, показались останки погибшего солдата. Сержант Павлуха снял пилотку, вытянулся по стойке смирно. Рядом застыли с обнаженными головами солдат Алешка, солдат Сережка и бывший мальчишка военного времени солдат дядя Митя.

Потом солдаты развернули военную плащ-палатку и перенесли на нее бывшего минометчика.

Надо бы его туда, к обелиску! – сказал дядя Митя. – Все други его по оружию, с кем он защищал на**шу зем**лю и погиб за нее, там лежат. Негоже ему одному-то тут, – дядя Митя заплакал. – Как звать-то тебя было, солдат?

Андрюшка стоял возле сосны и прятал от всех глаза. Антошка не смотрел на Барбоскина. Ему тоже хотелось плакать.

– Постараемся узнать, – из ямы вылез Сережка. – Вот нашел солдатский медальон. Гимнастерки нет, истлела, а медальон

лежал там, где должно быть сердце.

– Солдатский медальон смерти – так его называли солдаты, – сказал дядя Митя. – Открой.

– Отставить! – строго приказал сержант Павлуха. – Специалисты прочитают. Ты не обижайся, отец, на воздухе запись может рассыпаться.

– И то, сынок, верно, – вздохнул дядя Митя. – Вы теперь ученее нас.

– Какие будут еще распоряжения, товарищ сержант? – серьезно спросил солдат Алешка.

– Останки неизвестного пока солдата и миномет оставить на месте. Сами возвращаемся в часть.

Идя обратной дорогой, солдаты не смеялись.

– А мы шинель и рукавицу видели! – неожиданно сказал все время молчавший Барбоскин.

– Какая там шинель и рукавица? – удивился дядя Митя. – За столько лет? Ничего там не осталось.

– А мы видели! – поддакнул Антошка. – Из рукава шинели торчала рука, а рядом лежала рукавица.

– Ну и фантазеры, право... – дядя Митя умолк.

– А у тех солдат, – спросил Барбоскин, – ведь бы ли рукавицы?

– Конечно, были. Положено. Даже шерстяные пуховые, – сказал солдат Сережка. – Кому из дому еще присылали.

– А кому и в подарке, – добавил дядя Митя. – В тылу во время войны женщины вязали рукавицы, носки, шили и вышивали кисеты, посылали на фронт, вкладывали туда письма, записки. Чтобы в лютые военные зимы солдатам было теплее не только от вещей, но и от мысли, что в тылу их ждут матери, жены, дети, сестры и младшие братья, – дядя Митя умолк. Так в молчании и вернулись в деревню.

Зеленая машина умчалась в свою воинскую часть, дядя Митя с Анюткой отправились в ночное, а Антошка с Барбоскиным заспешили к калитке, где их наверняка, как они считали, с нетерпением поджидают Мишка и Валерик. Но как оказалось, Валерик вместе с козой Фроськой исчез.

ПРО ТАЙНУ, КОТОРУЮ ОТКРЫВАЮТ ВАЛЕРИК С КОЗОЙ ФРОСЬКОЙ

– Ну и пусть! – сказал Валерик козе, когда ребята уехали на военной машине «блохе». – Мы пойдем искать себе другую тайну. Никому ничего не скажем, правда, Фрося?! – Валерик, помахивая

тоненькой хворостинкой, пошел рядом с козой. – Будем гулять до самого вечера, сколько захочем, да? А бабушка пусть подумает: маленький я или большой.

И Валерик отправился совсем в другую сторону, чем та, куда уехала военная машина.

Фроська, как всегда, разговаривала с Валериком громко и выразительно: «Мэ-э-ээээ»! – и весело семенила красивыми копытцами по зеленой тропинке.

– Валерик! – крикнула вслед тетя Полипа, хозяйка козы. – Далеко по ходите. Бабушка скоро обедать позовет.

Коза бежала так быстро, что Валерик еле за ней поспевал. Вот и поле прошли. А вот и лес. Коза паслась на траве, Валерик на чернике. Все дальше и дальше уходила коза Фрося, все ниже и ниже опускалось солнце. Валерик этого не замечал, он даже не заметил, что лес незнакомый.

– Фрося, мы ведь с тобой не маленькие? Будем гулять до самой ночи. Захочем – и в ночное пойдем. Темного леса я теперь не боюсь. Лесных человечков увидим! И все ребята скажут: «Они совсем большие! Какие самостоятельные!» Можем, Фрося, и костер развести. Ты будешь моей Анюткой! – в кармане рубашки Валерик нащупал коробок со спичками. В коробке лежало десять спичек: на спичках Валерик учился считать.

Неожиданно над лесом появился вертолет. Вертолет прошел над Валериком так низко, что коза испугалась и побежала, Фроська мчалась, не помня себя.

– Фрося, вернись! Я тебе что говорю? Фрося! – кричал Валерик. Он бежал за козой и размахивал хворостиной. Корни сосен бугрились и мешали бежать. Вот пошла осока, стало мокро.

– Фроська! Нельзя! Там болото! Утонешь! – Фроська и сама почувствовала, что бежит не туда, повернула в сторону и снова понеслась.

– Фро-ся! – задыхался Валерик. Коза вбежала на крутой склон и исчезла. – Фрося! Фрося! – кричал Валерик. Но козы нигде не было. Ни козы, ни ее «мэ-э-ээээ».

Валерик сел, отдышался:

– Противная коза! Я же не играю! И чего прячешься! Фрося, я же не разведчик! – крикнул опять Валерик. – Домой пора! Что я теперь тете Полине скажу?

Огромное солнце, просвечивая сквозь березовые стволы, касалось земли. Склон переходил в березовый лес. Лес был бесконечным и одинаковым, куда ни глянешь: березы и березы. От забинтованных белых стволов у Валерика зарябило в глазах.

– Куда идти? Наверно, я потерялся! – сказал громко Валерик. Ему ответил тихим эхом лес. Валерии заплакал, но плакал

недолго. Неинтересно одному плакать.

В лесу стало темнеть. Сильно запахло багульником и лесными фиалками, а может, и не фиалками? Валерик уселся на поваленное дерево.

– Ну и что? Подумаешь, ночь. Я уже в ночном был и к совам ночью с ребятами ходил. Совсем и не страшно. А вот Фросе – страшно. Она никогда в ночном не была и филина не слышала.

– Фрося! – закричал Валерик изо всех сил. – Фрося!

И вдруг ему показалось, что откуда-то из-под земли раздался Фросин голос: "Мэ-э-ээээ".

Фроси, Фрося! – снова закричал Валерик. – Отзовись!

«Мээээ», – неслось издалека. Валерик побежал в ту сторону, откуда, как ему показалось, кричала коза.

«Мэ-э-ээээ», – услышал он более ясно.

– Фрося! Фро-ся!

«Мэ-э-ээээ», – отвечала коза жалобно и призывно.

И тут на крутой поляне увидел Валерик в земле небольшую дыру. Из этой дыры и слышался голос его любимой козы Фроси.

– Ты провалилась? – спросил Валерик.

Коза ответила: «Мэ-э!»

– Так вылезай!

Коза снова отозвалась.

– Как же я тебя достану? – грустно спросил Валерик. Веревки нет. Домой бежать? А ты? И ночь. И мы потерялись.

Валерик сел рядом с дырой. Край земли внезапно отвалился, и Валерик ухнул в яму. Упал он прямо на козу. От испуга коза заблеяла еще громче и рванулась куда-то в темноту.

– Фрося, Фрося! – заговорил Валерик, как только сам оправился от испуга. – Тебе больно? Иди сюда!

Коза успокоилась, подошла, улеглась на мягкую землю, положив под себя ножки.

– Тебя доить, наверно, пора? – спросил козу Валерик. Коза забеспокоилась. – Тебе плохо от молока? А мне плохо без молока.

Вокруг было темно. Валерик сел на землю.

– Что нам с тобой делать? – Коза вскочила, хотела опять бежать, но Валерик успел ухватить ее за рога. – Фрося, не убегай. Здесь темно. Мне страшно. Ложись. – Но коза ложиться не хотела. Вымя распирало молоком. Козу надо было доить.

– Я, Фрося, доить не умею. – Валерик стал вспоминать, как это делала тетя Полина. Она нажимала на вымя руками и дергала его вниз. При воспоминании о молоке за ушами у Валерика страшно защемило, а рот наполнился слюной.

– Сейчас, Фрося!

Козье вымя было плотным и никак не поддавалось.

Маленькие Валеркины кулачки и тоненькие пальчик с силой выдавливали из вымени молоко. Валерик стал доить козу. Молоко лилось прямо в землю. В яме запахло хлевом, теплым парным молоком. Валерик изловчился, подставил ладошку и немножко попил. Фроська успокоилась, легла спать. Валерик отошел чуть в сторону. Стены не было.

– Фрося, я с тобой, – испуганно сказал Валерик и прижался к теплому боку козы. От земли несло сыростью и холодом. Сверху, в дыру, смотрело небо с яркими звездами. Звезды сверкали, но не светили.

«Где-то там бабушка, тетя Полина», – думал Валерик, засыпая.

Проснулся Валерик от холода и голода. Небо серыми клочками смотрело в яму, где сидели мальчик с козой. Сначала Валерик не понял, где он и что с ним. Потом очень испугался и хотел заплакать. Коза стояла рядом и молчала.

– Фрося, к маме хочу! К бабушке хочу! Как нам отсюда вылезти?

Наверху стало светлее. Стены ямы постепенно выступали из темноты. Под самой дырой лежала куча свалившейся сверху темной земли. На ней-то и сидел Валерик.

– Фрося, это ты? Или не ты? – удивился Валерик.

«Мэ-э-ээээ», – откликнулась коза.

– Да, это ты. А почему такая черная?

Если бы коза умела говорить, она бы сказала, что и Валерик не похож на Валерика. Но коза не умела ничего говорить, кроме своего «мэ-э-ээээ».

– Ты здесь стой, никуда не ходи. Я пойду посмотрю. – Валерик слез с мягкой, местами мокрой земляной кучи.

Помещение было длинное, но неширокое. Из стены торчали большие выпуклые железяки. Между толстыми железяками проступали истлевшие деревянные доски.

– Ящики, что ли? – спросил Валерик козу. – А что в них?

Железяки проржавели. Их было так много, что Валерик удивился:

– Фрося, смотри. Вон сколько. И в другой стене, и другой! Вот мальчики удивились бы! Мишка сказал бы «Настоящее царство железных королей». Антоша стал бы спрашивать: «Правда? Круглые носы из стен торчали, да? Во здорово!» А Андрюша Барбоскин стал бы смеяться и говорить: «Он все напридумывал, потому что его не взяли с собой солдаты. Никакое там не железное королевство! Это...» – Валерик замолчал. – А что тогда это?

Коза жалобно заблеяла. Валерик посмотрел на Фроськино

вымя. Соски топорщились в разные стороны.

– Тебе опять от молока плохо? – удивился он. – И когда ты успела молока наделать? – Валерик вдруг почувствовал такой голод, от которого стало больно в животе. Он никогда еще не был таким голодным. Валерик снова стал доить козу. Первые белые струйки ушли в землю, вымя стало более мягким.

«Теперь можно и в ладошку», – подумал Валерик. И вдруг он увидел свою кедину. Он быстро расшнуровал обувку и подставил кедину под молочную струю. Валерик пил и снова доил козу, пока молоко не кончилось. Коза легла на бок, Валерик примостился рядышком. Очень болели руки, но сытное козье молоко, теплое Фроськино брюхо сморили Валерика, и он уснул, уткнувшись щекой в козье вымя.

Проснулся Валерик оттого, что солнце светило прямо в глаза. Козы рядом не было. Фроська ходила вокруг большой дерновины и выщипывала травинки.

– Есть хочешь? – спросил Валерик и стал выковыривать из земляной кучи тощие зеленые кустики. Потом он собрал валявшиеся кругом веточки, палочки и сложил их в кучку.

– Вот стемнеет, будем делать ночное, – сказал Валерик, усаживаясь возле подготовленного костра. – Плохо, Фрося, одним. Правда? Там, наверху, солнце, деревья ветками машут, трава. Там ребята, бабушка там. – При воспоминании о бабушке Валерику снова захотелось заплакать. Она, наверно, его ищет. И папе с мамой позвонила. И папа с мамой тоже его ищут. От таких мыслей Валерику стало сначала еще грустнее, но то, что его ищут, успокоило.

– Фрось, если разжечь костер, то будет дым. Дым в дыру полезет. Нас и увидят, – сказал Валерик, вытаскивая из кармана коробок со спичками. Спички отсырели и никак не чиркались. Из десяти штук осталось только три. Где-то высоко, над входом в яму, зашумело.

– Наверно, вертолет? – Валерик вскочил. – Э-эээ! – закричал Валерик. – Вы нас ищете? Я здесь! И коза Фроська здесь! – но наверху снова стало тихо. Коза стояла скучная, опустив бородатую голову, не жевала свою вечную жвачку. Валерик посмотрел на вымя. Вымя висело как сдувшийся резиновый шарик. Вдруг коза подняла голову к дыре, жалобно заблеяла.

– Ну вот теперь и тебе и мне плохо. Давай еще раз попробуем развести костер! – Валерик чиркнул спичкой, и она загорелась. Он поднес ее к веточке и хоте было поджечь, как неожиданно сверху посыпалась земля и собачья рыжая морда посмотрела на Валерика знакомыми глазами пса Буяна. Буян громко залаял.

– Да это – Фрося, Буян! – закричал Валерик. – Нас нашли! –

Валерик бросил спичку, и огонь пополз по сухой, свалившейся сверху ветке к хворосту. В дыре показалась мужская голова.

– Здесь! – густым басом сказал незнакомый дядька. – А ну-ка, в сторону! – И дяденька спрыгнул в яму. За ним посыпалась земля и дерн.

– Живы! Ага, и коза здесь. Ну и дела! – Мужчина обвел глазами подземелье, на мгновение замер, рассматривая торчащие выпуклые штуки. – Ну и дела, однако! – повторил незнакомец.

Смолистые сосновые ветки занимались ярким пламенем. Пламя лизнуло валежник, перекинулось на коричневые старые еловые лапы.

Незнакомый человек яростно топтал огонь ногами, засыпал землей: «Ну и делов бы наделали!»

Сверху, в дыре, показалась еще мужская голова.

– Саш, никак костер вздумал разводить? Держи-ка. – И в яму свалилась длинная толстая веревка.

– Давай, сынок! Наверх, наверх! Эко как вас угораздило?!

– А Фросю? – крикнул Валерик.

– И Фросю твою сейчас поднимем. Ну и чумазые вы оба!

Дядя Саша обвязал Валерика веревкой, и его, как куклу, вытащили из ямы. Коза не пожелала, чтобы ее обвязывали веревками, брыкалась и даже стала размахивать своими огромными рогами. Но ее все равно обвязали и вытащили. Она тут же принялась щипать траву.

Вокруг козы и Валерика весело прыгал пес Буян. Он все хотел лизнуть Валерика в нос. Двое мужчин быстро вытащили из ямы и дядю Сашу.

– Ну что, черный король? Хозяин черного королевства? Жив? Живы! Живы! – дядя Саша подкидывал Валерика на руках, потом дал кусок сыра.

– А где бабушка? – спросил Валерик, уплетая сыр.

– Дома тебя с ремнем поджидает! И Фроське твоей трепка будет!

– А ей за что? – удивился Валерик. – Она не виновата. Это я ее завел. Она и провалилась. Потом и я провалился. Дяденьки, а там внизу какие-то железки. Их много, во всех стенах понатыканы!

– Ясненько, – сказал дядя Саша. – Находочку твою врагу не пожелаешь. Складик там, старенький, военный, фашистский складик! Поехали с орехами! Домой!

– Дядя Саша, а Мишка миноискатель нашел. Мы думали – железная корона. А я вот яму с железяками нашел. А что это?

– Бомбы, сынок! Взрослые столько не находят, сколько вы, растрепайчики, из земли ржевской выковыриваете! Долгие здесь,

упорные были бои в войну. Сколько еще в земле лежит? – вздохнул дядя Саша. – Много в военкоматы сообщений поступает. А ты костерок зря разжег. Натворил бы дел. А вот Буяну спасибо. Друг твой, Барбоскин Андрей, присоветовал. По запаху башмака пес тебя и искал. У болотины только задержка вышла. Чуть след не потеряли. А как бежал? Еле поспевали. Молодец Буян.

Но Валерик ничему не удивлялся. Они ведь с ребятами почти каждый день что-то находили. То в густой траве он козу Фроську нашел. То Мишка миноискатель откопал, то потом миномет и погибшего солдата. А вот теперь склад с бомбами. А что завтра?

На другой день, как только Валерик увидел ребят, первым делом заявил:

– Мы с Фроськой бомбы нашли, а вы что?

– А мы – тебя! – сказал Барбоскин. – И то, за чем поехали. Старую землянку с погибшим солдатом! Завтра его будут перезахоранивать рядом с обелиском. На горе, вместо нашей, школьные следопыты военную землянку сделают. И миномет поставят тот, что мы нашли. Будет там филиал школьного музея. А ты, Валерик, не очень-то и похудел! Бабушка твоя говорила: «Такой тощий. Совсем высох!»

– Мне что! Я молоко пил. Фрося меня кормила, а сама голодала. Смелая коза, не испугалась, не плакала. А я плакал, правда, один разок.

– Эх, Валера, Валера! – Петька Хлыщ поднял Валерика под локти. – Как ты нас не взорвал? Говорят, под землей склад бомб? Саперы работают. Много бомб?

– Много-премного. А завтра, Андрюша, куда пойдем?

– На птичник, цыплят кормить, – ответил Барбоскин.

– Никуда он больше не пойдет! – громко заявила Калерия Ивановна. – Ни коз пасти, ни кур кормить. Со мной будет сидеть и за ручку ходить.

ПРО ТО, ЧТО БЫЛО ПОТОМ

Останки неизвестного солдата хоронили с почестями. В зеленых гимнастерках защитного цвета, с отличиями на груди, вытянулись в струнку молодые гвардейцы. Был тут и солдат Алеша, и солдат Сережа, и сержант Павел.

Учительница Мария Николаевна сказала, что школьные следопыты обязательно займутся поисками родных солдата, как только будет дан ответ на запрос по солдатскому медальону. И если родные отыщутся, то ребята пригласят их к себе.

После захоронения был дан салют из винтовок.

Взрослые и дети положили на могилу цветы. А Валерик – огромный красный мак. Мак ему дала тетя Полина.

Козу Фроську тетя Полина привязала в огороде к колышку. Барбоскин с раннего утра ушел на ферму к кроликам. Мишка помогал Петьке и дяде Мите на конюшне. Один только Антошка был не при деле. Он сидел на крыльце, размалевывал книжку-раскраску.

Как всегда, неожиданно появился Валерик.

– Антоша, – предложил Валерик, – давай учить буквы. Мне так хочется самому читать.

– Давай! – обрадовался Антошка тому, что нашлось дело.

Занятия продолжались недолго. Приехала мама, чтобы увезти Антошку к другой бабушке в маленький городок.

Андрюша Барбоскин, Мишка, Валерик, даже Петька провожали Антона до самого автобуса.

– Передавай привет бабе Рите! – говорила бабушка Таня.

– Приезжай на следующий год! – кричали по очереди провожающие.

– Приеду! Обязательно приеду! – махал руками Антошка до тех пор, пока бабушка, ребята, а вместе с ними и деревня не скрылись за поворотом.

Часть вторая. ДИМКИНЫ РАССКАЗЫ

НА ДАЧЕ

Огромное засыпающее солнце, усевшись на еловые лапы, сонно поглаживало на окна нашей дачи. Мы лежали в своих кроватях. Перед сном кто-нибудь обязательно что-то рассказывал.

— Димка, — говорит Сашка, — твоя очередь.

— Хорошо, — соглашается Димка, — только это не сказки.

— Все равно, — пыхтит Сережка, укладываясь поудобнее. — Не сказки даже лучше.

— Не так страшно, — добавляет маленький Павлик, сын воспитательницы. — Я люблю, когда и не сказки. Давай, Димочка, рассказывай свои рассказки.

Все соглашаются и умолкают. Димка усаживается верхом на подушке и начинает:

— У нас был котенок. Папа предложил котенка назвать Андрианом Первым. Андриан Первый был пушистым котенком. Он гулял, гулял и куда-то убежал, потерялся. Потом нам подарили другого котенка — рыжего с зелеными глазами. Котенок был не очень пушистым, если не считать хвоста, но хитрым-прехитрым. Котенка мы назвали Андрианом Вторым.

Андриан Второй чаще крутился около бабушки. Котенок ухитрялся касаться бабушкиной ноги сразу и головой и хвостом.

Ты не Андриан Второй, — смеялась бабушка над котенком. Ты — лисичка-ластичка.

Подлизывался Андриан не только к бабушке. Как кого увидит, прижмурит зеленые глазки, усы во все стороны распушит и тихо так претихо скажет: «Мяу-мур! Мяу-муррр!». Съест, что повкуснее, — и в кресло. Клубком свернется и помалкивает. Поспит и опять на кухню — подлизываться: «Мяу-муррр! Мяу-муррр!» А сам пробует, чем угостили. Поест, поиграет и опять в кресло.

— Ух и хитер, — говорит бабушка. — Каши не хочет. Супа не хочет. Ему мясца да рыбки подавай! Ишь какой мясо-рыбник нашелся!

Рос, рос наш Андриан Второй и стал огромным котом с зелеными глазищами, с рыжими усищами. А хвост как у павлина, рыжим веером над Андрианом полощется.

Ходит наш Андря по ковру тихо, ставит мягкие широкие лапы ласково. А в лапах огромные загнутые когти, как заточенные проволоки. А вот мышей Андриан Второй не ловит! — закончил

рассказ Димка.

— Почему? — удивился Павлик. — Лентяй ваш Андриан?

— Совсем не лентяй. Просто нет у нас мышей. Не живут. Котом в доме пахнет.

— А еще, — продолжал Димка, — повадился к нам в квартиру один воробей. Как только форточка открыта, а в кухне никого нет, воробей уже хозяйничает. Прыгает по столу, в хлебницу заглядывает, интересуется, что в сахарнице. Да еще чирикает — песенки распевает. Воробья мы назвали Чиком.

Сначала мы ругали Чика за то, что он такой бессовестный. Говорили ему: «Воришка ты!» Воробей обижался и вылетал из кухни на улицу. Потом он привык и уже не обижался. А потом стал настоящим разбойником. При нас влетал на кухню, заглядывал в чашки, тарелки, клевал около самого носа кота Андриана, не стесняясь, устраивал купания в его ящике с песком.

Чик, а Чик, — говорила бабушка, — ты совсем одомашнился!

Бабушка совестила Чика за безобразия, а воробей и внимания не обращал.

Однажды, когда нас не было дома, а форточка в кухне оставалась открытой, проказливый Чик привел с собой целую компанию своих приятелей-воробьев. Воробьи устроили настоящий погром.

После этого бабушка страшно рассердилась на Чика. Как увидит воробья, закричит: «Кыш! Кыш!» и в форточку тряпкой выгонит.

Не зима еще! — говорит бабушка. — Нечего по кухням шастать!

МУСЬКИНА ДОБЫЧА

Под нашим балконом на асфальте большая лужа. Я смотрю вниз и вижу, как кошка Муська ходит около лужи и лапкой хочет кого-то поддеть. Этот кто-то переплывает от одного края лужи к другому. Муся ходит вокруг и облизывается.

— Кто там плавает? — спрашиваю я маму.

— Где, сынок? — мама выходит на балкон, смотрит вниз. — Не разгляжу! — говорит мама. — Похоже, что мышь. Как угораздило ее в лужу попасть?

На балкон выходит папа.

—А мне кажется, — говорит папа, — это небольшая лягушка.

Я смотрю вниз на лужу и ясно вижу лягушонка. Лягушонок плавает от берега к берегу, пытаясь спастись от кошки. Не раздумывая, я бегу на улицу, чтобы прогнать хищную Мусю.

Оказалось, в луже плавал сухой лист березы, а Муська ловила его.

ЛЮБОПЫТНАЯ СОРОКА

Сорока прыгала возле сарая и весело стрекотала. Рядом разгуливали толстые голуби. Голуби торопливо клевали пшено. Вдруг из-за угла выскочила полосатая кошка. Кошка налетела на одного голубя, повалила, прижала к земле. Испуганная голубиная стая поспешно улетела прочь. Сорока же не спешила. Отскочив на несколько метров от места схватки, любопытная птица стала смотреть, что же будет дальше?

Из-под лап полосатой хищницы-кошки летели сизые перья. Сорока взлетела на сарай. Она прыгала по самому краю крыши, громко верещала, тем самым подбадривала попавшего в беду голубя.

Вот он вывернулся из лап хищницы и, теряя окровавленные перья, улетел. Сорока, свесив голову, молча смотрела с крыши сарая вниз на кошку, сидящую на с обиженным видом.

Попрыгав еще, пострекотав, посмеявшись над кошкой, сорока умчалась вслед за раненым голубем. Надо же узнать, что с ним стало?

КОШЕЧКА-ДЫБОШЕЧКА

На скамейку возле автобусной остановки сели женщины. Неожиданно откуда-то появилась небольшая чистенькая кошечка. Кошечка ходила от женщины к к женщине, заглядывала в глаза, словно спрашивала: «Нет ли у вас чего-нибудь такого?»

— Сейчас, кошечка-дыбошечка, — сказала одна из женщин. Покопавшись в сумке, женщина вытащила пакет молока, разорвала. Попила сама, дала кошке. Кошечка устроилась около разорванного пакета и стала неторопливо лакать.

— А у нас котенок, — высказалась худенькая женженщина в сером платье, — семечки любит. Да так бойко лущит, аж шелуха во все стороны летит! Успевай подсыпать.

— А наш кот к бумаге неравнодушен! — отозвалась юркая бабуля с торчащим из сумки термосом. — Тетрадки ли, газета на глаза попадется, сцапает, сядет в пол, откусывает по куску и на сторону отплевывает. Ну вот ей-ей не вру! Всю бумагу изгрызет.

— А наша Мурка в огород повадилась, за огурцами. Ну, съела бы большой огурец! Разве жалко? Так нет же! Зародыши

огуречные выискивает. И чего ей надобно в них?

— Чего надобно, кабы знать, — отозвалась четвертая женщина с остреньким носиком. — Чего нашему Барбосу надобно? Соседка тут пришла, руками развела, глядя на наши обои.

— Ты что, — говорит, — грызешь их?

— Грызу! — отвечаю. — Да только не я, а Барбос. Чуть отвернешься, а он уже принялся стенки обшаривать, обои отдирать. Рванет обоину и давай стенку грызть. Ему, видно, обои мешают стенку-то обгрызать.

— И чего на стену лезть? — удивилась соседка. Может быть, не кормите?

— Не кормим... — хмыкнула остроносенькая. — Всех бы так не кормили...

— Мы тоже удивляемся, поди пойми скотину, затараторила бабка с термосом.

Подошел автобус, женщины уехали. У скамейки осталась только беленькая чистенькая кошечка. Долизав в пакете молоко, кошечка внимательно рассматривала землю, выбирая местечко, куда поставить беленькую мягкую лапку.

— Ишь ты, чистюля! — промолвила молодая женщина, подходя к автобусной остановке. — Сразу видно — домашняя.

ДАМКА

Дома корчевали, словно старые пни. Вчера был дом, а сегодня куча бревен, досок и кирпича. Люди покидали старые дома, переселялись в новые, благоустроенные.

Одна только Дамка не уходила от своего жилья. Когда хозяева, погрузив последний ящик, крикнули: «Поехали!» — Дамка даже не шевельнулась.

«Как хотите, — думала Дамка, — я остаюсь».

Не прошло дня, как приехал бульдозер. Бульдозер Дамка хорошо знала. Он свалил дом у пса Дика.

Бульдозер отчаянно тарахтел и кряхтел. Вот он уперся своим тупым лбом в крыльцо, под которым много лет прожила Дамка, и стал толкать. Дамка не лаяла. Разве можно перелаять бульдозер? Охрипнешь, да и только. Это она тоже знала.

Бревна скрипели, падали, столбом поднималась пыль от трухлявого дерева и старого мха. Упала последняя стена.

Дамка тоскливо глянула вверх, где недавно был чердак, где она играла, когда была щенком, и отчаянно завыла.

Скоро на месте старой пригородной деревни вырос новый

район. Жители привыкли к рыжему псу, кормили его кто чем. Ребята приносили косточки, угощали конфетами.

Под подъездом нового дома, на том самом месте, где раньше стоял старый, Дамка устроила себе гнездо. Она прокопала ход под ступенями подъезда и грелась возле теплой стены.

Однажды, это было ближе к весне, из укрытия, вслед за Дамкой, вышел маленький щенок. Его розовый мех был густым и пушистым. Щенок пугливо прижимался к матери.

Ребята, увидев живой розовый шарик, бросились к нему. Дамка дружески завиляла хвостом. Она не возражала. Постепенно все разошлись по домам. Одна только девочка не уходила. Девочка взяла щенка на руки, гладила, приговаривала:

— Ах ты мой хороший, розовый, грязный! Ты весь в песке, перепачкался. Тебя обязательно надо выкупать.

И девочка понесла щенка домой. Дамка шла следом. Девочкина мама всплеснула руками:

— Откуда? — но увидев настороженную мордочку Дамки, все поняла.

— Куда же нам их девать?

Пока щенка мыли, Дамка сидела у порога, чутко прислушивалась к всплескам воды. Но щенок молчал. Он купался первый раз, ему это понравилось.

Окончательно успокоившись, Дамка положила голову на лапы, закрыла глаза.

Через месяц Дамку со щенком увезли в деревню. Рыжик, как назвали щенка, беззаботно бегал по огородам, лаял на воробьев, выслеживал ворон, гонялся за деревенскими кошками. Он быстро рос и к концу лета превратился в красивого рыжего пса.

Дедушка с бабушкой очень привязались к своим лохматым друзьям. И собаки чувствовали себя как дома. Но иногда Дамка куда-то ненадолго уходила, возвращалась понурая, невеселая.

Наверно, по старому дому тоскует, — говорила бабушка и выделяла Дамке самый лучший кусок.

КРОЛЬЧИХА ДУСЯ

Женщина на рынке держала на ладони маленького крольчонка. Чистые ушки с красными прожилками свисали вниз.

— Берите, последний! Очень хорошая порода!

Крольчонок дергал розовым носиком-пуговкой, словно собирался чихнуть.

— Не пожалеете! — уговаривала женщина покупателя. Покупатель неопределенно улыбался и не покупал.

Мы с мамой купили крольчонка. Крольчонок прыгал по квартире, грыз в уголке морковку, листочки капусты и горчушника, за которым мы с братом специально ходили на берег Волги. Правда, после кролика приходилось убирать орешки, но нас это не смущало. Очень уж забавный крольчонок.

Не успела еще черепашка, тоже жительница нашей квартиры, дорасти и до кофейного блюдца, как крольчонка пришлось выселить на балкон. Он превратился в большую крольчиху.

Крольчиха, ее звали Дусей, разгуливала по балкону и объедала всю зелень, до которой могла дотянуться. Как будто ее не кормили!

Чтобы добыть веточки зеленого горошка, крольчиха вставала на задние лапы, и, перебирая передними, по стенке двигалась вдоль балкона. Густой пышный мех свисал **с** ее толстых боков.

— Какой у вас шикарный кот! — говорили соседи. — А почему вы его во двор не выпускаете?

Мы всем объясняли, что это не кот, а крольчиха. Что мы взяли бы Дусю погулять, но она очень сердитая. Крупные красные глаза крольчихи становились еще краснее, если ее только пытались погладить. Поднять же за уши Дусю, как, мы слышали, делают с кроликами, не решались. А вдруг они оторвутся? Такая была тяжелая наша крольчиха-великанша.

Лето кончилось. На балконе стало холодно. Мы накрыли ящик-клетку старым ватным одеялом. Ночью подмораживало. Перезимует ли крольчиха?

Кто-то из знакомых сказал: «Ну и скотинка у вас! Больше трех килограммов, верно, будет? Вот к празднику и крольчатина!»

Но мы так с Дусей поступить не могли.

Однажды к нам в гости пришел дядя Павел.

— Прекрасная порода! — сказал дядя Павел. — Белый великан. У меня таких кроликов нет.

— Если нет, берите! — сказали мы хором.

— Как? Так прямо и брать?

— Конечно! — обрадовались мы. — А где Дуся жить будет?

— В сарае. У меня специально сделаны утепленные клетки. Да с таким мехом разве замерзнешь? — дядя Павел хотел потрепать Дусю за пышный загривок. Крольчиха зафыркала. — Сердитая, однако.

— Она хорошая! — испугались мы за крольчиху. Вдруг гость передумает и не возьмет?

Ранней весной дядя Павел подарил нам маленького беленького крольчонка — Дусиного сына. Крольчонок прыгал по квартире, грыз в уголке морковку и дружил с черепашкой, которая все еще никак не перерастает кофейного блюдца.

КОТ ВАСЯ

В доме, с тремя окошками на улицу, жила кошка Мурка. У Мурки были котята. Мурка лежала в корзине на теплой подстилке и, мурлыкая, вылизывала свою троицу. Один котенок рыжий, как сама Мурка, другой черный, с белой манишкой и белыми усами, третий — пятнистый.

В доме еще жил облезлый кот Василий. Кот был настолько стар, что давно не ловил мышей. Кот Вася предпочитал теплую лежанку. Когда печку топили и она делалась горячей, кот Вася перебирался на окно — прохладиться.

В тот момент, когда Вася лежал на подоконнике и следил за бойкими воробьями, около дома появились два шустрика-растрепая лет семи-восьми. Ногами они швыряли что-то небольшое и мягкое. Это был котенок.

Котенок отлетел к забору и лежал не шевелясь. И тут произошло странное с котом Василием. Кот вдруг резко поднялся, чего с ним давно не было, и стремительно вылетел через форточку на улицу. Промчавшись через полисадник, нырнув между дощечками в заборе, кот Вася подлетел к лежавшему котенку, схватил его зубами и унес в дом. От изумления шустрики-растрепаи замерли с открытыми ртами.

— Съест! — опомнившись, крикнул один из растрепаев. — Видишь, какой тощий и облезлый?!

— Факт съест! — добавил другой. — Кот думает, что это — мышь.

Вася же, не торопясь, вернулся в дом. Он осторожно положил измученного котенка на половичок и принялся его вылизывать.

Котенок был маленьким и потому еще слепым: черный комочек с прижатыми крошечными ушками, с хвостиком-закорючкой и коротенькими, но настоящими кошачьими усами.

Закончив туалет, кот Вася взял котенка в зубы и отнес к Мурке. Мурка, продолжая мурлыкать, обнюхала подкидыша, лизнула языком в слепые глаза, лапой подтолкнула к животу, тем самым давая понять, что малышу давно пора завтракать.

На теплой мягкой подстилке, в широкой плетеной корзине, лежало семейство: кошка Мурка и четыре пушистых усатых комочка.

Кот Вася, растянувшись на лежанке, тихонько мурлыкал. Кот был явно доволен собой, теплой печкой и, наверно, думал: «Как хорошо, что котенок еще слепой, противно видеть злых мальчишек».

КАПУСТНИК

— Что тут написано? — спросил дед Илья, останавливаясь перед доской объявлений, на которой кнопками прикреплена голубая афиша.

— В клубе будет какой-то капустник. Вишь, пропечатано! — ответила бабка Афросинья, потуже подтягивая уголки головного платка.

— Какой еще капустник? — не понял дед Илья.

— Ясно какой. Раз написано — капустный, значит — капустный! Из капусты. Может, тушеная. А может быть, квашеная, с маслицем. Какая же нынче еще? Не из свежей же? Весна на дворе. Небось бочки две приволокли!

— Непонятно, — продолжал дед Илья. — Если капустник, то с чем? Может, со свининой?

— С чем, с чем! Известно, с чем. Уж не собираешься ли, старый?

— А что? Раз приглашают, можно и статью тряхнуть.

— Тряхни, тряхни, да не рассыпься!

— А капусту-то где брали? — отойдя от деда, спросила бабка Афросинья пробегавшего мимо Димку.

— Какую еще капусту?

— Да вон, что на афишке!

— Известно, где! В библиотеке.

— В библиотеке? — вздохнула удивленная бабка. — Чего только не завезут туда, куда не надо.

ПОСТЕЛЬНЫЙ РЕЖИМ

Димка заболел. Врач прописал постельный режим. И все из-за футбола. Димке пришлось много играть и за нападающего, и за защитника, даже на воротах стоять! А что было делать? То у Сережки ангина, то у Вовки флюс. А вратаря Игоря мама все время уводила с футбольного поля. У него скоро экзамены в музыкальной школе.

Димка лежал в постели и скучал.

— Внучек, не проголодался? — спросила бабушка.

— Не-а. А что у тебя там варится?

— Суп. Есть каша, манная.

— Давай кашу, — оживился Димка. — Ты только в нее, пожалуйста, положи изюма.

— Изюма? — удивилась бабушка. — Хорошо, сейчас положу, раз хочется.

Димка сидел на кровати и размазывал кашу по тарелке. Он что-то шептал, временами вскрикивал.

— Гол! Один. Еще гол!

— Кто гол? — удивленно спросила бабушка, входя в комнату. — Ты чего кричишь? — бабушка приложила к Димкиному лбу теплую ладонь. — Температуры вроде нет. А кашу почему не ешь?

— Бабуля, некогда! Разве не видишь, вратарь из ворот выбежал!

— Какой вратарь? — испугалась бабушка.

— Вот этот! — и Димка ткнул ложкой в большую изюмину.

ДИМКИНЫ ОТКРЫТИЯ

— Слушай, Санька! Чего это червяки из земли повыползали? Гляди какие толстые, красные! Сань, смотри, как червяк ползет: выгибается, тонким и розовым стал. Во! — воскликнул Димка, — вот это гимнаст!

Димка наклоняется над червяком, пытается поддеть его веточкой. Червяку такое обращение явно не нравится. Он становится коротким, свертывается кольцами.

Теплый дождь, словно просеянный сквозь сито, неторопливо трусится на мокрую землю, на нахохлившегося Димку. А Димка все спрашивает и спрашивает, все спрашивает и сам себе отвечает.

Небо просветлело. Дождь кончился.

— Сань, а червяки в землю уходят! Посмотри! Я теперь знаю, — говорит довольный Димка, — почему червей называют дождевыми. Они в дождик на улицу гулять выходят. Правда?

Старший брат Сашка ничего не слышит. Он сидит на крыльце и, обхватив голову руками, с жадностью читает «Двух капитанов».

ГДЕ СПИТ СОЛНЦЕ?

Ходит солнышко легонько На тонюсеньких лучах,
И качается тихонько У ромашек на плечах.
Солнце жмурится все больше, Закрывает алый глаз.
За рекой, за нашей рощей, Золотой закат погас.

Корова Рыжуха, получив вкусную хлебную корочку, помыкивая, топчется около сарая. Таня любит смотреть, как бабушка доит корову.

Вот белые струйки молока звонко дзинькают о стенки и дно подойника. Потом струйки уже не дзинькают, а мягко шлепают в

молоко. Молока в подойнике делается все больше.

Около Таниных ног вертится щенок Аврорка. Аврорка то и дело подбегает то к пустому блюду, то к бабушке, то к Тане, будто спрашивает: «Скоро ли нальют?»

Как и Таня, щенок обожает молоко. Молоко теплое, густое, пахнет травами и Рыжухой. Таня усаживается на крыльце дома. Солнце висит над еловой макушкой, как большой оранжевый апельсин. Вот апельсин опустился ниже, повис на еловых лапах. Солнце делается похожим на большую елочную игрушку. Потом оно прячется за лес. От этого небо становится розовым-розовым.

— Солнце уже спать ложится? — спрашивает Таня. — Ложится, — откликается бабушка.

— А где солнце спит?

— Там, — кивает бабушка в сторону огромной ели.

— Ты меня завтра разбуди. Я хочу посмотреть, как солнышко просыпается.

— Разбужу, — отвечает бабушка из кухни. Бабушка через марлю процеживает в кринки молоко.

На другой день Таня проснулась рано. Вышла во двор, заглянула в хлев. На насесте нестройно переговаривались куры. Петух, вытянув шею, растопырив веером перья, голосисто пропел утреннюю побудку. На разные голоса закрякали утки. Гоготнув, гусь неторопливо вылез из гнезда, отряхнулся. Корова Рыжуха, посмотрев на Таню красивыми пестрыми глазами, продолжала жевать.

— Доброе утро, Рыжуха! — сказала Таня. Таня вышла из хлева и уселась на крыльце. Она стала смотреть туда, где росла большая елка. За эту елку солнышко вчера и спряталось.

Таня ждала, но солнце не появлялось. Зато с другой стороны, где большое поле, небо посветлело, потом порозовело. И вдруг Таня увидела краешек большого румяного каравая. Краешек все высовывался и высовывался. Вот уже это не краешек, а целый оранжевый круг.

— Бабушка! — закричала Таня, вбегая в дом. Бабушка стояла возле печки и орудовала ухватом, переставляя горшки. От печного жара бабушка раскраснелась, помолодела.

— Почему солнце за елками не спало?

— За какими елками? — не поняла бабушка.

— Солнце спало не там! — продолжала Таня. — Оно в поле спало, во ржи.

— Верно, внучка, — отозвалась бабушка. — Солнце спит не там, где ложится.

Как это? — не поняла Таня. — Где ложится, там не спит? Значит, солнце ночью ходит?

— Ходит, — молвила бабушка, усаживаясь на лавку. — Это люди напридумывали, что солнце спит. А оно все время ходит. Землю освещает то с одной стороны, то с другой. Сейчас нам светит, потому и день настал.

— А где не светит, там ночь?

— Там ночь, — согласилась бабушка. — Ты, я вижу, совсем большая стала. Пойдем-ка Рыжуху доить. Скоро ей на работу, в поле со стадом пастись. Молочко-то у коровушек на языке.

СВИН БОРЯ, ШАМПУРЫ И ШАШЛЫКИ

Возле длинного сарая свиньи выкопали широкие плоские ямы. В этих ямах они и лежат похрюкивая. А что делать? Наелись, напились, теперь спать.

Вокруг свинарника из деревянных жердей сделана загородка. Эту изгородь свиньи часто ломают, не специально, а так. То спину чешут, то землю роют, червей выискивают, корешки всякие поедают. Подкопают нечаянно столб, а он и упадет.

У поросенка Бори толстое рыло, огромный пятачок и крохотные глазки. Он прикрывает их короткими свинячьими ресницами-щетинками и блаженно похрюкивает. Ребята чешут Борины бока детскими грабельками. Боря страшно доволен, даже пятачок еще выше задирает.

Свин Боря, с повышенной мордастостью, как смеются над ним ребята, страшно озорной. Когда Боря был маленьким поросеночком, а их у мамы-свиноматки двенадцать, Борю взяла тетя Маруся. Решила выкормить, потом сдать в совхоз. Боря ей приглянулся: короткорыленький, пестренький, с закрученным хвостиком. Вначале поросенок вел себя прилично, пил молоко, ел кашу. А вот когда перешел на щи и картошку, стал хулиганить. Рылом своим курносым все перевертывать. Да еще и визжать. Тетя Маруся Борю в хлеву за изгородку посадила. Так он стал так кричать, что сил нет слушать. Боря просился гулять. Надоел тете Марусе крикливый свин, отдала обратно в совхоз.

— Пусть, — говорит, — в свинарнике с другими свиньями поет.

В свинарнике Боря стал первым солистом. Чуть что задержали с едой или захотел пить, уже во всю заливается. Да так высоко берет, что все затыкают уши. Визжит на всю деревню, будто его режут!

А еще он повадился столбы валить. Яму возле изгороди выкопает, столб свалит, в дыру пролезет. Носится в деревне, во дворы заглядывает. Ничего не перепадет, проголодается, на

свинарник придет, в ворота рылом толстым тычется, назад просится.

Раз с Борей приключилась история. Бегал он, бегал по улице, свернул в переулок — почуял вкусный запах. Возле речки туристы развели костер, жарили шашлыки. Шашлыки — мясо с луком, надетое на длинные железные палки — шампуры. Поджарили туристы на углях шашлыки, положили на большие лопушистые листья, сами отправились за водой для чая. Тут Боря и подобрался к шампурам. Содрать мясо с железных палок не может. А пахнет вкусно. И есть хочется. А туристы возвращаются! Боря не растерялся, рылом подхватил две шампурины и — наутек. Бежит по дороге к свинарнику, в зубах шашлыки несет. Ну и смеху было!

Потом туристы пришли Борю фотографировать. Очень сожалели, что нет цветной пленки. Так им Боря понравился. А один, самый старший из туристов, все приговаривал: «Ну и свин пестрый, курносый! Тебе бы в цирке выступать. Цены бы тебе не было!»

ЛАСТОЧКА

Под крышей нашей дачи — ласточкино гнездо. Гнездо похоже на серую корзиночку без ручки. Вчера мы подставили к стене деревянную лестницу, Димка влез и заглянул в гнездо.

— Птенцы там! — закричал Димка.

— Не трогай! — испугалась Катя.

— А я и не трогаю, — обиделся Димка.

— А какие они — эти птенцы? — спросил маленький Павлик.

— Какие, какие! Ну, такие вот, рот шире головы, у всех шеи, как прутики, а сами голые и синие.

— Некрасивые? — спросила Катя.

— Некрасивые, — ответил Димка, слезая с лестницы.

— У такой симпатичной птички ласточки такие широкоротые детки, — хмыкнул Павлик.

— Так они вырастут! — загалдели ребята. — И станут настоящими ласточками.

— Наверно, станут, — согласился Димка, пыхтя около сарая, куда он с Сережкой потащил деревянную лестницу.

Испуганная ласточка летала над ребятами и что-то кричала, кричала.

— Ругается, — буркнул Димка. — Думает, гнездо разоряем.

— Ласточка, ласточка — Лидия! Не бойся! — замахала розовым платочком Катя. — Мы не разоряем! Мы только на

птенчиков хотели посмотреть! И все!

Ласточка, наверно, поняла, потому что замолчала и села в гнездо.

БАРАН-КРУТОЛОБ

Когда овцы несутся мимо лагеря, поднимается страшная пыль. В деревне овцы кучками подбегают к домам, толпятся около ворот. Если воротца закрыты и овец никто не встречает, они несутся дальше и бродят у сараев. Потом бегут на колхозный скотный двор.

— А ну, непутевые! — кричит на них пастух дядя Паша.

Он отгоняет потерявшихся овец от колхозного стада.

— Домой пошли, бяшки! Домой, бяшки, пошли!

И как только дядя Паша овец распознает? — удивляется Димка.

— Он их в лицо знает! — серьезно отвечает маленький Павлик. — Мы ведь знаем в лицо барана — крутые рога?

— Крутолоб, — говорит Димка, — совсем другое дело. Крутолоб — особенный баран.

Баран, по кличке Крутолоб, по селу не бегает. Придя с поля, он, словно вкопанный, останавливается против своих ворот и призывно, басисто долго блеет: «Бэ-э-э-э-э, Бэ-э-э-э-э...»

Хозяйка барана, старушка баба Мотя, никогда не торопится.

— Никуда не денется! — говорит баба Мотя. — Не пущу, так ворота размолотит, а войдет!

И правда, если барана долго не впускали, он разбегался и бил в ворота круглыми огромными рогами.

— Сейчас, сейчас! — спешила тогда баба Мотя. — Дурень ты мой безмозглый. Голову расшибешь! Рога сломаешь! — и впускала барана во двор. — Заходитя, наше величество! — говорила баба Мотя, низко кланяясь крутолобому. — Кушать давно подано! Заходитя, Ваше величество! Заходитя!

ТУШКАНЧИК

— Пап, а ты чего спишь? — спросил Алешка, поворачиваясь на другой бок. — Комбайн сломался?

— Не сломался. Кабы сломался, не спал.

— Пап, а солнца опять нет? Дождь будет? А как же лен? Теребить пора.

— Какое солнце? — удивился отец, не открывая глаз. — Ночь

на дворе. Вот тушканчик... неугомонный...! Спи... говорят..

— А... — протянул, засыпая, Алеша.

Но солнце Алеша увидел. Оно вставало из-за бугра, показывая свою раскаленную макушку.

Солнце поднималось все выше. Вот оно покатилось в весело искрящейся речке, опустило в прохладную а прозрачную воду длинные горячие лучи, умылось. Потом с веревки, что натянута у крыльца, взяло полотенце и вытерлось основательно, как это делает папа. Два красных вышитых петуха выпорхнули с белого полотнища и уселись на жердочке.

«Ку-ка-ре-ку! — пропел большой красный петух и спросил у другого: — А ты чего не поешь?»

«Сейчас, — ответил другой вышитый красный петух, — вот только гребешок отряхну, а то помяли. — И пропел звонко и радостно: — Ку-ка-реку-у-у-у!»

Солнце тем временем шагало по полю, по срезанными коротеньким соломинкам, влезало на высокие желтые скирды, прыгало оранжевым мячиком.

Голубая росинка скатилась с листа березы и засветилась. Большая глазастая лягушка широко открыла рот и проглотила сверкающую каплю.

«Ква, — сказала зеленая, — до чего вкусна! А что это Алешка до сих пор спит? Обещал Сенечке на пруд идти, карасей ловить, а сам?»

«Алеша! — крикнул большой красный петух, вспорхнув на раскрытую дверь сеновала. — Вставать пора!»

Высушенная травинка щекотала Алешу за ухом и фыркала, как колхозный жеребчик Буян.

— Уже? — спросил Алеша, открывая глаза. На сеновале было темно. Пахло травами. Где-то в углу скреблась мышь.

— Спи, — недовольно проворчал отец. — Луна еще в небе гуляет. Разбужу, не проспишь своих карасей. Ну и неугомонный, право, тушканчик!

О КОМАРИКЕ-ВЕРТЛЯВИКЕ

В окне спальни — рамки с натянутой марлей. Это от комаров. Но комары все равно успевают проскочить через дверь.

Один такой вертлявый комар крутится около Надиного уха и звенит, звенит.

— А что комар говорит? — спрашивает Надя шепотом у Кати.

Катя лежит на кровати рядом.

— Не знаю, что твой комар говорит, — сердито отвечает

Катя, отмахиваясь от кого-то. — А мой все спрашивает: «Ты спишь?.. Ты спи-и-шь?»

ЯШКА-ТАРАКАШКА

В спичечной коробке у Дениса живет жук. Жук большой, толстый, как дубовый желудь, с цепкими сильными лапками. Жука Денис назвал Яшкой-таракашкой.

Если положить спичечный коробок с жуком под подушку, то все равно слышно, как он по стенкам скребет лапками.

Все ребята уговаривают Дениса выпустить жука на волю. Но Денис выпускать его не хочет. Денис говорит, что таракашка-Яшка — вредный, майский жук. Что Яшка зароется в землю и будет есть корни у дуба. Потому он похож на желудь.

Мы не поверили Денису и спросили у Елены Владимировны. Воспитательница сказала, что не сам майский жук вреден, а его толстая, жирная, лохматая, похожая на гусеницу личинка. Личинка живет в земле несколько лет, питаясь маленькими корешками деревьев.

— Вот видишь, Денис, твой таракашка-Яшка не вредный. Ты его выпусти. Пусть летает.

— Пусть, — нехотя соглашается Денис и открывает коробок. Но жук не вылетал. Он, наверно, задохнулся в тесном спичечном коробке и умер.

ВРЕДНЫЙ КОКОКОР

В этом году с нами на даче живет петух по имени Кококор. Кококор — вредный-превредный! Чаще всего он ходит около курятника. Злые петушиные глазки так и зыркают по сторонам. Лапы у Кококора крепкие, пальцы длинные, с когтями, а клюв желтый и горбатый.

Как завидит Кококор чужого, со всех ног бежит и норовит сзади в пятку клюнуть. И зачем ему чужая пятка? Клевал бы себе корм, землю лапами разгребал, на дороге в песке купался бы, как все куры! Так нет же! Ходит, ищет, какой бы вред сотворить! А если завидит другого петуха, перья у Кококора дыбом встают! «Ко-ко-ко!» — закричит Кококор и давай драться. Только перья во все стороны летят. Другие петухи **в** гости к нам не ходят. Кококора боятся. Нехороший петух, недружный!

Раз насыпали мы корма в кормушку. Куры подбежали, клюют да похваливают: «Ко-ко-ко! Ко-ко-ко!»

А Кококор выхватил кусок, оттащил подальше от кормушки и кричит: «Крх! Крх» — сам вроде не ест. Вроде кур зовет. Куры подбежали, спрашивают: «Ко-ко-ко? Ко-ко-ко?»

«Крх!» — отвечает Кококор, а сам все и склевал.

О КРИКЛИВОЙ КУРОЧКЕ

Все куры как куры. А вот курочка-пеструшка страшная крикуша. У курочки-пеструшки есть сыночек. Курочка сидела на гнезде, высиживала десять яичек. А из скорлупок вылез один только цыпленок по имени Кокс.

— Поэтому, — говорит тетя Маша, наша повариха, — у курочки-пеструшки характер испортился.

Цыпленок Кокс бегает за мной по пятам, учится кричать. Но у него пока не получается. Все «кокс» да «кокс»!

А курочка-пеструшка целый день только и делает, что караулит сыночка, кормит да под крыло прячет. Кокс подрос, ему охота с другими цыплятами поиграть, а курочка-мама не дает! Чуть что — и клюнет в хохолок приятеля Кокса. Благо некому заступиться. Все цыплята ведь инкубаторские.

А как найдет курочка зернышко, то такой крик поднимет, что в другой деревне слышно. Зернышко сыночку подкладывает.

Растет Кокс, с маму ростом стал, а курочка все его оберегает. Кокс и кукарекать научился, а курочка-пеструшка все его кормит.

— Плохо, когда у мамы один цыпленок! — говорит Димка.

— Нет, хорошо! — спорит Катя. — Мама ему все отдает.

— А хорошо ли? — спросила воспитательница, открывая в спальне форточку. Все загалдели, заспорили.

— Тише, тише! Нашли время кричать! Спать пора, — Елена Владимировна встала в дверях. — Завтра проснетесь и поговорим.

МУХА — ПОЛОСАТОЕ БРЮХО

— В прошлом году в городе было много полосатых мух! — сказал Димка, облизывая перепачканные в варенье пальцы. — Я раз ехал с мамой в троллейбусе и видел, как на остановке влетели две такие мухи. Полосатые мухи сначала сели на потолок, а потом стали приставать к одной девчонке. Девчонка отмахивалась от них, а девчонкина мама говорила: «Опять, сластена, варенье лизала?»

— А при чем тут варенье? — доедая сладкий пирожок, спросил Димка.

— Мухи на вкусное всегда садятся, — деловито высказался маленький Павлик. — Вот видите, я не умылся после полдника, и ко мне муха тоже пристала.

— Вот-вот! — закричал Димка. — Та же, полосатая, как и в троллейбусе! Кыш, пошла!

Но муха не улетала. Она стала кружиться над Димкой. Вдруг муха вцепилась в Димкин палец и больно укусила.

— А-аааа! — завопил Димка. — Кусается!

Зажав в кулаке укусанный палец, Димка помчался к воспитательнице.

— Ох уж эти осы! — вздохнула Елена Владимировна, рассматривая укушенное место. — Сейчас жало вытащу. Потерпи. — И Димка терпел. Потом Елена Владимировна намочила носовой платок водой и приложила к распухающему Димкиному пальцу.

— А-а! — снова завопил Димка. — Полосатая, а кусается!

— Пройдет, — успокаивала Елена Владимировна Димку, поглаживая ладонью по голове, — Я сколько раз говорила, нельзя брать варенье пальцами. Надо ложечкой брать. И руки мыть. Оса на сладкое летит. Она не виновата, ей осиный мед надо на зиму заготавливать. Зима длинная, холодная. Много еды потребуется.

— Ну и пусть заготовляет! На то цветы есть! — всхлипывал Димка. — А зачем на палец лезть? Мало ей цветов, так кусаться давай! Да?

БЕДНЫЙ КРОТ

Вчера был такой сильный дождь, что крот в земле утонул. Он лежал на дорожке брюшком вверх, сложив на животе лапы.

Лапы у крота похожи на наши руки, только ладошки у самой головы. Нос — как у хрюшки пятачком, а глаз нет.

Нам было очень жалко крота. Как же он так оплошал?

Мальчишки выкопали ямку, и мы его похоронили.

БЫЧОК — ПЯТНИСТЫЙ БОЧОК

У колышка, на длинной веревке, стоит привязанный бычок. Он черный, с белыми пятнами и кудрявый. Ла лбу у бычка в завитушках челка. Глаза как большие сливы, а на веках настоящие белые ресницы. Только нос у бычка почему-то мокрый.

— Он, наверно, простудился, — говорит Катя. — Когда простудишься, всегда нос мокрый.

— Совсем и не так, мне дедушка рассказывал. У телят все наоборот. Если носы сухие, значит, они заболели. А вот бугорки, пощупайте, — предложил Димка. — Здесь вырастут рога. И будет бычок большим рогатым страшным быком! С красными ноздрями и с кольцом в носу!

— Я не хочу, — заявила Катя. — Он не станет страшным черным быком. Он хороший.

— Нет, станет! — заспорил Димка.

— Нет, не станет! — закричали все.

«Му-у-у!» — промычал бычок.

— Му-у-у-у! — передразнил теленка Димка. — Мычит, как настоящий бык.

— А что теленок сказал? — спросил маленький Павлик.

— Он сказал, что не любит спорщиков, — улыбнулась вожатая. — И если его станут дразнить, он будет злым!

«Му-ууу!» — выговорил снова бычок.

— Вот видите, — запрыгал вокруг бычка Павлик, — он согласен.

СЕРАЯ УТКА КРЯКВА

За нашим лагерем есть небольшое озерко. В камышах серая утка устроила гнездо и снесла десять яичек. Первым гнездо увидел пастух дядя Паша. Сначала дядя Паша никому ничего не сказал. Но когда ребята стали играть в войну и в партизан, дядя Паша решил рассказать о своей находке.

Чтобы не потревожить утку, отряд гуськом, на цыпочках, следом за пастухом подошел к озерку. Но утка все равно испугалась, поднялась над камышами и, тревожно крякая, полетела над водой. Дядя Паша раздвинул кусты, показал утиный дом. Это была широкая травяная тарелка. В ней лежали пестрые утиные яйца.

— Все видели? — спросил дядя Паша.

— Все! — ответили ребята хором.

— Раз видели, больше сюда не ходите, не тревожьте крякву. Пусть деток высиживает. А то испугается, улетит, и пропадут утята-малыши.

К гнезду ребята не ходили. Даже специально вокруг сделали из прутьев заборчик. А так всем хотелось узнать, когда у кряквы будут дети.

Однажды к дачам примчался Димка и истошно завопил:

— Родятся! Утята родятся! Побежали смотреть!

Всем захотелось побежать, но вожатая Наташа не разрешила.

— Вы их затопчете, — сказала Наташа, — потом сходим.

После завтрака была уборка территории, затем спортивные соревнования, и только перед самым ужином ребята отправились посмотреть на новорожденных.

— А я видел, как они родятся! — рассказывал дорогой Димка, — Сначала треснуло яичко, потом показался клювик. Скорлупа разломалась, и из нее вылез мокрый утенок. Утенок маленький-маленький, а уже в перышках.

К озерку подошли опять гуськом, в затылок друг другу. Вожатая раздвинула камыши. В травяной тарелке, в утином доме, лежали одни поломанные скорлупки,

— А где утята? — спросили все разом и посмотрели па Димку. Димка страшно покраснел, заморгал глазами.

— Ты их в воду покидал? Отвечай?!

— Не кидал я никого, — бормотал Димка, — я просто видел, и все. А потом ушел, забоялся, что заругают.

— Правильно, что забоялся! — сказала Катя. — Мы же обещали не ходить к домику.

— Да вот они! — закричал маленький Павлик.

— Тише ты! — дернула за рукав Павлика Катя. — Испугаешь!

У самого берега, под нависшими кустами плавала серая утка-мама, а рядом во все стороны бойко шмыгали серо-желтые пушистые комочки.

— Ура! — закричал Димка. — Родились утята! Я что говорил!

Утка недовольно крякнула и поплыла к другому краю озерка. За ней, друг за другом, гуськом, быстро работая лапками, скользили по воде пушистые, с утиными носиками комочки.

УПРЯМЫЙ МУРАВЕЙ

В пионерском лагере родительский день. Димкины родственники расположились на лесной поляне. Мама из огромной хозяйственной сумки вытащила всякие припасы. Вместе со сладостями, фруктами и овощами на салфетку, расстеленную прямо на траве, положила коробочку с солью.

Димка откусил помидор и потянулся за солью. К коробочке подбежал муравей. Обхватив лапками большой комочек соли, муравей потащил к краю салфетки, а затем в траву.

Травинки, по сравнению с муравьем, казались большими деревьями. Словно сквозь чащу нес муравей свою добычу. Труднее всего было, когда на пути попадались поваленные травинки. Муравей преграды не обходил. Напрягаясь изо всех сил, он затаскивал комок на травинку и, как по сваленному

дереву, переходил через завалы.

Иногда, видимо в секунду отчаяния, он выпускал свою ношу из лапок, но снова возвращался к ней. Упираясь задними ногами, идя спиной вперед, упрямо тащил комочек соли. Сколько упорства!

Димке стало жалко муравья. Он взял соль. Муравей беспомощно забегал во все стороны. Он не понимал, куда девалась его ноша.

Димка разломил комочек и самый маленький положил перед муравьем. Муравей засуетился, схватил и побежал, прижимая комочек так, как бегают маленькие дети с мячом в руках.

— Мам, а зачем муравью соль?

— Какая соль? — не поняла мама. — Какому муравью?

— Ну этому, что соль взял.

— Огурцы солить, — не задумываясь выпалил Димкин младший братишка. Всем смешно, а Димка долго думал об упрямом труженике муравье. И еще он думал о том, почему муравей взял не сладкое, а соленое?

ЯГОДЫ

Мы очень хорошо знаем наш лес. На пушистых сухих кочках растет коротышка-брусничник. Румяной ягоды пока нет, одни только крошечные белесые цветочки.

А вот на болоте — голубочник. Вперемежку с ним — дурман-трава — багульник. Надышишься запахом багульника, когда собираешь голубые ягоды, голова разболится. Потому ее и называют еще пьяникой. Во второй половине лета заголубеют ягоды голубики, нашего северного винограда.

На мокрых болотных кочках, на длинных тоненьких стебельках завязываются ягоды клюквы. К осени белые ягоды зарумянятся, покраснеют, нальются соком, станут блестящими, атласными, хрустящими клюквинами. Бери, не ленись и по ягодке, и по охапочке, и горстями. Наберешь, что и не снести.

В сосновом бору на маленьких низких кустиках, под крошечными листиками, попрятались зеленые жесткие желвачки. Скоро почернеет, созреет удивительная ягода — черника.

На солнцепеке и в густой траве — земляника. Почти до самой земли свисают красные сочные ягоды. Земляника и называется потому земляникой, что к земле поникла. Ее душистые ягоды не спутаешь ни с какой другой. И ярка и душиста! А вкусна!

А что это за темно-синяя, почти черная пуговица? Вокруг выпуклой пуговицы — зеленые большие листья. Пуговица

броская, выразительная, уставилась на нас, как око вороны. Так это и есть «вороний глаз»! Очень ядовитая ягода.

— Какие разные ягоды растут в лесу! — удивляется Димка. — Разные-прекрасные и ядовито-опасные!

ЕЖИ

Солнце все ниже и ниже наклоняется к горизонту. В лесу становится прохладно. Дурманно пахнет багульником, грибами, хвоей и еще чем-то лесным. Сколько же километров исколесили с ребятами по лесу?

— Вот бы спидометр к пятке приделать! — говорит Димка. — Тогда бы узнали.

Решаем чуть передохнуть. Садимся на кочки, поросшие кукушкиным мхом, ставим на землю корзины с грибами, на минуту замолкаем. И видим: на лесную тропу выходит ежиное семейство. Впереди — толстая ежиха. Серые иглы у ежихи пожелтели не то от времени, не то выгорели на солнце. За ежихой цепочкой идут ежата. Их четыре. Иголки у ежат светло-серые, тоненькие, видно, мягонькие. Любопытные носики то и дело поворачиваются в разные стороны.

Последним идет самый маленький ежонок. Он весело семенит по тропе, не отставая от сестер и братьев.

Ежиха вышагивает неторопливо, изредка похрюкивая. Мы подались вперед, чтобы лучше рассмотреть ежиное семейство. Кто-то подскочил на кочке, под кем-то хрустнула ветка. Ежиха издала тревожный звук. И как по команде, ежи свернулись в клубочки.

Все разом закричали. Юрка предложил взять ежей в лагерь. Димка — прихватить самого маленького. Но пионервожатая Наташа сказала, что брать детей у мамы не стоит. Пусть они живут все вместе, как жили до нас. Придя к единому согласию, ребята отошли от тропы, притаились в кустах.

Ежиха вначале не шевелилась. На лесной тропинке лежало пять комочков. Потом ежиха высунула черный нос из иголок, повертела головой, понюхала воздух, прислушалась, хрюкнула.

Неподвижные комочки моментально ожили, высунули черненькие остренькие носики и засеменили коротенькими ножками. Ежиное семейство двинулось дальше по своим ежиным делам.

Ребята даже боялись дышать. Не хотелось пугать ежей. Солнце коснулось травы. Пора, пока не стемнело, выйти на дорогу.

Закончился лесной поход под кодовым названием «операция гриб». Прощай, лес! Прощайте, ежики!

Часть третья. ОБЫКНОВЕННЫЕ И НЕОБЫКНОВЕННЫЕ ИСТОРИИ

В ЦАРСТВАХ МРАКА, ТЕНЕЙ И СВЕТА

Глава I. ШЕПТУН-ОЗЕРО

— Бабушка, благородный металл, шесть букв, начинается с «з»? Знаешь? — выкрикивал Женька из комнаты. — А самое твердое на земле вещество? Баб, ты слышишь? — снова спрашивал Женька. — Благородный металл, шесть букв?

Бабушка, как всегда, молчала.

Разгадывая кроссворды, Женька постоянно, не надеясь ни на что, приставал к бабушке. Во-первых, она всегда дома. Во-вторых, бабушка в семье — авторитет. Она хоть и бабушка, а ученая, со степенью.

— Баб! — выкрикнул Женька последний раз и отправился в семейную библиотеку. Библиотека в папиной комнате. Стеллажи с книгами до самого потолка. Отыскивая энциклопедию, Женька натолкнулся на книгу с загадочным названием «Спелеология», что означает «Пещероведение». И зачитался.

— Ты опять здесь, Евгений-гений, везделаз-лазейкин? — в дверях стояла бабушка. — Врач что сказал? Постельный режим. И не возражай!

— А благородный металл, шесть букв, на «з»?

— Золото, — проворчала бабушка. — А самое твердое на земле вещество — алмаз. Успокойся и марш в постель.

От нечего делать, лежа на кровати, Женька стал рассматривать висящую на стене картину. На ней были нарисованы высокие скалистые горы, отвесные скалы. А над ними — огромное яркое солнце. Вдали виднелась синяя полоска моря. На переднем плане, среди камней — расщелина, поросшая мхом и кустарником.

— Пещера, — прошептал Женька, пристально всматриваясь в нарисованное. И вдруг увидел паука-крестовика с белесым перекрещивающимся узором на спинке. Паук бегал по паутине, заделывая вход в пещеру. Рядом летала крохотная мушка с красивым золотистым оттенком.

— Ж-ж-ж-ж-ж-жу, — жужжала мушка. — Ж-ж-жут-ко леж-жать. Надо, Женя, беж-ж-жать. Ж-ж-же-ла-ешь, Ж-ж-же-ня Ж-ж-жуков?!

— Жуков? Это же я! — удивился Женька. — Эй, Золотуха, а ты почем знаешь, что я — Жуков Женя?

— Надо беж-жать, Же-ня! Беж-жа-ть, Ж-жу-ков! — жужжала Золотуха.

Женька подался вперед. Вход в скале увеличился почти вдвое. Женька приблизился еще и оказался в пещере. Паук, превратившись в большого, что и бабушкиной шляпой не покроешь, тарантула, бегал по стене, распугивая летучих мышей. В полумраке мыши с писком носились вокруг, однако успевая выруливать перед самым Женькиным носом.

— Фу ты, нечисть! — возмутился Женька. Он пригнулся и сел на большой плоский камень. Под камнем кто-то, причмокивая, шлепал губами.

«Не раздавил ли я кого?» — подумал Женька и неожиданно для себя задумался.

— Жуков, зачем Жабке-Лапке лапку отдавил? — раздался рядом голос.

— Что? — изумился Жуков. — Какой еще Жабке-Лапке?

— Жабкиной, — недовольно фыркнул кто-то и снова зашлепал губами.

— Ох-хо-хо! — вздохнул под Женькой большой плоский камень. — Долго думаешь, Жуков!

— Что? — подскочил Женька. — И ты разговариваешь?

— Нет, я больше молчу. Я больше думаю. Я ведь камень задумчивости.

— А я, представьте себе, — пробасил камень, что лежал рядышком, — я более решительный. Я — камень решительности. Сядь на меня! Садись, Жуков, не бойся! Вот так, — решительно продолжал камень, когда Женька на него уселся. — Что в себе чувствуешь?

— Желание что-то сделать, — сказал Женька. Он резко поднялся, решительно обошел пещеру и обнаружил круглое озерко.

— Я — Шептун-озеро, — прошептало озерко. — Опусти в меня руки.

Не задумываясь, Женька погрузил обе руки по локоть в воду. Из озерка выбежали три речки.

— Мы — сестрицы-Водяницы, — зажурчали в три голоса подземные речки. — Я — Темная. Я — Мутная. Я — Светлая.

Шептун-озеро прошептало:

— Коль друзей себе найдешь, в царства земные попадешь. Жуков, хочешь знать тайны, тайны земли?

— Хочу! — быстро ответил Женька. — А что надо делать? — Но сколько ни прислушивался Женька, Шептун-озеро шептало одно и тоже:

— Коль друзей себе найдешь, попадешь. Найдешь,

попадешь...

Женька оглянулся по сторонам. Кроме паука-крестовика да бесчисленного количества летучих мышей, в пещере никого не было.

— Друзей у меня много, — громко сказал Женька, — но к ним нельзя. У меня, сказал врач, начинается ветрянка.

— Найдешь, попадешь... Найдешь, попадешь... — шептало озеро.

В одном углу пещеры Женька обнаружил кусок гнилого дерева. В Женькиных руках гнилушка вдруг ярко засветилась. На глиняном полу он увидел разбросанные продолговатые раковины-перловицы. Среди них — скрученную раковину прудовика. Пройдя несколько шагов, обнаружил еще одну, похожую на раковину виноградной улитки.

— Вот и все богатства пещеры, — вздохнул Жуков, поглядывая на находки.

— А друзья разве не богатства?

Женька удивился. Раковина прудовика высоко подпрыгнула, превратилась в румяного крепыша со смешным рыжим хохолком на голове.

— Давай знакомиться! — протянул пухлую ручку мальчишка. — Я — Задира Первый.

— А тебя как зовут? — Кто-то с другой стороны дергал Женьку за спортивные брюки.

— Неуступиха, успеешь! — возмутился Задира Первый, отталкивая худенькую вертлявую девчонку с тремя разноцветными бантиками на трех разноцветных косичках.

— Успею, Задирчик, успею! — поджала губки девчонка, продолжая наступать на Женьку.

— Я — Женька, Жуков... Ученик 5-го «А» класса, — представился Женька.

— Неуступиха! — подала ручку девчонка. — А это наша общая знакомая. — Из-за камушка, помахивая в разные стороны хвостом, вышел узкий пушистый зверек.

— Из виноградной улитки? — спросил Женька.

— Сам ты из улитки! — фыркнула Неуступиха. — Это — Лазка-Семизубка Вездесущая.

— Лазка? — переспросил Женька. — А не ласка?

— Лазка-скалолазка, от слова — лазать, — мягко ответила пушистая знакомая. — Мы твои новые друзья.

— И я, — заворочался круглый маленький камушек, до которого Лазка-Семизубка дотронулась хвостом. Круглый камушек мгновенно превратился в клубок необыкновенных нитей. Из клубка торчала стальная спица. — Я — Клубчиха

Спицына Знаниядающая.

— Но-но, Спицына! — зашумел Задира Первый. — Не вздумай спицей махать.

— Тихо, Задирчик, тихо, — заступилась за Спицыну Неуступиха. — Не гневайся, голубчик! Клубчиха вовсе и не машет спицей!

— Спица у меня особенная, — продолжала Клубчиха, не обращая внимания на возникший спор, как будто она всю жизнь его слушала. — Кто спицу возьмет да со мной пойдет, тот в три царства попадет. В царство Мрака, Теней и Света. Если хотите, я вас могу проводить. Вы увидите богатства нашей земли.

— Я, конечно, могла бы, — заявила Неуступиха, — но...

— Я, Женя Жуков, ученик 5-го «А» класса, хочу побывать сразу во всех трех царствах!

— Вот это товарищ! — запрыгал вокруг Женьки Задира Первый. — Давай на кулачках! Ты бьешь меня, я тебя.

— На кулачках, на кулачках! — фыркнула Неуступиха. — Тебе бы только кулаки чесать. Так идем или нет?

Лазка-Семизубка осторожно подошла к Клубчихе и взяла ее в лапки. Спица вспыхнула, засверкала, разбрызгивая холодные искры. Словно это была не спица, н праздничный бенгальский огонь.

— Мышки-летучки! — закричала Неуступиха. — Где Жабка-Лапка? Жуков, я тебя с ней познакомлю. Жабка-Лапка!

— Што по што? — пробулькало под камнем. — Шон шморил штарую Шабку-Лапку.

— Выходи, с нами пойдешь! — Неуступиха топнула тоненькой ножкой.

— Не выйду! — прошлепала Жабка губами.

— Выходи! — затопала снова Неуступиха.

— Што, што, — пробулькало опять под камнем, и все стихло.

— Ну, погоди! Вот вернусь, будет тебе по толстым. губам!

— А зачем она? — сказал Женька. — Оставь ее в покое. Пошли. — Женька гнилушку, что держал в руке, швырнул в угол пещеры.

— Какое легкомыслие! — возмутилась Неуступиха и сунула гнилушку в свою бездонную корзиночку, плетенную из ивовых прутиков.

Шептун-озеро по-прежнему тихо плескалось, словно разговаривало с речками сестрицами-Водяницами. Женька прислушался:

— Тридцать раковин возьми да в три ряда положи. Тише едешь — дальше будешь, быстро едешь — сзади будешь. Если друг тебя поймет, лодка- дальше поплывет.

— Надо собирать раковины! — громко объявил Женька. Он наклонился. Неуступиха уже ползала по земле на коленках, руками наступая на пятки Задире Первому. Лазка-Семизубка вертелась между ними, разыскивая экземпляры покрупнее.

И вот уже выросла небольшая груда из раковин. Жуков сел на корточки, стал складывать раковины в три ряда по десять штук. И как только последняя легла в ряд, качнулась спица в клубке. Раковины разом подпрыгнули, стали огромными и соединились вместе. Получилась прекрасная лодка, перламутровая изнутри. Любители путешествий не заставили себя долго упрашивать. А так как они друг друга хорошо понимали, то лодка помчалась по одной из речек сестриц-Водяниц — по Темной, в подземные царства Мрака, Теней и Света. Лазка-Семизубка крепко держала в лапках клубок со спицей, освещая дорогу брызгающими блестками.

Речка делалась все шире. Под темным мрачным скалистым сводом текла широкая подземная река.

— Давай! Быстрее давай! Лодочка-самоходочка! —кричал Задира.

— Что ты! — испугалась Клубчиха. Но было уже поздно. Они снова оказались в пещере с тремя речушками, вытекающими из Шептун-озера.

— Так вот и будем кататься вперед и назад? — вспылила Неуступиха. — А теперь еще и на месте стоять?

— А вы разве не слышали, — спросил Женька, — что Шептун-озеро говорило: «Тише едешь — дальше будешь. Быстро едешь — сзади будешь».

— Нет! — в запальчивости закричал Задира Первый.

— Кто слышал? Ну кто? Кто? — заспорила Неуступиха.

— А еще озеро сказало, — продолжал Женька, «Если друг тебя поймет, лодка дальше поплывет».

— Конечно, сказало, — добавила Лазка-Семизубка, прижимая к себе клубок со спицей. — Поплыли, друзья, поплыли!

И лодка снова устремилась по Темной, увозя по сумрачной подземной реке в глубины земли Жукова и ого новых друзей.

Глава II. ЦАРСТВО МРАКА

Неожиданно лодка остановилась. Это Задира подумал: «Стоит ли плыть в царства Мрака и Теней? Не лучше ли податься прямо) в царство Света?»

— В чем дело? — заволновалась Неуступиха.

— Может быть, в царство Света махнем? — предложил Задира.

Но Клубчиха Спицына тихо молвила:

— Чтобы попасть в светлое царство, надо пройти, познать,

испытать себя в царствах Мрака и Теней.

Все согласно закивали, и лодка двинулась дальше.

Вокруг делалось все мрачнее и мрачнее. Неожиданно спица погасла.

— Что случилось? — спросили все хором. — Почему, Спицына, не искришь?

— Не могу! Меня чем-то сдавливают, я гасну.

— Темно, хоть глаз выткни, — проворчала Неуступиха.

— Мне будто на голову мешок надели, — запыхтел Задира Первый.

— Царство Мрака! — проговорил в абсолютной гулкой темноте чей-то низкий тяжелый голос. — Царство НЕФТИ и ГАЗА!

Лодка на мгновение приостановилась, потом, покачиваясь, поплыла, словно ее дно погрузили не в воду, а в вязкое масло. Стало трудно дышать. Зловонные пары заполняли все пространство.

— Эй, — дернула за рукав Женьку Неуступиха, — глянь в мою корзинку! — В корзинке тускло светилась гнилушка.

— Что ты! — испуганно зашептал Женька. Он вспомнил один из вопросов кроссворда: «Агрессивная, огнеопасная смесь углеводородов». — Это же нефть! Может взорваться! Прикрой скорее передником!

— А я не желаю. Для чего тогда тащила? Вот возьму и вы... Ну ты чего? Темно же?

Все тот же тяжелый, повелительный густой бас продолжал:

— Из царства Мрака, царства Ночи не выйдешь, если и захочешь. И только знания — оправдание. Решайте вместе три задания. А не решите — поглощу и в нефть густую превращу!

— Дела... — сказал Задира Первый. — Я стал, смотрю, чего-то нервный! Стихами вдруг заговорил! Совсем вонючий газ сморил...

— Дела... дела... дела... делишки. А нет у вас о нефти книжки? А почему так в царстве тихо? Я, дядя, знай, — Неуступиха!

— Цыц! Не сглазь! Какой я дядя? — зашумел бас. —- Нет вам другого оправдания! Пришли? Решайте же задания!

— Вопрос первый: что надо мной? Вопрос второй: что во мне? Вопрос третий: что из меня? И еще один — дополнительный! Метил-момент! — зашлепало кругом. — Нефть, кажись, начали откачивать? — Голос смолк и возник снова. — Зало! У них зало! Заклинило! — Кругом зашлепало так, словно по нефти били сотнями ладошек.

— У кого зало, заклинило? — спросил Женька

— У нефтяников, в буре —- пробка! Ай да я, вот славненько! Вот пошутила! — Гремело вокруг. — Не будет им нефти! Пяткой

трубу заткнула!

— А кто вы такой, чтобы так шутить? — крикнул в темноту Задира.

— Не такой, а такая. Я — царица Мрака, царица нефти — Чернота Вторая!

— А где первая? — спросила Неуступиха.

— Туда Первую усосало! — хихикнула Чернота Вторая, видимо, показывая куда-то. Но было так темно, что приходилось только догадываться, куда. — Совала свой нос куда не надо! За нос и усосало, Черноту-то Первую! Хи-хи-хи!

— А вы, оказывается, совсем нехороший! — заявил Задира.

— Нехорошая, — поправил Задиру бас. — Я — Чернота Вторая, женского рода.

— Радуетесь чужому горю, — добавила Лазка-Семизубка, — вместо того, чтобы помочь.

— Помочь? Им? — удивилась Чернота Вторая. — Это мне надо помогать, — неожиданно захлюпала царица Мрака. — Они — плохие. Воду на голову льют. Протекает у них, что ли? — Кругом заворочалось, забулькало. — Вот, взгляните, а потом осуждайте.

— Гнилушку можно вытащить? — спросил Женька.

— Разрешаю! — зашлепало рядом.

— Не взорвемся? — снова спросил Женька.

— От гнилушки нет, светит, но бестолковая. Да и нефть от воды совсем отсырела, — пробасила царственная особа. — Газ еще вчера выпустили. И этого Въеды, по технике безопасности, нет. Уж такой въедливый тип! В другое царство ушел. Работу посветлее отыскал в царстве Теней.

Гнилушка, вынутая из плетенки, осветила огромный грот. Большое черное озеро медленно колыхалось, образуя мягкие покатые валики из нефти. По лоснящимся стенам стекали жирные струйки. Из боковых узких коридоров сочилась густая черная жижа, поблескивая широкими водяными разводами.

— Полюбуйтесь, что делается в царстве! — фыркало из глубины черной чаши. — А ведь в былые времена нефти было под самый потолок. Нет, вы только посмотрите! — булькало непрерывно. — Следы новой цивилизации! Светлые пятна в царстве Мрака! А вчера под меня воду накачивали эти умники. Вспоминать тыщу лет буду, если проживу. Нефть, значит, им? А водичку, значит, земную, мне? Хорош обмен! — Из черной чаши показался длинный вытягивающийся палец. — Нефть, значит, забирают. Водой, значит, заменяют? Так и Черноту Вторую блондинкой сделают! Этил-момент! Быстренько же у них сегодня расклинило, — вздохнул сердитый бас. — Теперь, как вас там? К

стенке жмитесь, не то в трубу угодите.

— Нет былого величия царства Мрака! — гневно забулькала, заклокотала царица Вторая. — Итак, повторяю задание: что надо мной? Что во мне? Что из меня?

— Что над ней? — переспросил Задира, покручивая ершистым хохолком.

— Понятно что, — сказал Женька, — земляные пласты, твердые. А выше — буровая. Значит, там, на земле, работают буровики-нефтедобытчики.

— Спасибо, пояснил, — хихикнула Чернота. — Будто я и сама этого не знаю. А что во мне?

— Как что? — задумался Женька.

— Ну из чего я? — нервно зашевелилась нефтяная царица.

Женька молчал, думал.

— Сажа в тебе, — сказал Задира. — Потому и черная ты.

— Какая сажа? — возмутилась Чернота Вторая. — Я не сажа. Я — благородная нефть, правда, с водой, явно сырая.

— Сырая, раз сразу не загораешься, — сказал Женька. — И довольно-таки жидкая. Бывает и погуще.

— Зато я очень древняя по происхождению.

— Она древняя, — фыркнула Неуступиха, — из знаменитого рода! Просто вы густая черная размазня.

— Нет, я древняя. Одни ученые говорят, что я образовалась из животных, другие — просто так, когда возникла Земля. Я не помню! Маленькой была.

— Ученые спорят, а вы нас спрашиваете! — снова завозмущалась Неуступиха.

— А кого мне спрашивать? Я одинока.

— Вы просили ответить: что в вас? — возник Женька. Он даже засмеялся от радости, так как вспомнил вопрос из кроссворда: «Смесь из углеводородов, пять букв». Нефть! Вы — смесь веществ, состоящих из углерода и водорода.

— Ну ладно, смесь так смесь, — недовольно пробурчала царица, — Отвечайте на третий вопрос: что из меня?

— На земле вас, уважаемая нефть, перегонят, — сказал Женька, — и люди получат много полезных, веществ.

— Перегонят? — удивилась царица Мрака. — А каким образом?

— Известно, каким, — молвил Женька. — Нагреванием! Нагреют, и вы делаетесь нефтяным паром. В так называемых ректификационных башнях, на разных этажах, вы осядете. На самом верхнем — бензином, ниже — керосином, еще ниже — соляркой, дизельным топливом, мазутом. А еще из вас добудут разные масла: машинное, веретенное, цилиндровое и другие. И

даже белый парафин из вас выделывают! А еще — асфальт!

— И асфальт! — всплеснула руками Чернота Вторая. — А что такое асфальт?

— Асфальт — это асфальт. По нему ходят. После перегонки нефти остается черная каша. В эту кашу добавляют песок, мелкие камни — щебенку, раскатывают тяжелыми железными катками. Получается гладкая асфальтированная дорога.

— Мне интересно с вами разговаривать! Пожалуй, я оставлю вас у себя. Вы будете рассказывать мне о земных делах, я вам о нефтяных. Уж так и быть, не обижу. — Длинные черные пальцы, с которых стекала густая нефть, потянулись к лодке.

— Мы так не договаривались! — закричала Неуступиха.

— Тише едешь, дальше будешь! — решительно выкрикнул Женька.

— А я хочу с Чернотой Второй поспорить! — заявила Неуступиха.

— Ну и спорь, — сказал Задира, — а мы поехали. |

Лодку неожиданно качнуло и выплеснуло на каменистый выступ.

— Привет, Чернота! — кричала Неуступиха. — Купайся на здоровье в своей черной луже!

— Я те дам, плакса-вакса, нефтяная клякса! — злорадно выкрикивала Чернота Вторая, ухватившись за черный бант на черной косичке Неуступихи.

Лазка-Семизубка от сильного толчка чуть было не выронила клубок со спицей.

Выскочив на уступ, в полутемноте друзья тащили за собой лодку. Сбоку от выступа оказалась низкая ниша, переходящая в узкий коридор.

— Раз, два! — командовал Женька.

— Если друг тебя поймет... — замурлыкал Задира.

— Лодка дальше поплывет, — подхватила Лазка-Семизубка.

Лодка послушно скользнула по днищу каменного коридора.

— А где Неуступиха? — спросил Женька, когда опасность миновала. — Она только что была здесь.

— Спорить пошла, наверное, — предположил Задира.

— Вот что, — заявил Женька, — вы тут побудьте, а я сейчас. — Сказав так, быстро добавил: — Быстро едешь, сзади будешь!

Черная липкая нефть мгновенно оказалась под дном лодки. Нефтяная чаша была спокойна, ни звука, ни всплеска, ни признака какого-либо существа. В кромешной тьме чуткое Женькино ухо уловило чьи-то приглушенные вздохи и тоненькое похныкивание. На крошечном выступе сидела Неуступиха.

— Тихо, — прошептал Женька, подруливая. — И не спорь,

пожалуйста.

Неуступиха перестала хныкать.

— Чего замолчала? — спросил сердито из глубины чаши тяжелый густой бас. — Я не сплю. Хнычь! Это так приятно.

— Приятно? — всхлипнула еще раз Неуступиха.

— Приятно. Как музыка, тишина надоела, понимаешь? Ну пошуршат там наверху, и все. Посиди-ка миллионы лет в тишине, оглохнешь! Хнычь, тебе говорят. А не то опять искупаю! Плакса-вакса, нефтяная клякса!

— Хнычь! — шепнул Женька на ухо Неуступихе.

— Какая я несчастная! Липкая, противная, чумазая с маковки до пят, — запричитала Неуступиха. — А-а-а! И зачем мне надо было спорить с Задирчиком! А-а-а! Не хочу я больше! А-а-а!

— А-а-а! — стал подвывать Женька, незаметно покидая с Неуступихой царство Мрака.

— Бутил-момент! Опять?! — завопил в темноте низкий густой бас. — Музыки лишили! А дополнительный вопрос? Дополнительный?! Знаете? Знаете, знаете, наете, аете... — неслось вдогонку из глубин покинутого мрачного царства Черноты Второй.

Лазка-Семизубка махнула спицей, и невесть откуда под лодку хлынула вода второй речки сестер-Водяниц — Мутной. Неуступиха полоскалась в воде, стирала платье и банты. Косички снова стали трехцветными.

— Теперь в царство Теней! — клубок от нетерпения запрыгал в лапках Лазки-Семизубки.

— Тише едешь, дальше будешь, — приговаривал Задира Первый.

Спица вспыхнула вновь и заискрилась, раскидывая вокруг себя холодные блестки. Стены пещеры, по которой текла подземная речушка, сверкали, как лакированные башмаки. Это блестели пласты каменного угля.

Глава III. ЦАРСТВО ТЕНЕЙ

Стены низкого мрачного грота делались светлее. То и дело среди пластов угля выделялись желтовато-красные полоски песка, коричневато-серые прослойки сухой плотной глины. Неясные блики бродили по стенам, утопая в мутной воде речки Водяницы.

— Надо спешить, — сказала Клубчиха Знайядающая, — царство Теней горячее, суровое, острое. Этой страной правят три царя, три решительных брата: Феррум Третий, Алюм Силициум и Карбоникум Четвертый. У них есть сестра: мягкая и добрая царевна Каолина.

— Странные имена. Особенно Као-ли-на, — протянул слово Женька.

— На китайском языке, — пояснила Клубчиха Знаниядающая, — каолин — значит белая глина. Имена же царей в переводе с латинского языка означают: железо, алюмосиликаты, углерод. А почему третий, четвертый, — так это из курса химии показатель валентности или степени окисления.

— Неуступиха, слышишь? Царство Теней! Чего молчишь? — и Задира, не думая, дернул Неуступиху за одну из косичек. Неуступиха исчезла.

— Вот дела. Куда она подевалась? — удивился Задира, покручивая на голове свой рыжий хохолок. — Я только что дергал ее за косичку.

— Дергал? — испуганно, явно волнуясь, спросила Клубчиха Спицына. — Если за черную, надо искать ее в царстве Мрака. Если за рыжую, с полосатым бантом, — то в царстве Теней.

— А если за белую? В царстве Света? — обрадовался Задира Первый. — Но я не помню, за какую косицу дергал. Вот бант. — В руке у Задиры был полосатый.

— Нам повезло! — воскликнула Спицына.

— Она в царстве Теней, значит? Бедная, бедная девочка. Совсем одна в чужом царстве, — сокрушалась Лазка-Семизубка.

— Главное, — добавила Клубчиха, — с ее-то характером. Здесь и сгореть можно и...

Лодка ткнулась в просмоленные доски. На берегу возле причала торчал коротенький ржавый столбик с позеленевшими медными обручами.

— Ваши визы? — неожиданно проскрипел ржавый. — Я — Наблюдатель.

— Что визы? Какие еще визы? — начал было задираться, как всегда, Задира Первый. Но его остановила Лазка-Семизубка.

— Уважаемый! У нас есть желание на въезд, — и Лазка случайно коснулась столбика хвостом и спицей. Столбик покачнулся. Падая, задел позеленевшими обручами за нос лодки. Лодка развалилась на тридцать раковин.

— Вот это дела! — крякнул Задира Первый. — Ну и ржавчина с медными обручами! Лодочка-самоходочка-то тю-тю? Что делать?

— Лодку собирать пока не будем, — поежилась Клубчиха Спицына, — раковины возьмем с собой. Так понадежнее.

— Вот, вот, вот! — затараторил Задира Первый. — Взять возьмем, а куда положим? Сейчас бы бездонную Неуступихину корзинку! Где она с ней носится?

Женька насчитал у себя четыре кармана: два на рубашке, два в спортивных брюках. Хорошо, что раковины опять стали маленькими. В каждый карман Женька положил по семь раковин.

Остальные отдал Задире. Задира их взял и незаметно от всех спрятал под досками.

Подземное царство вдруг содрогнулось от взрыва. Затем откуда-то издалека послышались приглушенные тупые звуки: тук-тук-тук! В воздухе запахло плавленым металлом и горящим углем.

По стенам запрыгали яркие блики. Мимо притихших в глубокой нише друзей прошли цари великого царства Теней. Впереди, раскаленный докрасна, царь железа — Феррум Третий. Он был высок и широк в плечах. Железные латы прикрывали могучую грудь, плечи, бедра, колени. Стальной шлем с высоким забралом почти скрывал царственное лицо. Царь угля, Карбоникум Четвертый, был таким же красным и раскаленным, крепким и коренастым. Черная тонкая лакированная мантия висела на одном плече, слегка прикрывая блестящие мускулы сильного тела. Третьим шагал царь цветных металлов, песка, глины и известняка — Алюм Силициум, стройный и высокий.

— Ну и жара! — вымолвил Задира Первый, когда фигуры царей исчезли за поворотом. — Могли бы и не пылать! — ворчал Задира, проверяя, не сгорел ли его рыжий хохолок на голове. — Ладно уж железный раскалился! А черному угольному зачем?

— Так они же на работе! — мягко вымолвила Лазка-Семизубка.

— Третий, стеклянный, видно, попроще, — продолжал Задира. — Не так пыхал.

— Младший, — добавила Клубчиха, — гореть не может. Он только может светиться.

— Где теперь Неуступиха? — вздохнул Задира. — Не сгорела бы. Везде ведь лезет!

— Пошли за царями, — предложил Женька, разглядывая красные пятнышки, появившиеся на коже, наверно, от жары.

Лазка-Семизубка, держа в лапках клубок со спицей, шмыгнула в узкий проход. Коридор расширился, превратился в небольшой зал.

— Песок да глина, — зевнул Задира, — ничего интересного. Чего бы новенького найти.

— Новенького... Всем новенького подавай! — проворчал кто-то под ногами. — Одна тут шустрая бегала. Теперь эти. Откуда только берутся... на мою голову...

— Кто бегал? — затараторил Задира Первый. — Где бегал?

— А кто знает, где? — пропыхтело внизу.

Лазка-Семизубка посветила спицей. На полу копошился маленький, узкий, в меховой шубке зверек, **с** большими роющими лапами, словно пришитыми к шее. Зверек не обращал внимания

на отблески спицы. Это был крот.

— Не видишь? — спросила Лазка.

— А чего в темноте рассматривать? Главное уметь слышать! — хмыкнул крот. А зачем вы сюда залезли? Предыдущая посетительница, например, заявила, что это — ее дело. Я лично сюда попал случайно, провалился, — продолжал крот - Но я не виноват. Виновата Ехидна. Вообще-то, я в земле живу, только у самой ее поверхности, где почва... Там тебе и жучки, червячки, и травка старенькая. А здесь? Тьфу! Поесть нечего. И все из-за этой глупой Ехидны, куси меня мышь в бок. Я крот Коловорот.

— Не расстраивайся, Криворот. Пошли с нами царей выслеживать! — ничему больше не удивляясь, предложил Задира Первый.

— Во-первых, я — крот Коловорот, куси тебя мышь в бок. Во-вторых, чего их выслеживать? Топай по горячим следам да слушай, — проворчал крот. — Эй, задиристый? Слышишь, кипит!

— Что кипит? — не понял Задира.

— Что надо, то и кипит, — пропыхтел крот. — Пошли, покажу и вам тоже.

Теплая дорога привела приятелей к огромному гроту. Грот был такой высокий, что, казалось, упирался в вершину горы. По углам тлели раскаленные каменные угли, отбрасывая на стены колеблющиеся от жары тени. В центре помещения стояла большая и, видимо, глубокая чаша, из которой вырывались языки пламени. Возле чаши величественно прохаживались цари. Яркие отблески хорошо высвечивали их мужественные фигуры. Глаза Карбоникума Четвертого, как два огромных раскаленных угля, внимательно следили за алой чашей.

Отблески пламени окрашивали стройного и высокого Алюма Силициума в разные цвета, скользили и переливались в складках тончайшей стеклянной накидки. В некоторых местах накидка была расплавлена и висела длинными прозрачными сосульками.

Цари были так заняты делом, что, казалось, не обратили никакого внимания на пришельцев. Помощники, юркие железные человечки, узкими совками подхватывали куски железной руды и опускали в чашу. Туда же из раскаленных круглых куч высыпали кокс — обожженный каменный уголь, а еще крупный песок и желтоватые комочки известняка.

— Что они делают? — спросил Женька у Спицыной.

— Варят железо! — поспешно пропыхтел крот.

— А песок зачем и эти комки? — хмыкнул Задира.

— Для того, — пояснила Клубчиха Знаниядающая, — чтобы железо отделить от всяких примесей. Песок с известняком даст шлак и всю пустую породу унесет с собой. Шлак в чаше, как

сливки на молоке, сверху. Железо — снизу!

— Внимание, — пропыхтел крот. Огромная раскаленная чаша вдруг заклокотала. Над ней заклубился бурый газ, запахло горелым металлом. Чаша наклонилась и выплеснула сначала одну, потом вторую огненную змею. Шипя и извиваясь, змеи поползли в разные стороны.

От неожиданности Лазка-Семизубка охнула. Из клубка выпала стальная спица. Еще мгновение — и спицу слизнула самая быстрая железная змея. Огненная змея ползла прямо на Лазку. Вторая змея, поменьше, раскаленная шлаковая, подбиралась к Задире Первому. Женька подскочил к Семизубке, выхватил ее вместе с клубком прямо из-под брюха железной огненной змеи. Задиру Первого он успел оттолкнуть в сторону.

— Ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш, — прошипела змея, слизывая

— Лазкины следы. — Ш-ш-ш, — шипела змея, проползая мимо..

— Чего толкаешься? — возмутился Задира. — А без спицы чего будем делать?

— Надо уходить, и как можно быстрее. Цари разгоряченные. Попадем под горячую руку, беды бы не было, — тихо вымолвила Клубчиха. — Только теперь какая я Спицына без спицы?

— Пропали! — заплакала Лазка-Семизубка, как только все оказались в широком проеме.

— Ерунда! — махнул лапой крот, — Главное — я не пропал. Куда желаете?

— Надо Неуступиху найти! — сказал Задира.

— Эту взбалмошную девчонку? — уточнил крот.

— Да, с тремя разноцветными косичками.

— Три у ней или четыре косицы, я не считал, не знаю. Но думаю, она пошла поболтать к Каолине.

— Поспорить! Жива, значит, Неуступиха! — захихикал Задира. — Давненько мы с ней не виделись. Пошли, Криворотик, а потом к речке Водянице.

— Во-первых, я — крот Коловорот, куси тебя мышь в бок. Во-вторых, я не знаю, где течет ваша Водяница.

— **А** говоришь, не пропали! — свредничал Задира Первый.

— Если там, где живет Ехидна, не пойду! — решительно заявил Коловорот.

— Может, и живет, только мы ее не видели, — вмешался в разговор Женька. — А ты, Коловорот, не упрямься, лучше послушай землю. Услышишь, речка все время течет и шепчет.

— Сейчас по земным пластам пошарю, пробурчал крот, — определю направление просачивания водицы.

— А если старой дорогой идти? — предложила Лазка-

Семизубка.

— Старой дорогой пусть сама Ехидна путается!

— Все Ехидна да Ехидна! Не знаем мы такую!

— И знать не хотим! — выкрикнул Задира Первый, — Мы встретили только Наблюдателя.

— Кто меня зовет? — послышался из отдаленной шахты знакомый ржавый голос.

— Никак голос ржавчина с обручами подает? — удивился Задира.

— Какая ржавчина? С какими обручами? — спросил крот.

— С медными-премедными, зелеными-презелеными.

— Я не знаю никакого ржавого, медно-зеленого! Это кричит глупая Ехидна. Я ее так для себя прозвал, куги меня мышь. Из-за нее я и провалился глубоко под землю. Слышать не хочу вреда ходячего! Наблюдатель-прихлебатель! — И крот повернул совсем в другую сторону.

Глава IV. В ГОСТЯХ У КАОЛИНЫ

За десятым или двадцатым поворотом шахты возник огромный дворец из полупрозрачного матового фарфора. Окна и балконы во дворце были зашторены тончайшими стеклянными кружевами. Перед дворцом на широком дворе были расставлены на высоких подставках образцы посуды, изготовляемые в фарфоровом королевстве: изящные чайные сервизы, кофейные чашечки, наборы тарелок, салатницы, расписанные цветными узорами, золотом. Особенно поразили Женьку фарфоровые статуэтки придворных дам, принцев, фигурки породистых собак, лошадей, оленей и других животных. И среди этого фарфорового богатства, помахивая длинной кисточкой и делая вид, что это все ее рук дело, прохаживалась Неуступиха.

— Вот ты где! — обрадовался и удивился Задира Первый.

— Пришел за косички дергать? — вызывающе спросила Неуступиха. — На, дерни!

— Ну и дерну!

— Вот и не дернешь! Слабо? Мало попало, еще попадет!

— Дерну!

— Храбрости не хватит! — протянула Неуступиха.

— А вот и хватит! — и не думая о последствии, Задира Первый схватил Неуступиху за светлую косицу. В руке у него остался белый бант. — Вот тебе! А как же теперь быть? — растерялся Задира, глядя на бантик.

— Дозадирался! — в сердцах сказал Женька. —

— А еще мужчина! — От злости Женька не находил нужных слов. — Сам поедешь искать!

— Ну и поеду!

— А на чем?

— На лодочке-самоходочке. Соберем и поеду! — сердито выкрикивал очень расстроенный Задира Первый. Остальные молчали. А что было сказать? Жалко Неуступиху, но и она тоже хороша.

— Собрать-то, может, и соберем, только пассажиров стало больше.

— Сделаем еще одну — фарфоровую, — перед путниками возникла фигура сестры царей — прекрасная Каолина. Тонкое фарфоровое личико царевны было обрамлено стеклянными кудряшками. Голубые глаза словно незабудки. А вокруг глаз — ресницы длинные, острые, будто частокол из стекла. По нежным щекам разливался румянец. Каолина ласково улыбалась. Кружевное шелестящее платье, причудливо сплетенное из стеклянного волокна, красиво облегало стройную фигуру. Полупрозрачные бледные руки Каолины двигались легко и изящно.

— Надо вам помочь найти Неуступиху! — продолжала Каолина. — Она неплохая девочка, работящая, только нервная, вспыльчивая. — Царевна хлопнула в ладоши, появились подмастерья — бойкие глиняные человечки в расписных фартуках и в плоских беретах с широкими козырьками. Подмастерья принесли мягкую белую глину, прозрачный, как стекло, мелкий песок, стали готовить смесь, все время что-то подсыпая и пришептывая. Колдовали они недолго. Ловкие руки раскатали белую кашу большими скалками, сделали лодочку. Стенки лодочки чем-то пересыпали.

В конце большого зала дворца стояла невиданной красоты удивительная печь. Наружные стенки этой печи были выложены цветной узорчатой керамикой, украшенной венками из фарфоровых цветов.

Открыв широкую задвижку, подмастерья поставили в печь сырую лодку.

— Присядьте, дорогие гости, чего вы стоите? — молвила царевна-умелица. — Лодка скоро прокалится, подроется глазурью, заблестит. Только, — вздохнула Каолина, — она не сможет вам долго служить. Братья запретили вывозить готовую продукцию за территорию царства.

— Почему? — удивился Женька.

— Потому, что братья не любят гостей. Бывают такие, что похищают тайны и секреты.

— Какие еще секреты? — возмутился Задира Первый. — Если знаешь, расскажи другому.

— Узнали же люди тайну производства фарфора? —

продолжала Каолина. — Тайну изготовления лучших марок сталей?

— Ну и хорошо, что узнали, — возник Жуков. — А для чего тайнам быть тайными? Для людей все и делается!

— Все это так, — продолжала Каолина, — не подумайте плохо о моих братьях. Братья хорошие, трудолюбивые, лодырей терпеть не могут. Пуще всего они берегут земные богатства. Но вот горячи! — говоря так, Каолина к чему-то прислушивалась. — Лодка готова, прокалилась, остыла, — продолжала царевна, — братцы работу закончили. — С этими словами она нажала на красную розу, нарисованную на огромном блюде, которое было прикреплено к стене. Блюдо подалось назад, обнаружив проход.

Каолина протянула Женьке тонкий лист, исписанный формулами:

— Здесь рецепт приготовления костяного фарфора и хрусталя. Как пропуск, на всякий случай. Рецепты эти давно известны за пределами царства Теней. До свидания

Поблагодарив Каолину и взяв тонкую легкую лодку, путешественники отправились в путь. И довольно- таки быстро оказались у того места, где текла знакомая сестрица-Водяница — Мутная речка.

Глава V. СНОВА В ПУТЬ

Короткий толстый железный столб с медными обручами как ни в чем не бывало стоял, прислонившись к скале.

— В фарфоровую лодку смогут сесть только двое, и то маленьких, — сказал Женька. — Надо собирать старую.

— Попробуем, — вздохнула Клубчиха, — есть в запасе волшебная булавочка. Только она маленькая и силы в ней мало.

Женька вытащил из карманов раковины, стал складывать из них лодку. Задира Первый сунул руку под просмоленные доски, надеясь найти те, что спрятал. Раковин не было.

— Я, кажется, — прошептал Задира, — потерял...

Толстый столбик, противно хмыкнув, придвинулся поближе.

— Ваши визы на выезд! — вредно и ржаво проскрипел он позеленевшими обручами.

— Да иди ты в чистку! — вспылил Задира Первый.

— На выезд, на выезд! А кто, скажи, выезжает?!

— Это ты — Ехидна? — спросил крот Коловорот.

— Я. Только я не Ехидна. Я — Наблюдатель.

— Наблюдатель-прихлебатель-надзиратель. Я же говорил, что это голос Ехидны глупой, — указал крот лапой в сторону ржавого столбика.

— И чего по царству шатаешься? — опять вспылил Задира.

— Надо. Повторяю: я — Наблюдатель. У меня задание от

Въеды.

— От Въеды, от Въеды! Второй раз о нем слышим. Кто он такой, твой Въеда?

— Он везде. Он во все дела вникает, въедается. На то он и Въеда.

— Тьфу ты! А не твоих ли рук дело — раковины? Небось пуговицы хотел делать?

— Может быть, — уклончиво проскрипел столбик.

— Эх, была бы моя воля! — Задира не находил слов.

— Задирчик, — мягко промолвила Лазка-Семизубка, — успокойся.

— Отстань, чего с него взять! — посоветовал крот. — Ехидна, да к тому еще и глупая. Наблюдатель-соискатель.

Под столбиком действительно валялись раздавленные на мелкие кусочки перламутровые раковины.

— Дела... — протянула Клубчиха, — такого варианта не предполагалось. Раковин не хватает! Спицы волшебной нет! Неуступиха неизвестно где! Что делать будем, друзья?

— Действовать! — решительно заявил Женя Жуков.

— Действовать! — поддержал его крот Коловорот. — Я могу разыскать дорогу в ваше светлое царство. Пусть я и слеп, потому что всю жизнь под землей живу. Но через толстую кожу, которая там, где у вас глаза, я свет от тьмы отличить могу. — С этими словами Коловорот, как буравчик, ушел в землю.

— А куда заковылял этот столбик? — спросил вдруг Задира Первый. — Небось к Въеде отправился?!

— Да ну его, — отмахнулся Женька, — ржавая толстая палка. На мелкие пакости только и способен. — И Женька снова принялся складывать раковины. Из земли вылез крот и молча сел в сторонке.

— Чего, Коловоротик, молчишь? Не нашел, значит, дороги?

— Поиск требует времени. Я боялся опоздать. Вдруг без меня уедете. Хоть я и земляной житель, но мне с вами хорошо. Да и вам без меня как?

— Не пропадем! — похлопал Задира крота по меховой спинке. — Ты нас только держись! Мы — дружные!

Из боковой пещеры дохнуло теплом. Еще мгновение и, широко расставляя тяжелые ноги, показался царь железа Феррум Третий. Поодаль от царя, поскрипывая медными обручами, семенил железный столбик.

— Вот они! — ржаво проскрипел столб.

— Опять проделки Ехидны, — заворчал крот, зарываясь в землю.

Царь Феррум Третий наклонился над испуганными друзьями.

От царя пахло теплым железом и почему-то горячим ржаным хлебом.

— Эти крохи? — расхохотался царь так, что загремело в горах. В пещерах и коридорах поползла глина, посыпался со стен песок.

— Ну и Наблюдатель! Как ты говоришь? Служишь у Въеды? — молвил царь. — Совсем голова проржавела. Красного от черного не отличишь! Ну какие это вредители, вымогатели, расхитители? Это — дети. Пусть себе лазают по царству, мир познают. Я их уже видел. Все дети — везделазки, любознательный народец.

Железный царь двумя пальцами потрепал Задиру Первого за рыжий развевающийся хохолок, погладил по шерстке Лазку-Семизубку и Женьку по плечу, подмигнул. — А тебя, Наблюдатель, — обратился царь к толстому ржавому столбу с позеленевшими медными обручами, — на металлолом, на переплавку. Счастливого лазания, дети! — широко расставляя ноги, Феррум Третий скрылся под сводами шахты.

— А царь совсем и не злой, — махнула хвостом Лазка-Семизубка.

— Даже, наоборот, справедливый, — пропыхтел Задира Первый, поглаживая рукой растрепанную прическу. — Что это с ним случилось?

— Остыл, — молвила Клубчиха, — да и моя волшебная спица его благородными металлами облагородила.

— Но какой ценой? — снова завздыхала Лазка. — Я во всем виновата. Огненных змей испугалась. Лучше бы я погибла, чем ваша чудесная спица.

— Ты не виновата, милая Лазка. Было очень даже страшно. Это же был раскаленный металл. Жаль, конечно, спицу. Но что поделаешь. Зато ты цела.

— Не печалься, Клубчиха, — сказал Женька. — У моей бабушки много разных спиц. Я попрошу для тебя какую захочешь. Но как сейчас нам быть?

— А я на что? — возник из земли крот Коловорот, поднимая вверх широкие натруженные лапы.

— Вот волшебная булавочка! — Клубчиха подала Лазке-Семизубке крошечную иголочку с круглой петелькой на конце.

— Дай мне! — заявил Задира Первый. — Я-то уж булавочку не уроню.

— Не возражаю, — поджала лапки Лазка-Семизубка. — Мне хватит и клубка, тем более что клубок стал намного меньше, чем был. Его надо крепко держать.

— Почему меньше? — удивился крот Коловорот. — Вы что,

его разматываете, дорогу замечаете, как в сказке? Мне кротиха рассказывала.

— Я — Знаниядающая, поэтому и уменьшаюсь, отдавая себя, — вздохнула с облегчением Клубчиха Спицына. — Знали бы вы раньше об этом, наверно, не согласились идти со мной? А мне так хотелось рассказать о земле, показать ее богатства. А сейчас, Задирчик, возьми булавочку и коснись ею раковин.

— Спасибо тебе, Клубчиха, — засмущался Задира Первый. — Я не знал. Надо тебя поменьше спрашивать. — Задира поднес к раковинам булавочку. Раковины стали медленно, как бы нехотя, собираться вместе и расти. Только с одного бока у лодки получился большой рваный край.

— Ура! — закричал Женька. — Качать Клубчиху Булавочкину!

— Тихо, тихо, — остановила их Лазка-Семизубка. — Не размотайте клубка!

— Ну, я пошел, — заявил крот, собираясь ввинтиться в землю.

— А с нами не хочешь? — спросил Женька.

— Хочу. Но у вас теперь есть лодка. И я вам теперь не нужен.

— Нет, нужен! — Задира Первый ухватился за широкую кривую лапу. — Мне с тобой, кротик, интересно. Ты хороший друг. Поедем?

— И мы тебя любим, — мягко вымолвила Лазка-Семизубка.

— Вот как славненько! — засмеялся крот, перевернулся через голову, весело хрюкнув носом, похожим на крошечное свиное рыльце. Все живо уселись в перламутровую лодку, а крот в привязанную — фарфоровую.

— Тише едешь — дальше будешь! — выкрикнул Женька. — Если друг тебя поймет, лодка дальше поплывет!

— Поплывет! — подхватил Задира Первый.

— Поплывет! — подхватили все остальные: и крот

— Коловорот, и Лазка-Семизубка, и Клубчиха Спицына, теперь — Булавочкина.

Если друг тебя поймет, не стоим на месте,
Лодка дальше поплывет, лодка дальше поплывет,
Если все мы вместе!
Дружбой честной мы горды, делу нашему верны!
Потому что это
От несчастья нас спасет и, конечно, приведет
В царство Солнца, Света!

Речка сестрица-Водяница — Мутная, а затем — Светлая, подхватила песенку и понесла друзей в сторону третьего царства, куда путь лежал через провинцию царя Алюма Силициума.

Глава VI. СТЕКЛЯННОЕ КНЯЖЕСТВО АЛЮМА СИЛИЦИУМА

Задира Первый сидел на носу лодки, высоко держа в правой руке булавочку. В полумраке булавочка горела подобно крошечной свечке: не ярко, без искр. Чем дальше плыла лодка, тем делалось все интереснее. На стенах подземного, хотя и корявого, тоннеля холодным свечением мерцали камни. Они на мгновение вспыхивали, будто звезды, и гасли.

Неожиданно лодку качнуло и стало заносить в сторону. В лодке появилась вода.

— Тише едешь — дальше будешь! — выкрикивал Женька, по лодку продолжало нести в сторону.

— Раковины разваливаются! — закричал Задира и первым выпрыгнул на узкую кромку суши под нависшим пластом серой глины. За ним последовали остальные.

Жуков стоял по пояс в воде, подтягивал фарфоровую лодочку с кротом, который, не догадываясь о случившемся, сидел сложа на животе лапы. Ему никогда в жизни не приходилось быть без дела, тем более кататься на лодке. Последнее занятие ему очень понравилось. Он мечтал о том времени, когда вернется домой и в долгие зимние вечера будет рассказывать кротятам о своих необыкновенных приключениях.

— Вот не везет! — громко молвила Лазка-Семизубка.

— У булавочки нет той силы, как у спицы! — вздохнула Клубчиха. — Теперь вся надежда на Коловорота.

— Что? — не понял крот, услышав свое имя. — Я задумался, извините.

— Приехали! Вылезай, кротик Коловоротик, — хмыкнул Задира Первый.

— Уже? — удивился крот, оставляя лодку. — Неужто так близко? Тсс, здесь кто-то есть чужой.

Огромная креветка выскочила из воды и прыгнула в фарфоровую лодку. От такого резкого обращения она раскололась и пошла ко дну. Креветка исчезла в глубине речки Водяницы.

— Вот и все. «За территорию царства Теней готовую продукцию не вывозить». И не вывезли! — горько пошутил Задира Первый. — А какая была фарфоринка? Какая работа? И откуда взялась эта прыгающая штука? Ты, Спицына, помолчи. Наводи экономию на нить. Жень, не знаешь?

— Это — креветка. Креветки водятся в подземных реках. Здесь и рыбы безглазые должны быть, — ответил Жуков. — Я как раз об этом читал в книжке по спелеологии, пещероведению то есть.

— Она что, тоже безглазая, слепая? — изумился Задира Первый, просушивая свою прическу. — И чего в лодку сунулась? Спросить бы. Да тю-тю! Нет.

— Ей глаза, как и мне, ни к чему! — хихикнул крот. Коловорот был еще в том же блаженном состоянии. — Вот вы таращитесь, таращитесь, а что видите?

— Я, кажется, вижу проход в скале, — вымолвила Лазка-Семизубка. — Не будь я скалолазка, если там не ступени!

Ступени оказались очень крутыми и вели в подземный тоннель. Дорога то резко брала вверх, то шла под уклон, маня боковыми коридорами. Но стоило только свернуть с центрального тоннеля, как кончик светящейся булавочки бледнел.

— Наша булавочка вроде компаса! — удивился Женька. — Задира, дай подержать!

— Нет уж! — вежливо, но твердо отказал Задира Первый. — Я главный ее носитель.

Крот Коловорот, шагая по тоннелю, то и дело останавливался, нюхал воздух, слушал. Иногда он отковыривал кусочек от стены, мял в лапе. Вот он опять прислушался, а Лазка-Семизубка отчего-то вдруг заволновалась.

— Плохи наши дела, — наконец пробубнил крот. — Что-то должно случиться в земле.

— Я тоже чувствую, хотя не знаю, как это объяснить, — прошептала Лазка. — Все во мне дрожит и трепещет. И мне так хочется бежать вон туда! — и она лапкой показала совсем в другую сторону, чем они шагали.

— И меня тянет туда! — удивился крот, касаясь Лазкиной лапки. — Бежим в ту сторону!

— Вот еще, время зря тратить, — заворчал Задира Первый, шагая туда, куда махнула лапкой Лазка-Семизубка.

Не успели путники отойти и несколько шагов от того места, где происходил разговор, как земля под ногами заколыхалась. Послышался далекий гул. Со стен посыпались сначала маленькие, потом крупные камни. Раздался треск, словно где-то лопались тысячи пластов.

Пробираясь по тоннелю, тут и там забитому камнями и песком, Задира Первый не переставая ворчал:

— Скоро ли будет Светлое царство?

— Стены посветлели, стало больше песка крупного и прозрачного, почти бесцветного.

— Это кварц, — сказала Клубчиха Знаниядающая. — Владения Алюма Силициума, его главная провинция.

Многочисленные коридоры и коридорчики тянулись в сторону большой пещеры. Неожиданно проход оборвался возле

спокойного озера, освещенного лампочками в виде крупных разноцветных кристаллов.

— Стеклянное княжество! — сказала Клубчиха Знаниядающая. — Вон и сам Алюм Силициум.

В глубине пещеры, что примыкала к озеру, было просторно. Прозрачные столбы горного хрусталя узкими ребристыми колоннами тянулись вверх, обрываясь резкими гранями. Удивительные наплывы на стенах и потолке переливались и играли всеми цветами радуги. Тонкие пластины оконного стекла были прислонены к стенам. Царь стоял у раскаленного докрасна куба, в котором плескалось жидкое горячее стекло.

— Хрустальный! Как есть хрустальный, царь-то! — всплеснула лапками Лазка-Семизубка, едва не уронив клубочек с необыкновенными нитями.

— Смотрите, — молвила Клубчиха.

Огромная огненная капля висела на трубке, в которую дул светлейший. Еще мгновение и капля превратилась в продолговатый сосуд. Сосуд был сначала красноватым, потом стал бледнеть — остывать.

Дзинь! — зазвенело пронзительно и тонко. Разбитое оконное стекло посыпалось под ноги Задире Первому. Царь оглянулся.

— Извините, прошу прощения, — сказал Задира, -— мы тут вот пришли... Вы работаете... Я не хотел его бить.

— Конечно, — ответил Алюм, — нарочно никто не бьет.

— А что вы дальше будете делать с этой штукой? — кивнул Задира на сосуд.

— Гранить.

— Что? — не понял Задира Первый. — Хранить?

— Сначала гранить, — продолжал царь, — потом хранить, а там уж как получится. — Алюм Силициум подошел к станочку с острыми колесиками. Жжиг! — пробежало колесико резво по стеклу, жжиг, жжиг! Не успели друзья и рта закрыть, как перед ними, сверкая и переливаясь искрами, стояла хрустальная ваза.

— А у нас есть рецепт приготовления хрусталя! — похвастался Задира Первый. — Каолина подарила.

— Вы знакомы с моей сестрой? — оживился царь. — Значит, вы и мои гости. А раз гости, я обязан вас научить варить стекло. И пока не научитесь, не отпущу. Назовите вещество, без которого не сваришь стекла?

«Опять вопрос из кроссворда», — подумал Женька.

— Пять букв, начинается с «к»? — спросил Жуков.

— Да, пять букв, начинается с «к», — удивился царь.

«Кварц», — услышал Женька бабушкин голос. Женька оглянулся. Перед ним стоял царь песка, глины и известняка —

Алюм Силициум.

— Какое же это вещество? Я жду! — молвил царь.

— А почему вас так называют — Силициум? — неожиданно спросил Женька. — Промышленность силикатная тоже от вашего имени пошла?

— Силициум — это кремний. И промышленность от этого слова так называется. Кремний входит в состав песка и глины. И алюминий в глине есть. Так как же с вопросом? — не отступал царь. — Что нужно взять, чтобы сварить стекло?

— Песок, то есть кварц, — сказал Женька. — Из кварца-песка делают стеклянные кастрюли. Такие кастрюли можно ставить на огонь. Из кварцевого стекла можно делать специальные лампы для больниц — кварцевые, искусственное солнышко.

— Молодец! — похвалил царь. — Иди ко мне в помощники, не пожалеешь. Будем каждый день варить разные стекла. Остаешься?

— Я бы остался, — из вежливости ответил Женька, — да бабушка обижаться будет. Она хочет, чтобы я стал геологом, как дед. А вообще-то я больше о стекле ничего не знаю. Я только слышал, что из песка, глины, известняка делают черепицу, разную посуду, керамику, тарелки.

— А как сварить оконное стекло? — деловито спросил Задира Первый.

— Чтобы сварить оконное стекло, нужна еще сода.

— К сожалению, соду приходится выписывать из-за границы царства. В нашей земле ее нет. А для хрустального стекла нужно еще и тяжелое вещество — окисленный, проще, проржавелый свинец. Только он не рыжий, как железная ржавчина, а белый.

— А цветное умеете варить? — снова деловито спросил Задира.

— Цветное варить сложно и дорого, — улыбнулся Алюм Силициум. — Чтобы, например, сварить рубиновое стекло, надо в смесь добавить металл: «благородный, шесть букв, начинается с «з». Какой это металл?

— Золото, — выпалил Женька.

— А говоришь, что больше ничего не знаешь, — пожурил Женьку Алюм Силициум.

— Вот это да! — удивился Задира Первый, снова задевая и разбивая оконное стекло. — Ты, Женька, профессор. Извините за стекло. Да у вас его много.

— Вы нас простите, — сказала Лазка-Семизубка, — мы спешим. Нам еще надо в царство Света.

— О! — воскликнул владыка стеклянного княжества. — Прекрасное царство! Они используют нашу продукцию. У нас с

ними дружеские отношения. Не смею задерживать. Не хотите варить стекло, как хотите. Не неволю.

— А ты, крот, чего все время молчал? — спросил Задира Первый, когда друзья покинули владения Алюма Силициума.

— А что говорить? Ни черта не вижу. Того гляди, лапы о стекло обрежу. Мне это ни к чему! Без лап — пропадешь! А царь ничего про Ехидну не сказал.

— И чего тебе дался этот столбик? Давно не виделись? — засмеялся Женька. — Его Феррум Третий, видно, все-таки переплавил.

— Переплавил, — грустно ответил чей-то голос.

— Кто это? — спросил крот.

— Это я — Въеда, то есть бывший Въеда. Теперь я зовусь Главным Руководителем Экономии Материалов, сокращенно — ГРЭМ.

— Покажись! — сказал Задира Первый.

— Я не могу этого сделать. Я — всюду. Я — как воздух.

— С нами в царство Света пойдешь?

— Пошел бы. Там бы меня высветили. Я ведь неплохой работник.

— Ну тогда привет! — пропыхтел крот Коловорот. — Счастливо оставаться. Мы пошли, нам некогда, ГРЭМ-нем!

Глава VII. В ЦАРСТВЕ СВЕТА

Сверкающая дорожка, усыпанная кусочками слюды, манила к себе и звала. На стенах белого грота, причудливо изгибаясь, висели гирлянды пушистого нежного инея. Покатый пол стал выпрямляться, и перед изумленными путниками возникли украшенные наплывами льда полупрозрачные ворота. Ворота были облеплены снежными звездочками. Звездочки искрились от еле тлеющей булавочки. Но вот булавочка вспыхнула последний раз и погасла.

— Кончился запас волшебства, — вздохнула Клубчиха. — Нужно снова заряжать, а волшебные батареи остались у Шептун-озера. Видно, скоро конец нашему путешествию.

— Что за ворота? — спросил Задира Первый, прикалывая булавочку к отвороту куртки. — Уж не царство ли Света начинается? Светло стало!

— Царство Света, — прошептала Клубчиха. — Царство светлейшего величества царя Светослава Светославича. Наконец-то пришли.

Пройдя ворота, друзья обнаружили себя плавающими в белом молочном тумане. Сколько ни махала Лазка-Семизубка хвостом, туман не рассеивался.

— Держитесь друг за друга! — строго приказал Женька. — Не

хватало еще кого потерять!

— Надо идти на восток. Там солнце встает. Значит, там и центр царства Света, — Лазка-Семизубка прижала к себе совсем крохотный клубочек с остатками волшебных нитей.

— Молчи, Клубчиха, умоляю тебя, — попросил Задира Первый. — Ты совсем исхудала, до солнца не дотянешь.

— Это не я сказала, а Лазка-Семизубка, — улыбнулась Клубчиха. — Спасибо за заботу, обо мне не печальтесь.

— Компас бы! — промолвил Женька. — А то ведь ни луны, ни солнца. В лесу по сучьям да пням можно определить, где юг, где север, запад и восток. А здесь? Сплошной туман!

— Я знаю, куда идти! — услышали все вдруг такой высокий звонкий голос, что в ушах зазвенело.

— Ты кто? — спросил Задира Первый.

— Я — зайчонок, солнечный.

— А где ты?

— Где солнце! Сейчас оно спит, но я все равно есть.

— Ты хороший или плохой? — спросил крот.

— Я не знаю. Одна девочка говорила, что я хороший.

— С тремя косичками? — обрадовался Задира.

— С тремя разноцветными, — прозвенело в ушах.

— Это наша Неуступиха! Шумела?

— Наоборот! Хорошая девочка, не рева. Сейчас туманы у больших гейзеров расстилает.

— А почему в царстве Света нет света? — снова возник Задира.

— А мы живем по сезонам и суткам. Видите этот большой маятник? — Но маятника никто не видел, потому что был туман.

— Это, — продолжал солнечный зайчик, — маятник земли. Он качается и отсчитывает время. Каждые три деления — три месяца, это и есть сезон: осень, зима, весна, лето. Он же отмеряет и день и ночь. Сейчас в царстве Света, — вздохнул зайчик, — началась ночь.

— Все как у нас! — воскликнул удивленный Женька.

— А мы и есть вы! — прозвенел тоненький голосок.

— Ничего не понимаю! — сказал Задира Первый. — Где же мы?

— На земле. В царстве Света, но у нас ночь.

— Теперь все понятно.

— Идите за мной, за мной! — звенел, не умолкая, звонкий высокий голосочек невидимого солнечного зайчика.

Хорошо укатанная дорога шла все вверх и вверх. Становилось все светлее и светлее. Туман стал рассеиваться, горы неожиданно раздвинулись, открыв узкую долину между каменистыми

скалами. Из огромных в земле щелей тут и там выползали большие и маленькие дымки. Кругом грохотали горячие гейзеры.

— Это — каньоны, — пояснила Клубчиха Знаниядающая. — А гейзеры — источники с горячей водой.

— Откуда взялась горячая вода? — полюбопытствовал Задира.

— Долгий разговор, — вздохнула Клубчиха. — Поясню коротко. Внутри глубоко наша земля огненно-жидкая. Там — магма. Магма поднимается из земли, но не всегда выливается. Она и нагревает подземные воды. Существует целая наука — геология, наука о земле, — Клубчиха замолчала.

— А вот и пропажа! — крикнула Лазка-Семизубка.

Возле бурной горячей реки на круглом камушке сидела печальная Неуступиха.

— Мальчики, Лазка, Спицына! — обрадованно закричала Неуступиха. — Нашли меня? Ура!

— А, это ты? — хихикал довольный Задира Первый.

— Солнечный зайчик сказал мне, что вы в царстве Света. Я все туманы разослала, а вас все нет и нет!

— Ай да Неуступиха! — прыгал возле нее Задира. — Убери свои косички, так и хочется подергать!

— Потом, Задирчик! А сейчас, пожалуйста, прошу, не надо!

— Разрешите представиться: крот Коловорот, — крот протянул Неуступихе свою короткую, но сильную лапу.

— Знакомься: кротик — широкий ротик! — веселился Задира Первый. — Наш обожаемый всеми друг.

— Во-первых, я — крот Коловорот, куси тебя мышь в бок. Во-вторых, ваш приятель недовоспитан.

— Водится за ним такое, — вздохнула Неуступиха, — что с него взять? За-ди-ра!

— Вот и славно! Вот и собрались! — звенело в вышине.

— Нашлись! Собрались! — закричал опять Задира Первый, два раза перевернувшись через голову, окончательно смяв свои рыжие кудряшки.

— Надо спешить! — звенело в ушах. — Смотрите, небо голубеет!

— Как хорошо, что мы живем на земле! — засмеялся Женька.

— И в земле, — добавил крот.

По узкой тропке, бегущей в гору, приятели вышли на зеленое поле. Вдали синело море. Белые барашковые волны бежали и бежали к берегу, никак не решаясь обогнать друг друга. Розовое небо наливалось краской. Из воды показался край румяного солнца. А вот и оно!

Вокруг друзей запрыгал сверкающий солнечный зайчик. Он

перебегал от Задиры Первого к Неуступихе. От Неуступихи к Жене. От Женьки к кроту, гладил меховую шерстку Лазки-Семизубки, совсем крошечный клубочек. Солнечный зайчик со всеми знакомился.

— Солнце взошло! — крикнул Женька.

— Это и есть царь Светлого царства Светослав Светославич? — спросил Задира Первый.

— Он самый! — смеясь и прыгая, звенел солнечный зайчик. — Царь Света — СОЛНЦЕ!

— С добрым утром! — добродушно улыбнулся Светослав Светославич. Он был воистину величеством: огромный, румяный, в золотой, сверкающей бисером косоворотке.

— В гости пожаловали? — улыбнулся Светлейший.

— Пришли, — робко кивнул Задира Первый.

Царь захлопал в широкие горячие ладони. Отовсюду сбежались тысячи солнечных зайчиков. Они запрыгали по голубой воде, по барашковым волнам, закувыркались в сочной зеленой траве.

— Приглашайте в гости, — обратился царь Света к солнечным зайчикам. Светослав Светославич поднялся во весь рост над морем. Могучими золотыми сверкающими руками раздвинул прозрачные шторы. И друзья увидели дворец. Огромный, голубой, занимавший полнеба. Но особенно красивыми были, под стать хозяину, ворота дворца.

Солнечные зайчики раскатали сверкающую дорожку. Миллиарды бусинок-росинок заискрились в ярком свете.

— Не стесняйтесь! Смелее, — подбодрил друзей знакомый звонкий голосок. Светослав Светославич распахнул пылающие створы солнечного дворца.

— Батюшка-царь! — выскочили из ворот два пухлых румяных пончика. — Стоило вам на минутку отлучиться, как пирог с яблоками перестал в духовке подниматься!

— У меня гости! — величественно молвил царь. — Скажите Зорине Лазоревне, чтобы приказала принести солнечных консервов.

— Угля или торфа? — наперебой затараторили румяные пончики.

— На ее усмотрение. Пойдемте, дорогие гости, я покажу вам мою солнечную обсерваторию.

— Ваше величество, — не выдержав, удивленно спросил Женька, — а почему топливо **бы** называете консервами?

— А как же? — в свою очередь удивился царь. — Много миллионов лет назад на земле тоже росли деревья, огромные, прекрасные. Были кусты и травы. Потом эти деревья

превратились в каменный уголь. Кусты и травы в торф. А росли за счет тепла моего батюшки Светослава Светославича. Теперь эти древние растения отдают накопленное тепло при сгорании назад. Вот потому я и называю уголь и торф солнечными консервами.

На вершине горы, куда вслед за царем пришли путешественники, стояла большая солнечная бутыль с обыкновенной широкой воронкой. Как только царь наклонился над воронкой, солнечные лучи потекли по зеркальным стенкам внутрь сосуда. На бутыли было написано: «Солнечная энергия».

Прочитав по слогам название, Задира Первый спросил:

— А что вы будете делать с этой энергией?

Светослав Светославич указал пальцем-лучом на длинные прозрачные полки. На полках стояли странные сосуды с широкими пробками, похожими на крупные прозрачные кристаллы.

— Здесь солнечная энергия будет переделываться в энергию, которая потечет по металлическим проводам.

— В электрическую? В электричество? — выпалил Женька.

— В оно самое, — кивнул царь.

— В долине гейзеров, — заявила все время молчавшая Неуступиха, — земная тепловая энергия тоже переделывается в проволочную. Эта проволока ух и страшная! — добавила Неуступиха. — Я видела, как она искрит. Как молния!

— С моей солнечной энергией тоже надо осторожно обращаться. Радиация большая. Вот смотрите! — Царь направил красный длинный луч на круглое выпуклое стекло. Под стекло положил кусок белой березовой коры. Кора вдруг стала темнеть, обугливаться, потом вспыхнула, загорелась. Царь затем взял фиолетовый луч и провел по бледному листу клена. Лист стал зеленеть и вянуть.

— СЭХ! — повелительно воскликнул царь Света. — Прошу, займи гостей, я на солнечные батареи пойду взгляну.

— Я здесь, ваше великое величество.

— Опять ты за свое! — вздохнул Светослав Светославич. — Великое... великое...

Из-за солнечной бутыли выскочил СЭХ, тонкий, как ивовый прутик.

— Везде все контачит, — сказал СЭХ, низко кланяясь, касаясь пола высохшей загорелой рукой.

— СЭХ? СЭХ! По голосу узнаю Въеду-ГРЭМА, приятеля Ехидны, — хмыкнул крот Коловорот. Пролез все-таки в Светлое царство!

— Просочился, — тихонько фыркнул СЭХ. — Ценят! Меня высветили. Сам удивляюсь своему просветлению. Но у меня нет

приятелей. Я сам по себе. Я — СЭХ, Солнечной Энергии Хранитель.

— Все в порядке, Светлейший? — снова стал кланяться СЭХ, когда царь вернулся.

— А какие лучи еще у вас есть? — заверещала Неуступиха.

— Есть и другие, — с достоинством кивнул и заулыбался Светлый так, что стало невыносимо жарко.

— Мой световой луч состоит из семи цветов. Чтобы лучше запомнить, люди придумали такие слова: Каждый Охотник Желает Знать, Где Сидит Фазан. По первым буквам можно запомнить цвета и порядок их построения, красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый. Во время дождя, через дождинки, мои невидимый световой луч расщепляется, и вы видите радугу.

— Ну и печет! — снова пропыхтел крот Коловорот. — Что мне радуга, когда не вижу.

— Тепло, очень тепло, — обмахивалась хвостом Лазка-Семизубка.

— Жарища настоящая, — поддакнула Неуступиха.

— А что у вас еще интересного? — снова задал вопрос Задира Первый.

— Что еще интересного? Много чего интересного. Сразу всего не покажешь и не расскажешь.

— Батюшка-царь! Пироги поспели! — затараторили **в** два голоса прибежавшие перезарумянившиеся пончики. — Пора из духовки вынимать?!

В печи тлели алыми язычками раскаленные угли.

— Тепло моего батюшки, — сказал Светослав Светославич, усаживаясь в широкое, круглое, обшитое голубым бархатом кресло. Солнечный царь распростер над землей длинные горячие руки.

— Как хорошо, — молвил Солнечный, — чувствовать, как уходит на землю твое тепло, как испаряется там вода, как все растет и радуется.

Горячие огненные лучи потоками стекали с массивной фигуры румяного царя и устремлялись к земле.

— Пойдемте, — тихо молвила Лазка-Семизубка.

— Не будем мешать царю Света работать, — добавила Клубчиха Знаниядающая.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

— Вот и все. Пора прощаться, — сказала Клубчиха, когда друзья вышли из ворот солнечного дворца. — У меня на исходе последний кусочек нити. Но я счастлива, что, потеряв себя, обогатила вас, как могла, знаниями. Я вернусь еще к вам, но в

другой сказке. — С этими словами Клубчиха Спицына исчезла.

— Простите, — мягко молвила Лазка-Семизубка друзьям. — В этих скалах мне будет очень удобно лазать. Всегда наступает время, когда надо расставаться. Я могу вернуться, если вам понадобится моя помощь. Спасибо за компанию! До свидания! — махнув на прощание меховым хвостом, Лазка исчезла в расщелине скалы.

— И я, пожалуй, пойду. Дом-то мой вот — земля. Жучки, червячки по мне соскучились. Да и кротиха, верно, нервничает: куда это я подевался? До встречи! Ведь я иногда выхожу на солнышко греться! Чуть чего, свистните. Услышу! — с этими словами крот мгновенно ввинтился в землю. Не случайно же его звали Коловоротом.

— А мы, — заявила Неуступиха, — сейчас с Задирчиком отправимся к себе на родину — к Шептун-озеру. Нас там дожидается Жабка-Лапка и мышки-летучки. Женя, пошли с нами, только...

— Спасибо! Я через горы, по земле потопаю, — степенно ответил Женя Жуков.

— Я рад домой вернуться! — свистнул Задира Первый. — В гостях хорошо, а дома лучше. Но как? Опять через царства? Воспитывать не будешь?

— Дурачок, — хихикнула Неуступиха. — Про косички забыл?

— Не забыл.

— Тогда дергай меня сразу за все три и не отпускай! Мы мгновенно окажемся дома. Но тебя я буду все равно воспитывать! Но-но! Погоди! - остановила Неуступиха быстрого на косички Задиру Первого. Надо с Женей проститься.

Задира, ухватившись сразу за все три Неуступихины косички, дернул их так, что Неуступиха не успела и рукой махнуть.

— Вот и умчались друзья. Нет Неуступихи, нет Задиры Первого. Будут еще Задиры Вторые, Третьи, но Первый исчез.

— Я к тебе в гости завтра приду! — сверкнул солнечный зайчик золотым лучиком и ускакал к морю. Навстречу к Женьке летела знакомая муха-Золотуха:

— Ж-жу-ков! Ж-же-ня! За-дер-ж-жи-ва-е-тесь! Бабушка ж-жу-ри-ть будет! Ж-жу-рить!

— Баб, я здесь! — крикнул Женька, обходя сбоку горы.

— Ну как? — спросила бабушка, как-то странно поглядывая на Женьку.

— Ничего, — засмеялся Женька. — И где я только, баб, не побывал!

— Вижу, вижу! Весь в красных пятнах.

— Это от жары! — пояснил Женька. — Жарко было, пекло.

— Полноте, какая там жара! — дотронулась до Женькиного лба бабушка. — Температуры у тебя нет. Просто ветрянка такая яркая. Раз высыпало на кожу, скоро поправишься.

Бабушка вышла из комнаты. Женька взглянул на картину, висевшую на стене. На ней были нарисованы высокие лесистые горы, отвесные скалы. Вдали виднелась синяя полоска моря. А над ним — огромное пылающее солнце. На переднем плане, среди камней — расщелина, поросшая мхом и кустарником.

— Спал я или придумал все? — удивился Женька.

— Ж-жу-ков! Леж-жа-ть! Леж-ж-жать! — зажужжало вдруг. Крошечная красивая мушка с золотистым оттенком летала по комнате и жужжала, жужжала.

— Вот ты какая, Золотуха! — улыбнулся Женька, отвернувшись от картины к стене. — Удивительная эта наука спелеология, то есть пещероведение!

ИСТОРИЯ КАУЧУКОВОЙ КАПЕЛЬКИ

Алеша стоял в углу прихожей и от нечего делать рассматривал вещи: плащ, ботинки на толстой подошве, дедушкин портфель, мячик с синей полоской. Стоять в углу надоело. Алеша посмотрел на дверь, тихонько вышел из угла, взял мячик и вернулся на место.

«Раз бабушка наказала, — упрямо думал Алеша, — буду торчать в углу до победного. — Он стал нажимать на мяч двумя руками. Мячик был старый, один бок прогибался. Что там внутри? Заглянуть бы!»

Из комнаты вышел дедушка.

— Что, озорник, мучаешься? Думаешь?

— Думаю, — буркнул Алеша.

— Ну и что надумал?

— А из чего мячи делают?

— Мячи? — удивился дед и потер затылок. — Н-да, — сказал дед. И добавил: — Известно из чего, из резины.

— А из чего резина?

— Резина из каучука.

— А что такое каучук?

— Ладно, — махнул дед рукой. — Иди к бабушке, прощения проси... А потом я тебе расскажу и о каучуке, и о резине.

От Алешкиного упрямства не осталось и следа. Он мигом побежал на кухню, сказал заветные слова:

— Бабушка, прости. Я больше не буду разбирать телефон. — И, конечно, был прощен.

Дед сидел в комнате, в своем огромном кресле, поджидал внука. Перед ним на столе лежала большая толстая книга.

— Садись, проказник-везделазник, — сказал дед, — слушай.

Рассказ первый. РОДИНА ГЕВЕИ

Давно это было примерно пятьсот лет тому назад. Жил в Испании человек по имени Христофор Колумб. Четыре раза отправлялся храбрый мореплаватель в кругосветное путешествие. Испанским мореходам хотелось найти самый короткий путь в страну сказочных богатств — Индию.

Индия славилась красивым шелком, хлопковыми тканями, изделиями из кожи. В Индии можно было купить земляной орех — арахис, чай, рис. А также выгодно продать купцам свои товары. Привлекала эта страна к себе и «островами пряностей». Там росли: душистый перец, ароматная гвоздика, корица.

В конце лета 1492 года три парусных каравеллы — «Санта-Мария», «Пинта» и «Ниньа», так назывались корабли, на которых отправились моряки вместе с Колумбом, пересекли Атлантический океан — «Море мрака». Плыли испанцы более двух месяцев. Стоял октябрь, ярко светило солнце. На небе не было ни облачка. Попутный ветер надувал паруса и гнал каравеллы все дальше и дальше от берегов Испании.

Но однажды небо стало наполняться черными тучами, налетел и завыл ветер. Тяжелые валы обрушились на судна, гнули мачты. Борта кораблей низко наклонялись к воде. Казалось, нет спасения, и море вот-вот проглотит парусники. Но ураган неожиданно утих, буря улеглась. Паруса снова наполнились теплым попутным Петром, погнали каравеллы вперед.

— Земля! Вижу землю! — раздался на носу судна крик матроса. — Земля! — кричал впередсмотрящий.

Это был остров Сан-Сальвадор. Христофор Колумб И его спутники первыми из европейцев увидели его. Теперь это знают все, Колумб открыл новую часть света — Америку. Но сами моряки, как и Христофор Колумб, приняли остров за Индию, куда вели свои каравеллы.

Путешественники высадились на берег. Недалеко от воды росли высокие стройные пальмы. Глубины леса — джунгли — преградили путь сочной зеленью и гниющими стволами. Растения так густо переплелись, что трудно было найти, где начиналось одно и кончалось другое. Высокие деревья стояли как огромные колонны. Пятеро человек едва ли смогли обхватить такого великана.

Моряки углубились в заросли. Толстые стволы деревьев обвивали лианы. Они ползли от дерева к дереву, свисали гигантскими петлями, буквально опутывали весь лес. Их стволы-

стебли, похожие на новые и старые канаты, были свернуты жгутами, скручены наподобие штопора. Всюду летали огромные тропические бабочки и маленькие птички-колибри, величиной с наперсток. Издавая гортанные лающие звуки, бегали и прыгали вертлявые обезьянки. Птицы кричали хрипло и резко. Было много ядовитых растений, колючек, целые тучи кровожадных сосущих насекомых. Между корягами притаились ядовитые скорпионы и прожорливые крокодилы. В ужасе моряки поспешили назад, где ярко светило солнце и мягкие волны голубого океана вылизывали берег.

Рассказ второй. УДИВИТЕЛЬНЫЕ ШАРЫ

Во время своего второго путешествия к берегам Южной Америки Христофор Колумб и его спутники пристали к острову Гаити. Вступив на сушу, испанцы были удивлены сосредоточенной игрой островитян. На ровную площадку, в такт песне, немолодые индейцы бросали черный шар. Круглый странный предмет, ударяясь о землю, прыгал и скакал, будто живой. Индейцы ловили шар, бросали и снова ловили.

Никогда раньше испанцы не видели таких прыгающих комков. Они попросили показать удивительные шары. Черный шар, с запахом дыма, оказался довольно тяжелым и липким. Это был первый на земле мяч, И игра в мяч, прабабушка нашего баскетбола, у индейцев считалась священной игрой. Индейцы рассказал мореплавателям о красивом высоком стройном дереве с пышной кроной, что растет в глубинах джунглей.

— Позднее европейские ботаники, — продолжал рассказывать дедушка, — назвали это дерево гевеей бразильской.

Если на стволе гевеи сделать надрез, то появятся крупные капли сока, похожие на густые сливки. «Слезы дерева» — «као-чу» — называли их индейцы. Так и возникло название — каучук. Из него индейцы и делали мячи, коптя в дыму костра сочные круглые комки као-чу, чтобы не гнили.

Привезли путешественники эти скромные комочки — «слезы дерева» — к себе на родину, в Испанию. Побили ученые комки, даже на зуб попробовали. Но что из них сделаешь? Кому нужны эти прыгающие шарики, мягкие, липкие в тепле и жесткие, хрупкие на холоде? Разве сравнишь их с другими диковинами Нового Света, Как теперь называли Америку: с перцем, картофелем, помидорами? Думали недолго: сдали шарики в музей, Как заморскую диковину, где каучук и пролежал более двухсот лет.

Рассказ третий. НОВОЕ РОЖДЕНИЕ КАУЧУКА

Время шло. Снаряжались новые экспедиции. В XVIII веке французский географ Шарль Кондамин, путешествуя по Южной

Америке, попал в Бразилию. Работая с приборами, ученый защищал их от проливных тропических ливней непромокаемыми тканями, которые делал сам, пропитывая куски материи соком каучукового дерева. Это он перенял от индейцев. От них научился делать непромокаемую обувь, которую потом назвали «мокроступами». Это прообраз знакомых нам калош.

Вернувшись во Францию, Шарль Кондамин много рассказывал об удивительном соке тропического растения — о каучуке. Эластичную резину стали привозить в Европу, изучать. Например, химик Джозеф Пристли установил, что кусочком каучуковой резины можно стирать карандашные линии на бумаге. Так появился канцелярский предмет — стерка, которую теперь мы называем резинкой или ластиком. Торговцы резали каучук на куски и продавали. Любой человек мог купить такой кусок, нагреть, размягчить и вылепить из него что ему нужно: трубку, бутылку, мячик. Первая фабрика резины открылась в Вене в 1811 году. А уже через девять лет французы научились изготовлять подтяжки подвязки из хлопковых нитей, пропитанных резиной.

Шотландский химик по имени Макинтош в 1823 году установил, что каучук хорошо растворяется в бензине, образуя резиновый клей. Если им намазать лоскуток ткани, а на него положить другой, то получится сдвоенная ткань (правда, с неприятным запахом), из которой можно сшить непромокаемое пальто. В дождливой Англии такая одежда нашла большой спрос и была названа в честь ученого-химика — плащ-макинтош.

О химике Макинтоше писали лондонские газеты. О нем сочиняли стихи, пели песни. Слава его росла. Он стал национальным героем.

Но очень скоро покупатели разочаровались в макинтошах. В теплую погоду плащи делались липкими и издавали такой отвратительный запах, что их приходилось зарывать в землю. На холоде прорезиненная одежда твердела, как жесть. Макинтош опасался ходить по улице: горожане освистывали его, забрасывали гнилыми огурцами и тухлыми яйцами.

Каучук еще окончательно не познали, не научились применять и вскоре о нем снова надолго забыли.

Рассказ четвертый. ОТКРЫТИЕ РЕЗИНЫ

Однажды, это было в середине XIX века, один неудачный, но неутомимый искатель способа «излечить резину» от ее природных недугов американец Чарлз Гудийр нечаянно уронил на горячую плиту каучуковую пластину. Он этого не заметил, а когда увидел, ужасно испугался: каучук дорогой и не всегда его купишь. Он схватил резину, стал мять, чтобы убедиться, не сгорели ли? И тут Гудийр удивился: каучук не только не испортился, а, наоборот,

стал более эластичным и более упругим.

Но самое главное — он не прилипал к рукам, хотя и был горячим.

— Что же с ним стало? — размышлял Гудийр. — Почему он не прилипает к рукам? Ах, вот оно что! Я сильно посыпал холодную пластину серой, вот она и перестала быть липкой!

Гудийр поставил один за другим несколько опытов: нагревал каучук на костре, на камнях, на кирпиче, менял продолжительность нагрева, устанавливал дозу тепла. Соседи считали его славным, но безнадежно помешанным человеком. И только покачивали головами.

С тех пор люди стали в каучук добавлять серу и получать резину, которую называли сырой. А если сырую резину нагреть, она превращалась в знакомую нам настоящую резину. Дело в том, что при нагревании сера как бы сшивает молекулы каучука и от этого он остается мягким, но не липким в тепле и эластичным, но не хрупким на холоде.

— Все это теперь называется: ВУЛ-КА-НИ-ЗА-ЦИ-ЕЙ, неторопливо выговорил дед новое для Алешки слово.

Открытие помогло Чарлзу Гудийру сделать и настоящие калоши. Такими калошами пользуются и в наше время.

Вулканизация резины послужила толчком для развития электропромышленности, так как это прекрасный материал для изоляторов. Еще при жизни Гудийра в Соединенных Штатах Америки, в Англии, Франции, Германии выросли корпуса огромных фабрик, на которых работало более шестидесяти тысяч человек и изготовлялось пятьсот видов разных резиновых изделий. Фабрики давали доход в восемь миллионов долларов, но сам изобретатель умер в нужде, ничего не получив от этих доходов.

С тех пор для производства плащевых тканей в резиновый клей стали добавлять серу и получать клеевую смесь. Ткань, пропитанная этой смесью, становилась отличным материалом. Плащи, сшитые из него, не прилипали и не ломались.

Изобретатели придумали не только прорезиненные одежды и сапоги, но и надувные шины. В 1882 году такие шины сделал англичанин Джон Данлоп.

— Даже не верится, — улыбнулся дед, — что всего-то сто с небольшим лет назад не было автомобиля! А как только люди научились делать шины, появились настоящие велосипеды, машины, аэропланы.

К берегам Бразилии все чаще приставали корабли! из разных стран. Всем теперь нужен был каучук. Среди пришельцев появилось много купцов-авантюристов. Их интересовали

богатства Южной Америки. А богатств было немало. Здесь росло шоколадное дерево, стручки которого дают зерна какао. Здесь рос рис. Впервые из Америки были привезены в Европу клубни картофеля, правда, о нем знали и раньше, но распространен он широко не был. Везли зерна маиса — кукурузы, семена томатов-помидоров, корицу, пахучие стручки лиан — ваниль. Европа познакомилась с природным синим красителем — индиго, узнала вкус тростникового сахара. Но особый интерес у мореплавателей и купцов по-прежнему вызывал каучук.

Рассказ пятый. ПОХИЩЕНИЕ ГЕВЕИ

— Сто лет назад, — продолжал Алешкин дед, — Бразилия была единственной страной в мире, где росла каучуконосная гевея. Правительство Бразилии издало закон, запрещающий под страхом смерти вывозить семена или молодые деревца так нужного всем растения. Не раз пытались дельцы тайком вывезти из страны семена гевеи. Не один человек был повешен и расстрелян за такую дерзость. Но все-таки англичанин по имени Генри Уикхен сумел вывезти семена каучуконосной пальмы. Это произошло летом 1876 года.

Генри прожил в Бразилии много лет. Кем он только там не был! Даже добытчиком каучука — серингейро. Не раз страдал он от голода и тропической лихорадки. Однажды, больной и обессиленный, лежал он в шалаше И думал. Чтобы собрать один килограмм проклятого сока, приходится обходить в день не менее сорока деревьев. А это десять — пятнадцать километров жуткого пути. В джунглях от одних только кровососущих насекомых сборщики теряют больше крови, чем добывают каучукового сока. Одна тонна «слез дерева» стоит десяти человеческих жизней. Нет! Гевею нужно выращивать на плантациях! И англичанин решил, что если выживет, то вывезет семена гевеи.

— Если удастся, — размышлял он, — то можно и разбогатеть!

Целая индейская деревня, нанятая тайком Генри Уикхеном, собирала и упаковывала в плетеные бамбуковые корзины семена гевеи. Корзины тайно перенесли па английское судно. Таким образом, семь тысяч семян гевеи были доставлены с берегов реки Амазонки в Англию, в королевский ботанический сад города Кью.

Семена высеяли. Взошло всего две тысячи. Ростки с огромным трудом, с большими предосторожностями Пыли перевезены на остров Цейлон, климат которого подходил для гевеи.

Так, перешагнув океан, гевея оказалась в других странах. Ее стали выращивать на плантациях Цейлона, Малайи, Индонезии.

Рассказ шестой. ПРОДОЛЖЕНИЕ КАУЧУКОВОЙ ИСТОРИИ

Вечером Алеша сидел в кресле, рассматривая в толстой

дедушкиной книге картинки, думал: «И правда, красивое дерево. Высотой почти с наш дом. Чуть не десять метров. Вокруг дерева можно водить кругами целый класс».

На глобусе дед показал внуку тропические леса Амазонки, «легкие земли», где растут гевеи. На тысячу квадратных метров — семь-восемь штук. Не густо. В год одно дерево дает всего семь килограммов каучука. Что бы собрать полведра сока — латекса, похожего на сливки или на сгущенное молоко, надо поранить почти сто деревьев! А сок получишь только тогда, если надрезы пройдут через особые млечные каналы. Дед говорил, что сок этот дорогой. Если дорогой, почему добытчикам мало платят? Они порой даже голодают!

Перелистывая книгу, Алешка натолкнулся на интересную историю. Она начиналась так: «У каждой вещи есть своя биография. И у каучука есть своя биография — каучуковая история, история каучуковой капельки». До вечера читал Алешка и не заметил, как выскользнула из рук книжка и потянула его за собой...

Индеец Утита

Около хижины прыгает на одной ноге индеец Утита, обжигаясь, вертит другой ногой над пламенем костра.

— Ты чего? — спросил Гуанга, вынырнув из темноты. Утита загадочно блеснул черными чуть раскосыми глазами и прищелкнул языком. Приятель Гуанга непонимающе моргал глазами и смотрел, как Утита не *спе*ша намазывал на голую ногу густеющий сок плаксивого дерева гевеи. И снова, обжигаясь, сушил ее над огнем

Сок быстро высыхал, а нога индейца делалась золотисто-блестящей, лакированной.

— Видал? — причмокнул языком индеец. — Хочешь, такую сделаю?

— Давай! — Гуанга уселся на землю и заглянул в бамбуковое ведро. Остатки сока тянулись со стенок длинными мягкими жгутами. Утита тщательно скатал жгуты в кучку. Ком, величиной с большой кулак, мягкий и сочный, положил на сучковатую палку, похожую на рогатку, стал сушить в дыму, все время переворачивая темнеющий комок. Утита мастерил мяч.

— Эй, а я? — воскликнул Гуанга и кивнул на блестящую ногу Утита.

— Завтра. Видишь, «слезы» кончились, в джунгли идти надо.

Утита готовится к празднику

Хижина, где живет Утита, сделана из бамбука. Широкие пальмовые листья покрывают крышу. Посреди хижины горит костер. Немного в стороне в земляной пол вбиты бамбуковые

палки. На них — доски. Это нары. На них спит Утита. Но сейчас он занят другим делом. В сумке, сшитой из меха рыжей обезьянки, Утита храпит бамбуковый гребешок. Его тонкие палочки искусно переплетены и украшены резьбой. Индеец плюет на ладонь, приглаживает черные космы, расчесывает их узорчатым гребешком, заплетает в косички. Косицы украшает перьями. Затем из сумки достает бамбуковые палочки, втыкает их в уши. С бамбуковых палочек бахромой свисают пестрые, переливающиеся всеми цветами радуги надкрылья жужелиц. Видно, не одна сотня жуков была переделана на такие серьги. Утита вынимает еще горсть семян и несколько коробочек с длинными острыми щетинками. Индеец раскусывает коробочку. Там — растительные краски, тщательно их растирает и разрисовывает лицо, руки, грудь. На ногах у него блестящие чулки. Утита готовится к празднику.

Праздник

Под пальмой стоит ярко разукрашенный Гуанга. Лоб индейца повязан коричневой ленточкой. С концов ленточки свисают лимонно-желтые и огненно-красные перья. Лицо разрисовано кружочками и квадратиками.

Каждое утро индейцы украшают свое лицо мельчайшими узорами. Это не просто украшения. Рисунки, так думают индейцы, дают силу на целый день, охраняют их от злых духов, защищают от когтей дикой кошки и ягуара, делают руки искусными.

Спина, грудь, руки Гуанги покрыты яркими пушинками и перышками. Гуанга — «человек-птица». Перед праздником молодой индеец обмазался соком плакучего дерева и покатался по перьям.

Начался праздник. В такт барабанному бою Гуанга величественно поднимает и опускает руки-крылья. Из хижины выходят женщины. На поясах танцовщиц побрякивают ракушки и ореховая скорлупа. Подпрыгивая и приплясывая, держась за руки, женщины движутся по кругу. Молодые воины с копьями в руках исполняют ритуальные танцы своего племени.

Еще долго над джунглями будет слышен бой барабанов, призывные воинственные крики. Потом смолкнут погремушки, затихнут чуткие барабаны, уснут жители селения. Это потом. А сейчас, пока не кончился праздник, молодые индейцы Утита и Гуанга смеются и радуются как дети. Они и вправду, пусть взрослые, но веселые, свободные, добрые дети тропического леса.

На берегу реки Утита и Гуанга пытаются смыть застывшие слезы дерева гевеи. Но разве смоешь плотную пленку? Приходится соскабливать и сдирать ее узенькими полосками,

порой вместе с кожей. Очень больно, но жаловаться не приходится, сами придумали.

— Эй, Утита, Гуанга! — кричит молодым индейцам морщинистый старец с растрепанной жидкой бородкой по имени Чонта. Лицо Чонта разрисовал красной краской. С бамбуковых палочек, воткнутых в уши, свисают серьги с металлическим отливом из крыльев жуков-жужелиц. На концах подвесок раскачиваются кисточки — желтые и красные перышки крошек птичек колибри. Сразу видно, что Чонта — большой любитель украшений.

— Можно умнее делать, — говорит Чонта, насмотревшись на мучительные старания модников. — Можно! По-умному!

Каучуковая обновка

Около хижины старого индейца с раннего утра слоняются Утита и Гуанга. Из хижины вышел Чонта и с важным видом уселся у костра. Чонта строгает большую деревяшку. На почтительном расстоянии, под пальмами уселись Утита и Гуанга. Вся многочисленная родня следит за руками старого индейца. Деревяшка в руках старика превращается в ногу.

— Вот, — сказал Чонта, протягивая деревяшку молодым.

Утита и Гуанга переглянулись, покосились на свои ноги.

— Делать, но по-умному! — снова сказал Чонта.

— Вот это да! — воскликнул более сообразительный Утита и, схватив деревянную ногу, помчался к своей хижине.

— Ногу смазать глиной не забудь! — крикнул вдогонку Чонта. — А то не сдерешь!

На другой день Утита мастерил обувь. Он размазывал густой свежий сок гевеи, собранный в джунглях, по деревяшке, сушил ее в дыму костра. Когда обнова была готова, Утита не смог содрать ее с деревянной колодки. Он снова принялся за работу, но на этот раз колодку для сапога сделал из глины.

Приходили соседи, причмокивали языками, хвалили. Надев на ногу новую обувь, Утита разгуливал перед зрителями, улыбался. Утита был доволен: хорошо, мягко. Одно смущало молодого индейца: обувь тянулась во все стороны.

Дни стояли жаркие. Раскаленные солнечные лучи жгли словно угли. Спрятавшись в тени, из хлопковых нитей Утита ткал ткань для белой накидки. Когда он вспомнил о своей обновке, было поздно. От палящего солнца обувка растеклась, превратилась в дурно пахнувшее месиво.

Утита-сапожник

Каждый день перед сном индейцы осматривают свои подошвы. Булавкой Утита вытаскивает засевших между пальцев и под ногтями мельчайших песчаных блох. Каждая блоха может

дать гнездо яичек. А где гнездо, там нарыв. От нарыва начинается воспаление и заражение крови.

Поймав блоху, Утита с восторгом сдавливает ее зубами и съедает. Вокруг вьются насекомые. Индеец подбрасывает в огонь ветки. Иначе не избавиться от этой назойливой мошкары. От укуса этой мелочи образуется волдырь, зуд которого может свести с ума.

Осмотрев ноги, индеец заворачивается в длинные зеленые бамбуковые листья. Полежав чуть-чуть на нарах, он вдруг вскакивает и кидается к бамбуковому ведру.

На дне ведра — густеющий сок гевеи. Утита снова усаживается около костра и на глиняной заготовке лепит тапочку.

Через день жители всей деревни ходят возле хижины молодого индейца. Утита всем мастерит тапочки. Дети из мягкой глины лепят колодки, высушивают их на солнце. Гуанга добывает в джунглях сок тропического дерева. А Утита, обмазав глиняную колодку «слезами», коптит в дыму костра, а потом глину размачивает в реке.

Первые тапочки Утита подарил старику Чонта. Чонта был очень доволен.

— По-умному делаешь! По-умному! То-то, — без конца твердил старый индеец, приплясывая и все время поглядывая на свою новую мягкую обувь.

Удивительный сон

— Ты спишь? — спрашивает во сне Алешку пышная крона гевеи. — Ты, Алеша, спишь?

— Нет, я не сплю! — отвечает Алеша. Но Алеша спит. Ему снится, что он вместе с Гуанга выходит из хижины и отправляется в джунгли. Едва порозовел восток. Надо спешить. На заре гевея хорошо отдает свой сок. А для белого хозяина сока надо собрать много. Хозяин жесток.

Гуанга, как и все жители его деревни, — серингейро, по-нашему сборщики, добытчики каучука. Он теперь раб. Он почти не выходит из джунглей, чтобы не умереть с голода.

Сквозь листву не видно неба. Ослепительный свет тропического солнца проникает отдельными бликами. В воздухе стоит туман, как в парной бане. Трудно дышать. Налево и направо машет Гуанга тяжелым кривым ножом-мачете, похожим на широкую саблю. Через зелень тропического леса трудно пробираться. Саблей- мачете прорубает Гуанга тропу, по которой только вчера добирался до каучуковых растений. Прыгая с кочки на кочку, по чавкающей жиже, спотыкаясь о корни и пни, отбиваясь от прожорливых москитов, сборщики наконец добираются до первого дерева.

Гуанга влезает на ствол, делает на коре надрез, прикрепляет глиняную чашечку, похожую на ласточкино гнездо. В чашечке за день соберется несколько ложек сока. Теперь к другому дереву.

— Ну и жарища у вас в джунглях! Ну и духота! — ворчит Алешка.

— Осторожно, — говорит Гуанга, — на ядовитую колючку не наступи. А вон притаился скорпион.

— Ну, ядовитище! — кричит Алешка.

— Ты чего кричишь? — слышит Алешка чей-то отдаленный голос.

Вдруг толстый извивающийся комок скатывается к Алешкиным ногам и со страшным шипением расползается в разные стороны. Алешка смело выхватывает саблю. Ядовитые твари уже под корягами.

Наконец последнее дерево. Гуанга радуется: в глиняных чашечках несколько ложек «слез». Это — удача. Свою «удачу» он сливает в жестяной бидон, что висит у него на поясе. Бидон выдал белый хозяин.

— Скупы «слезы дерева», — говорит Гуанга, — а еще жаднее скупщики каучука.

Из-за толстой лианы выползает огромный крокодил.

— Эй ты, кожаный чемодан! — кричит опять Алешка. — Отступи!

Испуганный крокодил закрывает широко распахнутую пасть и, попятившись, скрывается под гладью глубокого озерка. Только два глаза внимательно следят за добытчиками каучука: а вдруг оплошают?

Пот струится по телу и лицу, заливает глаза. Руки и ноги дрожат от усталости.

— Скорей бы домой! — говорит Алеша. — Спать хочется.

— Еще нельзя. Обойдем разочек деревья, — отвечает Гуанга, - тогда и конец похода. Только отдыхать не придется. Сок, чтоб не гнил, чтоб был тверже, коптить надо. Иначе свернется, присохнет к бидону, пропадут «слезы дерева».

Тропическая ночь, с ее холодным дыханием, вызывает легкий озноб. Ночь очень быстро сменила знойный день. Красноватый диск луны выкатился из-за леса и стал карабкаться по стройному стволу пальмы к ее растрепанной кроне. Все наполнено дрожащим голубым сиянием. Еле движущийся ветерок приносит с порогов Амазонки приглушенный шум падающей воды.

Но неспокойны джунгли. В темноте вздыхает пума, стонут саламандры, ленивцы, квакают гигантские лягушки. Ночную тишину вдруг прорезывает сдавленный вопль жертвы ягуара. Потом долго и жалобно кричат перепуганные обезьянки.

Гуанга молча подбрасывает в огонь плоды пальмы. Делает он это для того, чтобы было побольше теплого белого дыма. Едкий дым костра ест глаза. Ладони серингейро в кровавых мозолях. Но отдыхать нельзя. Гуанга обмакивает деревянную лопатку в сок-латекс, вертит в теплом дыму. На лопатке получается твердая пленка. Гуанга опять обмакивает лопатку и опять сушит-коптит. Так он делает до тех пор, пока на лопатке не образуется тяжелый ком — шар, похожий на большой каравай или головку сыра.

— Теперь-то уж — слышит Алешка голос Гуанги, — каучук не загниет, не превратится в зловонное месиво. Несколько дней будет лежать каравай на солнце, выпотевать, терять воду, превращаться в самый лучший натуральный копченый каучук.

«Надо же, — думает во сне Алеша, — все как в дедушкиной книге!»

— Да ты какой тяжелый! — говорит Гуанга. — Тяжелее моего каучукового каравая.

— Мы уже в хижине? — спрашивает Алеша.

— В какой еще хижине? — голос Гуанги так похож на папин. — Хижина? Тоже придумал!

— Все дед! Его премудрости, — говорит мама. — А ребенок такой впечатлительный.

«Наверно, я впечатлительный», — думает Алеша, продолжая смотреть свой удивительный сон.

Слезы печали

В джунглях наступило время дождей. Лес наполнился гулом, грохотом, разрывами молний. Падают вырванные с корнем тысячелетние гиганты. С неба сплошным потоком льется вода: ни струй, ни капель. Река Амазонка исхлестана бичами тропического ливня. В джунгли, в этот огромный парник, возвращает небо всю влагу, которую оно выпило в горячие знойные дни.

Алешка видит, как от лесных шалашей бегут в поселок серингейро — добытчики каучука. Поселок называется «поселком бедствий», здесь царствует компания белых скупщиков каучука.

Измученный малярией, истощенный и ослабевший, пришел в поселок и Гуанга. За месяц он должен сдать хозяину, как и все серингейро, двадцать пять килограммов каучука. Каждые десять дней приходил он сюда, неся тяжелую поклажу — корзину с каучуковыми шарами. Но сегодня? Тяжелая болезнь тропиков — лихорадка несколько дней держала его в своем плену.

Индеец кладет каучуковые шары на чашу весов.

— Мало! — кричит приемщик. — Мало, лодырь! И за что только мы вас кормим и одеваем!

Гуанга бросается на землю, ложится вниз лицом. Он ждет наказания. Розги хлестко прошлись по спине индейца. Сегодня

они долго будут гулять по истощенному телу Гуанги. Ведь розги тоже отмеряются по количеству каучука, которого не принес сборщик.

— Беги, Гуанга! Беги! — кричит Алешка.

— Бежать, надо бежать, — задыхаясь, шепчет индеец, — но куда? Если поймают, наденут деревянные колодки и оставят умирать на солнце без воды и пищи. А хижину, приютившую беглеца, обольют керосином и сожгут вместе со всеми ее обитателями. Они не продали нас в рабство, но сделали нас рабами в нашей стране, — говорит Гуанга, съежившись под тенью дерева.

Гуанга тихо поет:

Мы были счастливы. Пришли белые!
Моя деревня была велика,
Хижины ее были наполнены добром. Пришли белые!
В них жил великий народ:
Мужчины, женщины, дети. Пришли белые!
Они сожгли наши хижины! Отняли наше оружие!
Уцелевших погнали в большой лес!
Каучук красен от нашей крови. Пришли белые!

Голос Гуанга переходит в шепот.

— Гуанга, я спасу тебя! — кричит Алеша так громко, что просыпается.

— Ну вот, — слышит Алеша мамин голос. — Опять кого-то спасает. Не надо на ночь давать эту книгу. Он впечатлительный мальчик.

Ни гу-гу!

Утром Алешка позвонил другу и зашептал в трубку:

— Ромка, предлагаю развести плантацию гевеи. Место на пустыре есть. Я все проверил. Ребятам пока ни гу-гу. Дед дал мне почитать книжку, там все написано. Англичанин Даниэль Чалмерз разводил гевею. А мы что, рыжие?

— А семена где возьмем? — спросил не задумываясь Ромка. — А что такое гевея?

— Гевея каучук дает, растет теперь на Цейлоне, па Малайе.

— А про семена что там написано? — спросил снова Ромка.

— Про них написано много. Например, сто лет назад гевея росла только в Бразилии. А когда научились резину делать, то стали думать, где ее можно разводить. Один англичанин под страхом смерти вывез семена. Из этих семян другому англичанину — Даниэлю удалось в оранжерее получить две тысячи ростков. Ростки он повез в Индию, на Цейлон, а потом уж гевею стали выращивать в Индонезии и Малайе.

— А руководство есть, как выращивать? — еще тише спросил

Ромка.

— Руководства нет, но как — я знаю. Первое дело — почва. Чтобы земля, торф, много прелых листьев было и чистого песка. Второе — чтобы влажно было, как в тропических лесах Амазонки, чтобы все время пот с лица стекал.

— Твой пустырь, Алексей, подходит! Где ты такую жару возьмешь? — фыркнул Ромка. — Я так и знал, ты меня опять на хи-хи, да?

— Я и не думал, — огорченно прошептал Алешка в трубку, — ты только ребятам не говори, смеяться будут. Хочешь, приходи. Книга толстая, с картинками.

Рассказ седьмой. ЗЕЛЕНАЯ ЖВАЧКА

— Все что я рассказывал о каучуке, — сказал дед, когда Алешка и Рома уютно устроились на диване, — происходило в прошлом веке да и сейчас, в наш век, происходит. До 1888 года в Бразилии существовало рабство. «Охотники за каучуком» уходили в джунгли, чтобы только прокормить себя. Во время второй мировой войны пятьдесят тысяч сборщиков каучука были загнаны в джунгли Амазонки, половина из них пропала без вести.

— Их убили? — спросил Ромка.

— Погибли от плохих условий, — со знанием дела отозвался Алешка. — А откуда, дед, наша страна берет каучук? У нас же гевея не растет?!

— В самый корень смотришь, молодец. Верно, не растет. Долгое время думали, что только гевея содержит каучуковый сок. Оказалось, что на земле растут и другие резиновые растения. Так, в Центральной Африке, в тропических лесах Конго, растут лианы ландольфия, клитандра. В Индии — фикус. Негры Конго разрезали лианы на куски и выколачивали оттуда каучук. Полосы лиан, похожие на ремни, сборщики высушивали на своем теле. Все больше и больше «охотников» во всех странах, где росли каучуконосы, уходили в лес с топориками и бидонами за диким каучуком. Белые хозяева каучуковых плантаций выжимали пот из туземного населения и белых рабочих — добытчиков каучука. Но сколько ни выжимали из каучуконосов «слез», все равно каучука не хватало. С каждым годом производили больше машин, тракторов, вездеходов, самолетов.

— У нас гевея не растет, нет и каучуконосных лиан, — продолжал дед. — Натуральный каучук мы покупаем за границей, а часть добываем из растений, что растут на территории СССР. В первые годы Советской власти трудно приходилось нашей стране — молодой Советской Республике. Гражданская война, разруха, блокада, отсталая промышленность, вот что у нас было. Строили все заново, Почти всю промышленность. Без резины не обойтись.

А где взять для нее каучук? Вот и стали наши ученые искать. Много людей потрудилось. Нашли. Растет в Казахстане, в горных глухих уголках Тянь-Шаня растение, похожее на наш одуванчик — кок-сагыз, что по-русски означает «зеленая жвачка». Жители гор для развлечения издавна жевали сухие корешки этого растения. Если корешки долго растирать зубами, то получится комочек эластичной массы. В корнях, как установили ученые, содержится густой липкий млечный сок — каучук. Потом были найдены и другие растения: тау-сагыз, крым-сагыз. «Зеленую жвачку» стали выращивать на полях и получать из нее тысячи тонн природного каучука.

— А это много или мало? — спросил Роман.

— Для всей страны, конечно, мало.

— Факт, мало, — сказал Алешка. — Одних только резиновых сапог сколько надо? А мячей, а плащей? А сколько надо обуть машин? Велосипедов, мопедом, мотоциклов! Тут никаких трав не хватит. Верно, дед? Так и без мяча останешься. А я без мяча не могу.

— А самолет, по-твоему, может без колес? — выпалил Ромка.

— Одному только самолету, — спокойно продолжал дед, — нужно почти тысячу килограммов резины.

— А танку?

— Ну, танку поменьше. Килограммов шестьсот — семьсот хватит.

— Вот это да! — удивился Алешка.

Рассказ восьмой. СИНТЕТИЧЕСКИЙ ЗАМЕНИТЕЛЬ

— Каучук был очень нужен нашей стране, — продолжал рассказывать дед. — Без резины ни машин, ни самолетов не будет. Более тридцати тысяч самых необходимых изделий делали из резины. Не хватило бы никакого натурального каучука.

Вот и надумали ученые создать искусственный каучук. Наше правительство в 1926 году обратилось ко всем ученым мира с предложением: изобрести заменитель каучука. Объявили международный конкурс.

В Англии да и в Германии, где развитая химическая промышленность, удивились: разве можно такое сделать? Во всех газетах мира большими буквами печаталось: русские хотят создать каучук! Это невозможно, как невозможно изобрести вечный двигатель.

Но ученые нашей страны решили задачу. Было одобрено два предложения. На заводах стали делать искусственный каучук из спирта по способу Лебедева. На заседание Совнаркома к установленному сроку было доставлено два килограмма синтетического каучука. Другой ученый — Бызов предложил

производить каучук из продуктов перегонки нефти. Но нефтеперерабатывающая промышленность у нас тогда не была развита. Вот сейчас, когда мы занимаем первое место в мире по переработке нефти, делают каучук и по методу Бызова — из нефти. Вот так-то, ребята. Понятно?

— Понятно, — отозвался Ромка. — А где сделали самый первый каучук?

— Эти первые два килограмма? — добавил Алешка.

В Ленинграде, там, где жил и работал Сергей Васильевич Лебедев. В 1930 году здесь построили первый опытный завод. Руководил работами сам ученый. Первые покрышки из синтетического каучука показали, что в работе они не уступают покрышкам из натурального материала. Это была БОЛЬШАЯ ПОБЕДА СОВЕТСКИХ ХИМИКОВ. «За особо выдающиеся заслуги, — так было написано в постановлении Советского правительства, — С. В. Лебедев награждается орденом Ленина». Вот так-то, — улыбнулся дед. — В мире нет ничего невозможного, стоит только очень захотеть.

Рассказ девятый. НА ДЕДУШКИНОМ КОМБИНАТЕ

— О чем совещание? — спросил Алешкин папа, входя в комнату.

— Да вот проказник-везделазник, — ответил дед, — с приятелем Ромой резиной интересуются.

— Прекрасно! — воскликнул папа. — Смена нам, значит, растет. Подошвы на ваших башмаках из чего? Из пористой резины, и сделана, между прочим, на нашем комбинате.

— Растет-то растет смена, да, видно, забыл, сынок, нашу семейную поговорку: «Лучше раз увидеть, чем сто раз услышать».

— Понял, батя, сведу! — засмеялся Алешкин папа. — При одном условии: чтобы Алексей больше не разбирал...

— Я же обещал?! — запротестовал Алешка и страшно покраснел. — Да там и ничего интересного не было. Железки, винтики, провода.

...На комбинате искусственной кожи много всяких заводов. Здесь делают не только подошвы и каблуки. На комбинате производят искусственную кожу, разные обивочные материалы, покрытия для стен и полов, клеенку, даже сумочки шьют.

Алешин папа привел ребят в смесительный цех. Называется он СМЕСИТЕЛЬНЫМ потому, что все нужное для получения подошв и каблуков здесь перемешивают. По цеху полукругом ехали тарелки. На самую большую рабочие складывали куски синтетических каучуков. На другие тарелки насыпались разные вещества: желтая сера, канифоль, красящие пигменты и добавки, которые ускоряли или замедляли реакции. Если делали не

цветную, а черную подошву, то добавляли сажу.

— Сколько же всего надо? — удивился Алешка. — Я считал, считал, сбился.

— Наверно, веществ сорок, — сказал Рома.

Тарелки тем временем ползли и ползли к большому ящику — БУНКЕРУ, опрокидывали туда свой груз. Сверху автоматы отмеряли наполнитель для резины — белую глину каолин.

В бункере, он называется еще РЕЗИНОСМЕСИТЕЛЕМ, — пояснил Алешин папа, — эту смесь острыми лопатками перерубят, перемешают, после чего получится СЫРАЯ РЕЗИНА. Ее будем разминать на вальцах двумя большими валиками, затем по длинному транспортеру перекинут на малые вальцы, а уж потом полученную резиновую дорожку-ленту автоматы разрежут па пластины. Из пластин другие машины могут вырубить заготовки для каблуков и подошв разных размеров.

Ребята смотрели, как рабочие на противнях раскладывали сырые подошвы, каблуки, целые пластины, как ставили эти противни в печи-прессы, похожие на этажерки.

Полки в прессах, подобно гармошке, поджимались ПЛУНЖЕРОМ — толстым стальным валом. С его помощью гармошка растягивалась, раскрывалась. От сжатия и сильного нагрева сырая резина становилась обычной, какой мы ее знаем.

— Это называется вулканизацией? — спросил Алешка.

— Вулканизацией, — улыбнулся папа. — А ты откуда знаешь? Дед рассказывал?

— Ага! — кивнул головой Алешка. — Вот и готовы каблуки и подошвы.

— Готовы, но не совсем, — согласился папа. — Остынут, их на маленьких машинках — ТРИММИНГАХ — остренькими колесиками очистят от лохматушек-заусениц. Проверят браковщицы изделия и запечатают в мешки для отправки па обувные фабрики. На обувных фабриках сошьют обувь. Носите па здоровье!

По дороге домой Алешкин папа продолжал рассказывать:

— Сейчас делают подошвы и совсем без каучука, литьем из других химических смесей. А вот машины обувать без каучука пока не можем.

— Когда я вырасту, — сказал Ромка, — пойду работать на комбинат, делать подошвы.

— А я, — заявил Алешка, — выдумаю такой каучук, какого еще никто не сделал. Все машины обую. Чтобы не было на земле такой работы, как у сборщиков каучука — серингейро. Вот увидите.

ОДИН ДЕНЬ КОТА АНТОНА, ИЛИ ГДЕ БЫЛИ ПРОШКА И СЕНЬКА В ПОНЕДЕЛЬНИК

Под старым кривым бугром, в земляном **до**мишке, жили два приятеля, два ушана-ушастика Прошка да Сенька. Дверью в доме служила **печная** труба. Наверное, поэтому Прошка и Сенька были **чу**мазыми-пречумазыми.

Жили ушастики дружно. Днем шебаршили да шмыгали, ночью в соседний поселок ходили по чердакам да по подвалам полазать. Но случилось так, что старые дома в поселке снесли, построили новые, большие. Ходить по гостям стало неинтересно: ни тебе чердаков с разными штучками, ни чуланов. Одни балконы да форточки.

Пока Прошка и Сенька лазили по новым квартирам — знакомились, то и отчистились и отмылись. Оказалось, что Сенька — рыжий, а Прошка — белесый ушан-ушастик. А тут еще беда! Разровняли машины кривой бугор, разорили дом ушастиков. После этого **Прошка и Сенька решили подыскать себе другое жилье.**

Искали, искали и нашли. Деревянный дом стоял на самом краю соснового бора. В доме жил лесник, а еще кот Антон. Лесник с утра уходил в лес по своим делам, кот Антон отправлялся по своим. Но как только наступали сумерки, кот Антон спешил домой.

Прошка и Сенька этого не знали и поэтому, заглянув в дом лесника, почувствовали себя хозяевами. Чуланы да подвалы пришлись приятелям по вкусу. Набегавшись по замшелым углам, они снова стали чумазыми-пречумазыми.

Ушаны носились по чердаку, шмыгали между старыми сапогами и дырявыми ботами. Вконец умаявшись, приятели растянулись в старом кресле с торчащими в разные стороны пружинами и через чердачное окно уставились на сверкающие в небе звезды. И тут в тишине послышался шорох.

Из-за трубы выглянуло что-то серое. В лунном свете блеснули бусинки крошечных глаз. Через окно, на миг закрыв звездное небо, что-то большое бесшумно вылетело и исчезло.

— Прошка, — прошептал Сенька, — видел?

— Что видел? — Прошка в это время смотрел на печную трубу.

— Что-то было в окне!

— А я у трубы видел кого-то. Дела, — протянул Прошка. — Надо выяснить.

Спать расхотелось. Прошка и Сенька уселись на пружинах кресла и стали сильно раскачиваться из стороны в сторону. Пружины скрипели и визжали. Потом Прошка раздобыл пожелтевшие ноты и скрипку, у которой была одна струна, и стал пиликать, оттого скрипка издавала бубнящий звук: «бу-бу-бу! бу-бу-бу!» Сенька же сочинял стихи и пел:

До чего же интересно побывать на чердаке!
До чего же интересно постоять на потолке!
И чего тут только нету: туфли, боты, сапоги,
Самовары и штиблеты, санки, кресла, утюги!

На темном чердаке было весело, шел концерт ушанов-ушастиков. Но очень скоро Сеньке надоело болтаться на пружине, и он вскарабкался на торчащий под крышей крюк.

Прошка, бросив скрипку, ухватился за свисавшую с потолочной перекладины веревку, и, как маятник, стал раскачиваться под самой крышей. Крюк скрипел, словно спрашивал: «кто-та-ки-е! кто-та-ки-е!»

— Кто, кто! Ушаны-ушастики! — пискнул Прошка, собираясь бросить веревку, но в тот же миг увидел кота. Кот Антон подкрадывался к Сеньке. Сенька, оставив в покое крюк, сидел на старой калоше и лапой крутил собственный хвост. Еще секунда и... сцапает кот приятеля!

Сильно оттолкнувшись от железного листа, который загремел, как будто кто по нему стукнул колотушкой, Прошка подлетел к Сеньке, схватил за вертлявый хвост и выдернул Сеньку из-под самого носа кота Антона. На веревке закачались две маленькие черненькие фигурки.

В оконном проеме чердачного окна опять показалось что-то большое и серое. На чердаке стало темно. Не успели приятели сообразить что к чему, как сильные лапы подхватили их и понесли прочь от дома лесника. Сколько времени прошло, сказать трудно. Но несли ушанов бережно. Наконец их опустили на огромную светлую площадку.

— Разрешите представиться, — сказал серый ком, складывая кожаные крылья. — Ваша дальняя родственница — мышь, только летучая. Я думаю, что вам здесь будет интереснее, чем в доме, где живет нахал кот Антон.

С этими словами летучая мышь расправила крылья и взлетела, пискнув с высоты:

— Скоро рассвет. Надо спешить на чердак. Днем я ничего не вижу и сплю.

Прошка и Сенька оказались на крыше большого производства, где делают химические волокна. Повсюду торчали разные трубы. Но влезать в них не хотелось. Тонкие тихо

посвистывали, выпуская не совсем приятные запахи. На самой толстой трубе была лестница. Железные скобы на ней были так широко расставлены, что Прошка и Сенька не решались по ним карабкаться.

На самом краю крыши приятели обнаружили узенький желоб. Желоб привел к водосточной трубе.

— Дело знакомое, — сказал Прошка и стал быстро спускаться вниз. Прошка заглянул в окно второго этажа. — Елки-палки, лес густой! — закричал ушан. — Там светло и весело. Сенька, айда!

Посреди большого зала медленно ползла дорожка, на которой лежали пухлые белые листы.

— Е-ло-ва-я цел-лю-ло-за, — прочитал Прошка, — с цел-лю-лоз-но-го ком-би-на-та.

— Еловая, значит, из елки, — пояснил Прошка.

— Значит, из елки, — подтвердил Сенька. — А что такое целлюлоза?

— Целлюлоза, это — целлюлоза, — откликнулся Прошка. — Разве не понятно?

Ушаны уселись на белоснежных кипах и стали шуршать краешками листов.

— Эта целлюлоза как бумага и совсем несъедобная.

— Точно, бумага, — поддакнул Сенька, — Только странная бумага. На такой, я думаю, не попишешь. Чернила разбегутся. Да это же прессованная толстая промокашка, — запрыгал Сенька.

Пока ушастики рассуждали, пухлая бумага с движущейся дорожки непрерывно сбрасывалась в ванну с едкой жидкостью. На огромных бочках, что стояли внизу, было написано «Щелочь» и еще что-то непонятное.

— Сенька, айда на потолок! — крикнул Прошка. — Посмотрим, что дальше с промокашками делать будут?

А дальше набухшую промокашку, распавшуюся на отдельные волоконца и превратившуюся в щелочную целлюлозу, машины отжимали, затем шинковали, как капусту перед посолом, на тоненькие дольки, измельчали, превращали в пух.

Две огромных, медленно вращающихся трубы много часов подряд будут ворочать пушистую массу в пахучих жидкостях, подавать в закрытый аппарат с мешалками. От всего этого целлюлоза превратится в янтарную массу, похожую на мед. Этот прозрачный мед называют вискозой.

То, что делается в трубе и аппаратах с промокашкой, Прошка и Сенька так и не смогли увидеть. Но зато узнали новое слово — вис-ко-за! Поболтавшись под потолком цеха, ушаны отправились дальше.

По подвесной дороге приятели доехали до длинного

помещения, в котором друг за другом плотно, ритмично постукивая, стояли аппараты. Внутри аппаратов что-то двигалось и шептало:

«Ш-ш-ш-ш-ш-ш...»

— Это что? — ушастики, подоткнув хвосты под пояс, приложили к аппарату уши.

— Ш-ш-ш-ш-ш-виш-ко-ша, вис-ко-ша, вис-коша...

— Да там вискоза! Это — вискоза! — запищал Сенька очень громко. — А зачем она здесь?

— Она двигается, — пояснил Прошка, — только куда?

Взявшись за лапы, Прошка и Сенька шли вдоль аппарата. Одна из работниц крикнула:

— Иван Иванович! Фильтры надо перезарядить. Ткань поменять па новую!

— Здесь через тряпки вискозу продавливают, — заявил Прошка.

— Фильтруют, — поправил Сенька. — Слышал, работница сказала: «Фильтры пе-ре-за-ря-дить»! А зачем фильтры? Зачем эту вискозу продавливать?

— Значит, надо! — ответил Прошка. — Когда продавливают, фильтруют, нет комков и грязи. Может быть, им вискоза нужна без комочков и чистая!

— А зачем им такая вискоза?

— Почем я знаю?! — рассердился Прошка. — Сто вопросов. Как маленький! Пошли смотреть!

Из аппарата выходила широкая труба. Ушастики по ней мигом вскарабкались. Труба тянулась в другой зал, делилась на более узкие трубки, которые опускались вниз, а дальше были совсем тоненькие — стеклянные трубочки. Прошка и Сенька так разбежались по широкой трубе, что чуть не шлепнулись в узкую длинную ванночку. В ванночке была жидкость, похожая на воду. Но это была не вода... А очень опасная жидкость.

Каждая тоненькая трубочка заканчивалась колпачком. Этот колпачок рабочие называли «фильерой». Один такой колпачок-фильера лежал на полке, и Прошка мигом его рассмотрел. В нем было много-много малюсеньких дырочек. Таких малюсеньких-премалюсеньких, что Прошка еле их разглядел. Ушан хотел было утащить фильеру, но передумал. Кармана нет. Колпачок тяжелый (сплав платины и иридия). С такой штукой не прыгнешь, если кто пристанет. А брать чужое — некрасиво. Пока Прошка рассматривал да думал, к нему подскочил Сенька.

— Прошка, гляди! Фонтанчик из колпачка в ванне вверх бьет! А струйка на барабанчик наматывается! Разве так бывает, чтобы струйка наматывалась? Вот чудеса так чудеса!

— Если наматывается, значит, бывает, — рассудительно ответил Прошка. — Погляди! Видишь, сколько дырочек в фильере? Сколько дырочек, столько и струек!

Не знали приятели, что в узенькой ванне была серная кислота, очень едкая и опасная. Но в ней жидкая, похожая на мед, вискоза превращалась в твердые волоконца. Каждая струйка фонтанчика — в тоненькую ниточку. С волоконец стекала кислота. Волоконца складывались в нитку. Нитка наматывалась на барабанчик-бобину. Это действительно настоящее чудо: из жидкой вискозы в ванне с серной кислотой рождался шелк. А так как этот шелк делали искусственно, то и назывался он — искусственный шелк.

Вискозный шелк делался, а ушаны-ушастики баловались. Сенька сунул лапу в фонтанчик. Лапу страшно защипало.

— Щиплет! — завопил Сенька. — Ой, щиплет!

— Беги, ушастый, помой водой лапу! — крикнул ему Прошка, продолжая перепрыгивать через ванночку.

— А вдруг вода тоже щипучая? — заскулил Сенька.

— Видишь, рабочие пьют! Значит, не щипучая. Была бы щипучая, не пили, — рассуждал громко Прошка, продолжая прыгать.

Ушастики уже были готовы направиться к домику с надписью «Газированная вода», как упаковка с бобинами, на которой они решили подъехать, стала погружаться в горячую воду. Вискозную нить тщательно промывали. Перепуганные ушаны, соскочив с бобин, кинулись прочь.

В другом — крутильном — цехе вискозные нити после промывки и сушки скручивали, а потом в перемоточном цехе — перематывали с маленьких шпулек на большие бобины.

Чистые и веселые, ушаны сновали между перемотчицами, вертели хвостами и озорничали. По белой шелковой нитке так здорово было скользить и подниматься с одной бобины на другую. Надо только успевать вовремя подбирать хвосты, чтобы их не намотало вместе с шелком.

Прошка и Сенька были мелкими и светлыми. Поэтому их никто не заметил, кроме кота Антона. Пообедав в рабочей столовой, кот прохаживался около браковщицы. Браковщица проверяла бобины с перемотанными нитками и запечатывала в ящики. Эти ящики затем отправят на ткацкие фабрики, где из ниток сделают шелковые вискозные ткани.

Прошка и Сенька так разбаловались, что забыли обо всем на свете. Вот тут-то к Сеньке и подобрался Антон.

— Опять обрыв! — сказала молодая работница, увидев порванную нить. Мимо промчался кот. В зубах у него был Сенька.

Прошка, услышав Сенькин писк, бросился догонять кота. Да разве догонишь большого и хитрого Антона? Прошка выскочил во двор.

Там на скамейке сидели курильщики. Ушастик уселся на козырек кепки молодого парня, положив лапу на лапу.

— Что делать дальше? — подумал Прошка. — Где искать Сеньку?

Старый рабочий, сидевший напротив, вдруг стал показывать пальцем на козырек и кричать:

— Смотрите, черт! Бледный черт!

— Не черт, а ушастая мышь, — сказал сосед.

Прошка мигом шмыгнул под кепку и зарылся в волосах своего нового знакомого.

— Нет, черт! — спорил пожилой рабочий. — Сам видел! Куда подевался?

Под кепкой было тепло и мягко. К тому же Прошка был веселым ушастым мышонком, поэтому он решил: «Сенька не пропадет!» А решив так, моментально уснул.

Проснувшись, Прошка удивился, что сидит под кепкой. Хозяин головного убора ходил по прядильно-отделочному цеху, следил за работой сложных машин и аппаратов, где нарезанные на короткие, в полкарандаша, кусочки вискозного волокна (их называли штапелем) промывались, сушились и, распушенные до ваты, упаковывались в кипы-тюки для отправки на текстильные фабрики. Там их смешают с хлопком, шерстью или с другими волокнами и превратят в тонкие нити. Из них ткацкие станки соткут красивые ткани.

Прошка на голове мастера разъезжал по прядильно-отделочному цеху. В цехе работало много молодых женщин и девушек. Одна курносая и белокурая пошутила:

— И вечно ты, Николай, украшения себе напридумываешь! То ромашку в кудри воткнешь, то черт знает какого черта ушастого нацепил!

Молодой мастер засмеялся и пошел дальше. У доски показателей Николай замедлил шаг.

— О! — сказал Николай. — Мы опять впереди?! Да и корд не отстает!

— А что такое корд? — пискнул Прошка.

— Корд? — ответил Николай, не оглядываясь. Он подумал, что его спрашивает практикант — ученик из подшефной школы. — Корд — это, брат, сила! Из вискозы ведь можно сделать не только тонкую нить, а и толстую. Такая толстая нитка называется кордная. Из кордной ткут толстую кордную ткань. Кордную ткань на шинном заводе пропитают специальным составом, зальют резиной, получат покрышки для колес. Еще кордную ткань

делают из капрона. Понятно?

— Понятно, — снова пискнул Прошка.

— А ты чего пищишь? — Николай оглянулся, удивленно пожал плечами. Рядом никого не было. Удивился молодой мастер и отправился по делам в кордный цех.

Здесь на ткацких станках из кордных нитей ткали кордную ткань. Сделанная ткань наматывалась на рулоны. Сказав спасибо, Прошка спрыгнул на движущееся полотно. Полотно было белым.

— Может быть, его покрасить? — подумал Прошка и, схватив кисточку, что лежала возле бочки с черной краской, намазал себе лапы и стал бегать по светлому движущемуся полотну. От лап получались отпечатки.

— Откуда брак? — сердито спросила немолодая ткачиха.

— А рисуночек-то ничего — ажурный! — добавила молодая. — Покрасится!

Прошка не знал, что такое брак, но почувствовал, что сделал неладное, и опечалился. Он был веселым, но не вредным.

В это время мимо проезжал автокар. Это такая тележка, сама по цеху едет. На автокаре лежали рулоны готовой ткани. Автокар вез их на склад готовой продукции.

— Привет, девушки! — крикнул рыжий автокарщик, лихой парень, чем-то похожий на Сеньку.

— А где все-таки сейчас Сенька? — забеспокоился вдруг Прошка. — Я тут катаюсь, ткани пачкаю, а Сеньку, может быть, кот Антон съел?

С Сенькой же произошло следующее. Кот притащил ушастика в дом лесника. Есть коту не хотелось, а поиграть была охота. Он был молодым котом. Антон лег на живот, положил Сеньку около своей морды и стал рассматривать. Сенька лежал неподвижно, чуть приоткрыв правое веко. Следил за Антоном.

Кот повернул Сеньку лапой. Ушан не. сопротивлялся. На чердаке вдруг что-то зашумело. Кот поднял Морду, прислушался. И в этот момент Сенька, проворный Сенька, прыгнул на абажур. С абажура клочьями полетела пыль прямо в морду удивленному коту. От неожиданности Антон замер, потом жалобно замяукал. Стало обидно: Сенька швырялся в него кисточками от старого абажура.

Что произошло в домике лесника, Прошка про это не знал. Ухватившись за крючок, по подвесной дороге, он вернулся в цех, где перематывали нитки. Около стола знакомой браковщицы сидел кот Антон. Он только что вернулся с ужина и вылизывал свой пушистый хвост.

— Вот ты где, Антоша?! — пискнул Прошка. — Теперь-то я от тебя не отстану.

Прошка незаметно уселся на пышной прическе браковщицы и стал ждать. Когда работница проходила мимо кота, Прошка заваливался между мягкими валиками прически и замирал.

Кот, закончив туалет, растянулся в ящике. Здесь лежали комочки порванных нитей — отходов. Зазвенел звонок.

— Все! — сказала браковщица. — Смене конец. Рабочее место убрано. Котик! Кис-кис! Пошли!

— Ну, предатель! — возмутился Прошка. — И про хозяина забыл, и про лесной домик?

Антон засеменил рядышком с браковщицей. И когда кошачья благодетельница заворачивала за угол, Прошка прыгнул на кота. Он вцепился в загривок и больно укусил Антона за ухо. Перепуганный кот пулей; помчался к дому лесника. Прошка крепко держался на котовой спине.

Что было дальше? Конечно, Прошка встретился с Сенькой. А кот Антон совсем отбился от дома, пропадает то на комбинате, то в столовой, а потом насовсем поселился в квартире браковщицы с пышной прической.

Ушаны-ушастики, Прошка и Сенька, остались в доме лесника, живут в добром соседстве с летучей мышью. Говорят, что все они очень дружат. Еще говорят, что летучая мышь частенько возит Прошку и Сеньку и на другие производства. Но особенно любят они объединение «Химволокно», где из еловой целлюлозы делают искусственные нити и ткани: шелк, штапель, корд.

ПРИРОДНЫЙ ГАЗ

Глубоко под землей в большом дворце жил газ. А так как он жил в природе сам по себе, то и назывался — природным.

Однажды по крыше дворца что-то стукнуло. Стук повторился еще и еще. В крыше образовалась небольшая дыра. В нее заглянул сверкающий глаз.

— Кто ты? — спросил газ.

— Я головка бура, — блеснул глаз алмазными гранями. — Я работаю, чтобы тебя освободить и выпустить наружу.

Природный газ от природы был любопытным и не заставил себя долго ждать. Через узкое отверстие он вылетел из дворца и взвился над землей.

— Ого! Как тут светло и прозрачно! — свистнул газ.

Его услышали, но не увидели: газ был бесцветным. Легкие молекулы газа летели все выше и выше.

Через несколько минут он почувствовал, что кто-то толкает его в бок.

— Что за невежи? — возмутился газ.

— Мы невежи?! Мы — воздух!

Природный газ оглянулся по сторонам и увидел крохотные атомы, кружившиеся повсюду.

— Мы — воздух! Мы — воздух! — наперебой кричали танцующие пары. — Мы азот и кислород!

— И мы! — басили более тяжелые молекулы углекислого газа. — Нас мало, но и мы — воздух!

Тут природный газ почувствовал, что попал в широкую трубу.

— Как тут темно? Куда это я влетел?

— В газопровод, — вежливо отвечала труба. — В га-зо-про-вод! Хватит без дела витать, — добавила труба более жестко. — Пора за работу!

Газ быстро привык к темноте и весело бежал по трубам. Трубы делались все уже и уже. Вдруг газ почувствовал, что упирается в железную крышку.

— Куда меня опять занесло? — он стал давить на перегородку. Крышка не поддавалась. А так как природный газ был не злым по природе, то скоро успокоился и даже задремал. Но дремать ему пришлось недолго. Что-то щелкнуло, скрипнуло, железная крышка отодвинулась. Газ почувствовал, что снова свободен.

— Ого! Опять светло! И опять я куда-то лечу?!

— Здравствуйте, — сказала спичка. — Я сейчас вспыхну, и вы тоже. Только не пугайтесь. Это так хорошо!

— А где мы? — полюбопытствовал газ.

— Как где? — удивилась спичка. — Мы в кухне. Вы — в газовой плите, а я только что была в спичечном коробке.

С этими словами спичка весело чиркнула о коричневый бок красивой коробочки и в одно мгновение подлетела к газу. Еще миг...

— О! — сказал газ. — Как жарко! Я горю!

— Да, мы горим, — ответила спичка. — Это прекрасно!

Действительно, это было прекрасно. Природный газ горел голубым пламенем, а вокруг парами кружились атомы кислорода. Кислород с жаром подхватывал природный, превращал его в пары воды и в углекислый газ. На плиту поставили чайник. Чайник скоро зафыркал, закипел.

— И правда хорошо, — шептал газ. — Какой я красивый! Какой голубой!

Но опять что-то щелкнуло и заскрипело. Железная крышка задвинулась, газ почувствовал, что снова упирается во что-то твердое.

— Печально. Как быстро все кончилось. Ничего, потерпим, —

ворчал газ. — Может быть, спичка еще раз вспомнит обо мне? Как хорошо работать! Я был таким сильным и горячим!

ВО ЧТО ПРИКАЖЕТЕ ВАС ПРЕВРАТИТЬ?

Губастая крышка большого аппарата вежливо, но начальственно спросила:

— Вас прикажете превратить в сажу или в этилен и полиэтилен?

— Понятия не имею, — скромно ответил природный газ. — А во что лучше, вы не знаете?

— О! Это дело вкуса! — тяжело брякнула толстая крышка. — Если в сажу, то вы сможете появиться в галетах, в журналах, даже в книгах, так как сажа входит в состав типографской краски. А можете появиться и черной резине. Если же превратитесь в этилен и полиэтилен, то сможете стать детской игрушкой, пробкой, посудой, трубой, пленкой для парников или прозрачной упаковкой. Мало ли чем еще.

— Знаете что? — после некоторого колебания ответил газ, — я, пожалуй, попробую стать и тем и другим. Меня ведь много?!

— Хорошо! — свистнул большой аппарат, нажимая На кнопку.

И природный газ оказался в тесном помещении. Здесь было очень жарко. В тот же момент он почувствовал, что раздваивается. От жары атомы углерода слабели, и руки, державшие атомы водорода, опустились. Углерод стал ссыпаться **в** кучу, образуя сажу. Атомы же водорода, ухватившись друг за друга, взлетали парами и куда-то мчались по трубам.

Вторая часть природного газа попала в другой аппарат. Там из него получили новый газ — этилен. Молекулы этилена беспорядочно бегали по широкому аппарату, прыгали, скакали. Их сильно нагревали и сдавливали. Они цеплялись друг за друга, образуя длинные цепочки: этилен — этилен — этилен, много, много этиленов. А много — значит — «поли». Получилось твердое, мутновато-белое вещество — ПОЛИЭТИЛЕН.

— Вы, — сказал большой важный аппарат, — теперь не газ. Если вас назовут пластмассой, полиэтиленом, не удивляйтесь. Вы теперь — полимер!

НЕВЕРОЯТНЫЙ СОН

Каменноугольные пласты, плотно прижавшись друг к другу, тихо лежали в глубинах земли. Каменный уголь спал. Ему снился невероятно длинный сон. Он **видел огромные толстые деревья — гигантские папоротники и плауны. Они поднимались над теплым дымящимся болотом. Из-под земли вырывались фонтаны горячей воды. Было влажно и жарко.**

Но вот налетел ветер, началась буря. Ветер раскачивал и ломал растения, швырял ветки и стволы. Буря усиливалась, превращаясь в ураган. Ураган валил на землю деревья, и они погружались в теплое-претеплое болото…

— Спите, спите, веточки, листья, стволы, — шептала пузырями болотная жижа, — превращайтесь в уголь, уголь, уголь…

Сонную тишину каменноугольного пласта нарушил глухой взрыв. Что-то сильное и твердое врезалось в пласт и застучало тупо и монотонно: «ту-ту-ту-ту-ту-ту…»

Каменный уголь ломался и крошился. Огромные **железные лапы подхватывали его и волокли к** выходу**. Уголь сопротивлялся, вертелся, пытался выскользнуть. Но не тут-то было! Куски падали на скользкую дорожку и стремительно летели к свету, где стояли вагонетки. Вагонетки ловили падающие куски и увозили их по длинному коридору к широкой шахте, откуда уголь несся вверх, на-гора.**

— Что за зрелище? — сверкнул уголь черными блестящими боками. — Что это?

— Это — солнце!

— То самое? — спросил уголь, с трудом вспоминая свой длинный-предлинный сон. Где же он видел солнце?

— Это было так давно! Миллионы лет назад, во времена деревьев-папоротников. Уголь вздохнул, на мгновение увидав себя огромным красивым деревом с разрезными широкими зелеными листьями.

ПЛАСТМАССОВЫЙ МЫШОНОК

Девочке купили игрушку — серого мышонка. Привязала девочка веревочку к новой игрушке и стала катать по двору. Катала, катала, надоело, бросила мышонка возле сарая, сама домой пошла.

А в сарае жил настоящий мышонок. Вышел настоящий серый мышонок во двор погулять и носом к носу Столкнулся с пластмассовым.

— Эй, приятель! — пискнул настоящий. — Давай играть!

— А как? — спросил пластмассовый.

— В мышат-толкушат, — ответил настоящий. — Я тебя толкаю, ты меня.

Толкнул настоящий пластмассового, а тот отлетел И в лужу упал.

— Ого! — удивился серый мышонок. — Легкий-то какой! И на воде лежишь?! Странный ты.

Подтащил настоящий мышонок пластмассового за веревочку к краю лужи, стал его отряхивать. А он гладкий, и шубки нет.

— Где шерстка-шубка? — спрашивает.

— Нет у меня шерстки. И совсем я не странный! Я — пластмассовый.

— Пластмассовый? — удивился настоящий. — Как это?

—: Я сам не знаю, — ответил игрушечный. — Слышал только, что пластмассу химики делают из газа. Сначала сделают какую-то смолу химическую, потом смешают ее с краской-наполнителем — древесной мукой, чтобы был я покрасивее, крепче и подешевле. Потом все это положат в формочки и — под пресс. Я и готов. Масса-каша, из которой меня делали, пластичная. Потому я и называюсь пластмассовым. У меня много братиков и сестричек. Все на меня похожи, — и пластмассовый мышонок покрутил пластмассовым коротеньким хвостиком.

— И у меня родственников много! — пискнул настоящий.

В это время из-за угла выглянула лохматая рыжая голова с длинными рыжими усами.

— Кот! Бежим! — кинулся к сараю настоящий мышонок, ухватив за веревочку пластмассового. — Съест!

Но кот успел. Сцапал пластмассового мышонка. Обрадовался, сидит, обнюхивает, удивляется:

— Мышь чудная. Не пахнет и без меха. Нет, тут что-то не то. Мяу! Снесу-ка приятелю Мурзику, мя-у!

— Васька, ты куда игрушку потащил?! — закричала девочка, выбегая на крыльцо.

— Ну вот, — обиделся кот, — мышей не полови.

Обиделся Вася и отправился на кухню долизывать в блюдце манную кашу.

РАССКАЗ СПИЧКИ

Горка исписанной бумаги возвышалась на письменном столе рядом со спичечным коробком.

— Не толкайтесь! — возмутилась одна из спичек, когда стопка бумаги сдвинула красивый коробочек. — Не смотрите, что я маленькая! Как чиркну, да как вспыхну! Могу много огня сделать. И тебя, бумага, спалю!

— Зачем же так? — удивилась бумага. — Мы с тобой, спичка, землячки. В одном лесу росли. Я елкой была. А ты осиной. У меня иголочки были, а у тебя симпатичные округлые дрожащие листочки. На латинском языке ты «популюс-тримуля», что означает — «тополь дрожащий».

— Вот я и говорю! — продолжала спичка. — Надоело, еще будучи осиной, дрожать. Быть какой-то там тримулей! Правда, тогда я без огня горела.

— Это было осенью. Листья по осени делались красными, как язычки пламени. И все дерево походило на огромный пылающий костер. Поэтому, наверно, и соломку спичечную из осины делают. Осина упряма. Срубят осину, так от корней сто молодых осинок вырастет! И растет осина быстро. За два года вытягивается выше человеческого роста. За три года — в три раза выше. А древесины за тридцать лет своей жизни накопит столько, что дуб, злейший враг осины, за сто лет не осилит!

— Ни одному дереву за осиной не угнаться! — нервно дергалась спичка в коробке. — Из осины не только лас, спички, делают, а и бочки, корыта, срубы для колодцев, лодки-долбленки, дранку кровельную, — не гниют! Еще фанеру, бумагу, шелк, паркет, мебель, широкие охотничьи лыжи. И горит-то моя осина без копоти, жарко, только потрескивает. А кора осиновая? Лучший заячий десерт! А веточки? Лосиный корм зимой! И я, спичка, простенькая с виду, дешевая, доступная, но очень нужная всем. Я, я...

— Да не хвастайся ты очень! — возмутилась бумага. — И до тебя спички были. А до спичек — огниво и разные химические способы добывания огня. Твоя прабабушка, 1833 года рождения, зажигалась от чирканья даже о подошву башмака. И не гордилась так, хоть и стоила дорого. Сто спичек — один рубль. По тем временам цена огромная.

— Вот видишь, какая у меня знаменитая древняя родня! — проскрипела спичка в спичечном коробке. — А ты дразнишься «популя-тримуля»! Сама ты — тополь дрожащий!

— Родня-то родня, да не слишком многочисленная, — продолжала бумага. — Спичечных фабрик в России вначале было всего-то десяток!

— Это в 1848-м! А в 1889-м — уже триста двенадцать, правда,

маленьких и в основном в Калужской губернии! — запрыгала спичка, выглядывая из коробка. — Посмотри, на моей коробочке об этом и написано и нарисовано. И делали меня вручную. Осиновую палочку щипали, в фосфор макали. Сушили при закрытых окнах. Поэтому лица у рабочих при жизни были такого цвета, как моя палочка. И зубы крошились, и носы проваливались. Все оттого, что фосфор в организм попадал.

— Все это так, — примирительно прошуршала бумага.

А я что говорю? — подпрыгнула спичка. — Производство было вредным. Потому и я вредная, и как Осина, упрямая. Хотя нет во мне сейчас ядовитого белого и желтого фосфора. И чиркаюсь я о коробок, на стенках которого безвредный красный фосфор, мелкое стекло да клей. И палочка моя пропитана жидким стеклом, чтобы не тлела... А вот характер — вспыхивающий! Наследственность, понимаешь? От прабабушки!

— А головушка у тебя из чего? — спросила бумага. — Небось и не знаешь?

— А вот и знаю! Из серы, из бертолетовой соли, и **еще там есть кое-что. А еще я знаю, что мой спичечный коробок появился в начале двадцатого века, изобрел его русский новатор! Что в стране сейчас двадцать пять спичечных предприятий, не маленьких, а фабрик-гигантов. Там все делают автоматы. За один только час автомат выдает полтора миллиона спичек, а фабрики за год более тридцати миллионов ящиков спичек. Целая гора!**

— А ты знаешь, — спросила бумага, — что кроме простых спичек есть спички охотничьи, штормовые, газовые, сувенирные? Что простая, как ты, горит две-три секунды, а штормовая — более десяти? Что есть не гаснущие при дожде и ураганном ветре? Что у газовых спичек — палочка длинная? Что эта палочка, как у итальянских спичек, может быть из скрученной бумаги? А то и из воска, как у «французской пятиминутки»? Что сигнальные горят пламенем разного цвета? Что в мире известно более ста видов спичек? Что...

— И все-то ты, бумага, знаешь! — задергалась еще сильнее спичка. — Я спичка, верно, простая, не какая- то там... Но! Бываю походной, расходной, костры палящей! Могу быть пожаротворящей! Ты со мной, со спичкой, аккуратненько обходись. А не то как запалю! А хочешь, — неожиданно снова предложила спичка, — тебя, бумага, подожгу? Головушка у меня знаешь как чешется. Страсть как чиркнуть хочется!

— Бессовестная ты! — возмутилась бумага.

— Я не бессовестная! — фыркнула спичка, пробежав коричневой головкой по красноватому боку спичечного коробка. — Я — увлекающаяся натура. Знала бы ты, как мне нравится гореть… Это прекрасно! Вспыхнуть и сгореть! — И спичка погасла, оставив после себя коротенькую обуглившуюся осиновую палочку.

— Ну и спичка! — прошуршала задумчиво бумага. — Маленькая, а бедовая.

РАССКАЗ БУМАГИ

— Наконец-то, — прошуршала бумага, — я смогу рассказать свою историю.

— Какую историю? — поинтересовалась шариковая ручка.

— Историю, из которой все узнают, откуда я, бумага, взялась.

— Известно откуда! Из магазина! — проскрипела ручка, торопливо бегая металлическим шариком по белому листу. — В канцелярском отделе мы с вами лежали на одном стеллаже, только на разных полках. Вы — бумага форматная, снизу, а я, шариковая ручка, в ящичке, сверху.

— Я не о том! — прошелестела бумага листочками. — Я хочу рассказать, как меня сделали.

— Ах, вот оно что?! — заспешила шариковая ручка. — Рассказывайте, пока у меня в стержне не кончилась паста. Я люблю истории. Я готова записывать.

— Прежде чем стать бумагой, я была елью. Большой красивой елью, у которой с зеленых пушистых лап свисали длинные еловые шишки. Когда приходили в лес грибники или охотники, они любовались мной и называли красавицей. А клесты хвалили за вкусные семена, которыми они питались и выкармливали зимой своих птенцов. Однажды ко мне подошел человек в очках, постучал по стволу, воскликнул: «Кора-то, посмотрите! Мелкочешуйчатая! Я уже слышу, как играет музыкальный **инструмент! Прекрасная ель! Чудесное может быть пианино».**

Но музыкальным инструментом, — вздохнула бумага, — я не стала… В глухом лесу елей росло так много, что и в летний день стоял сумрак. Пришли лесорубы. Загудели машины, засопели тракторы. Бульдозеры, как огромные черепахи, ползали по лесу, выворачивали деревья, пни, перевертывали землю с кустами и травами. Потом завизжали пилы. Ели падали вершинами в одну сторону. Сучкорубы отпиливали ветки и сучки. Мощные тракторы, обхватив верхушки деревьев железными тросами, тащили стволы на

свои широкие щиты. Нас везли по лесовозной дороге, потом мы плыли по реке, ехали на открытых платформах и, наконец, оказались на бревносвале. Откуда мы, бывшие ели, а теперь только голые стволы, попали на бумагоделательный комбинат. Все его называли целлюлозно-бумажным. На комбинате стволы распилили на бревна длиной в один метр двадцать пять сантиметров и нарекли балансами. Эти балансы и стали переделывать на бумагу.

— А как? — шариковая ручка на минуту остановилась. — Как из бревна сделать бумагу?

— О! Это не так быстро делается, как рассказывается, — зашуршал белый лист. — Бревна покрыты смолистой корой, не ошкурены. Поэтому их пропарили горячей водой, мыли железными щетками. Ты когда-нибудь видела картофелечистку?

— А что? — шарик на мгновение остановился.

— Так вот, в крутящихся барабанах еловые бревнышки-балансы ошкуривались, освобождались от коры, как в картофелечистке картошка очищается от кожуры. Из барабана балансы вылетали чистыми, гладкими, блестящими и попадали в шахту — узкий высокий ящик. Оттуда медленно сползали в машину с ножами и терками. В ней балансы крошились, истирались и из елового бревнышка получалась нежная, мягкая белая древесная масса. Часть этой массы в другом цехе вываривали в разных растворах, очищали от примесей. Получалась волокнистая древесная вата — целлюлоза-клетчатка. «Целлюла» по-латыни значит клетка. Вываренную и невареную древесину перемешали.

— И все? Так просто? — торопливо проскрипел шарик, быстро бегая по недописанному бумажному листу.

— Что ты?! — ответила бумага. — В мешальном бассейне добавили еще всяких веществ и черпаками очень тонким слоем разлили на сетку бумагоделательной машины. С мокрой массы стекала вода, но постепенно масса густела, делалась плотнее и превращалась в сырую бумажную ленту. Но чтобы получить настоящую бумагу, ленту нужно высушить и прогладить. Так она оказалась в сушильной части бумагоделательной машины, на больших горячих вращающихся барабанах, на которых натянуто шерстяное сукно.

С барабана на барабан лента ползла, сохла и скручивалась в огромный бумажный рулон. Почти целый километр бумажной дороги за одну маленькую минутку. Моя мама, бумагоделательная машина, была самой быстроходной

и очень сложной. Не машина, а целое государство, — бумажный шепот на мгновение стих. Помолчав, бумага продолжала:

На других машинах, на так называемых продольно-резальных станках, широкий восьмиметровый рулон разрезали на узкие рулончики. Другие станки бумагу упаковывали. На моем рулоне было написано, что я сделана в Карелии на Кондопожском целлюлозно- бумажном комбинате.

Меня рассылают по всему свету! На все пять континентов мира! На мне печатаются газеты и журналы около трехсот наименований. «Труд», «Правда», «Известия», «Учительская газета», да почти все центральные газеты Советского Союза. Я не говорю уже о республиканских и областных. Как видите, не все так и просто!

— Да я что! Да я ничего! — заскрипел шарик. — Я только спросил. Не сердись. А вот для тетрадей, для учебников и книг, как бумага делается?

— Так же, чуть-чуть только по-другому, — уже спокойнее зашуршала бумага.

В мешальном бассейне в древесную массу добавляют белую глину, разные соли, мел. Добавки делают бумагу белее и плотнее. Мел дает глянец. Если его много — получается мелованная бумага, толстая и блестящая. А для цветной еще и краска нужна. Бумагу можно вырабатывать из ивы, осины, даже из льняного волокна.

Но я — еловая, — напомнила бумага, — от моего бумажного комбината и пахнет приятно — елочками...

— Слушай, бумага, а ты — вещь! — скрипнула шариковая ручка. — Ведь из тебя еще и веревки делают, и мешки!

— Сама удивляюсь! — шуркнула в ответ бумага. -— Чего только из меня не мастерят! Что салфеткой бываю, детской пеленкой, полотенцем, даже с дезинфицирующими и ароматическими веществами, это ты знаешь! Из меня делают простыни, одеяла, белье, похожее на изделие из пушистой шерсти, клеят красивую верхнюю одежду с застежками, молниями, кнопками. И спецодежду для работников кондитерских фабрик, химических заводов, медицинских учреждений. Очень удобно. Проносил денек белый халат и выбросил: стирать не надо, он же дешевый. Я могу предохранять болты, гвозди, винты от ржавчины. Если пропитать меня парафином, хлеб сохраню, не зачерствеет. Могу быть непромокаемой и даже огнестойкой. Ну, а если меня покрыть алюминевой фольгой или полиэтиленовой пленкой, я

сделаюсь упаковкой для чая или пакетом для молока. Из меня даже такую бумагу делают, которая электрический ток проводит! Я и обоями могу быть, игрушкой, картоном, стелькой. Да мало ли где я нужна.

Металлический шарик, лихо бегавший по листу бумаги, неожиданно остановился.

— Что случилось? — прошуршал исписанный лист. Но ему никто не ответил, потому что в шариковой ручке кончилась паста.

В МЕБЕЛЬНОМ МАГАЗИНЕ

В мебельном магазине на рассвете неожиданно возник разговор. Начал его обеденный стол. Он топнул деревянной ногой об пол и сердито пробасил:

— Тихо, мебель! Не благоухать и не рассыхаться! Слушай мою команду! На две стороны... равняйсь! Смирно!

— Я не могу равняться, — блеснув полированными дверками, вымолвил шкаф, облицованный древесиной из красного дерева. — Я слишком выпуклый!

— А я, — скрипнула тумбочка металлическим шурупом, — слишком маленькая. К тому же меня толкает в бок мягкий пуфик. Ему, видите ли, тесно! Его, видите ли, книжный шкаф к креслу притиснул!

— Ну я тут при чем? — звенькнул стеклянными дверками книжный шкаф. — Меня мебельная стойка совсем в угол забила. Стоит себе на виду, секциями хвастается! Ее только и рассматривают, да еще за секретер хвалят. Хо-хо-хо! Сколько перетерпел при изготовлении на мебельном комбинате. И теперь терпи...

— Не рассыхаться! — снова топнул деревянной ногой обеденный стол.

— Что же ты, шкафчик, перетерпел? — вкрадчиво спросило трюмо, отделанное древесиной из ясеня. — Может быть, тебя по-другому делали, чем нас?

— Не знаю... Может быть, и по-другому, но мне досталось. Я же книжный! Не какая-то там тумбочка или пуфик.

— Давай рассказывай! Все равно делать нечего, — заскрипела деревянная мебельная обшивка неструганными дощечками.

— У меня, вы же знаете, — сказал шкаф, — высокое предназначение — хранить книги. Тело мое — сосновое. Родилось оно в прекрасном сосновом лесу. Я до сих пор хранил бы в себе запах смолы дерева, если бы не та тетя.

— Какая еще тетя? — снова заскрипела неструганая обшивка.

— Какая, какая! — неожиданно быстро заговорил книжный шкаф. — Да та, что покрыла меня лаками. Но сначала мои сосновые заготовки в раскройном цехе комбината распилили на бруски, рейки, щиты. Потом стругали рубанками — фуганками, потом сушили, потом полировали. А затем, в сборочном цехе, на станках с каким-то трудным названием, собирали. И вот я — шкаф для книг.

— И меня так делали! — удивлению воскликнул обеденный стол из бука. — И чего тут такого? Зато мы — деревянные, а не из древесной плиты.

— А у вас высверливали места, где были сучки или трещинки? Вставляли туда пробки? А остатки смолы протирали ацетоном и содой?

— Конечно, — ответил обеденный стол, — и сверлили, и вставляли, и протирали. Ну и что?

— Но я потерял свой природный запах! — снова заволновался книжный. — Запах прекрасной сосновой смолы! И все та тетя! Она шлифовала, олифила, шпаклевала меня, полировала минеральными красками и щелочной политурой. Правда, я стал от этого блестящим. Но досталось.

— Подумаешь! Потерял запах, — пробасил из угла дубовый простенок. — Вот меня, как и мою знакомую ореховую кровать, вообще, грунтовали! Деревянные поры забивали наполнителями. Представьте себе смесь, — басил дуб, — из сосновой смолы, скипидара, белой глины и краски. Ну и запах был! А ничего. Красуемся теперь. Ореховую кровать, так ту сразу и купили.

— Чудесный запах! — заговорил снова книжный шкаф. — Запах сосновой смолы, скипидара, запах соснового леса!

Дубовый простенок, не обращая внимания на вздохи книжного, продолжал:

— А вот моего соседа уже не терли, как меня, тампонами да губками. Его из специального пистолета в специальной камере через распылитель красили. Вот техника-то! Но это еще полбеды, — продолжал жаловаться книжный шкаф. — Потом в меня стали ручки да замочки вкручивать! Перетерпел я...

— Он перетерпел! — хохотнула стенка, облицованная красивой ольховой древесиной. — Подумаешь, его полировали! А как же меня, черную ольху, и мою подружку по лесу — липу? Нас стругали, резали, выжигали! Грунтовали, думаете, водичкой? Нет. Кислотами. Серной да

азотной. Это вам не полировочка!

— Сначала мои передние стенки, — продолжала ольховая облицовка, — обрабатывали, как и вас, любезнейший книжный шкаф, а потом покрыли парафином и воском. Потом выскребли на стенке рисуночек и в ванне кислотами протравливали. Затем промыли нашатырным спиртом, чтобы исчезли кислоты. Это совсем не вкусно. А мою приятельницу липу, так ту раскаленными платиновыми иглами жгли. Ну и что? Зато теперь мы неотразимы! Нас рассматривают и хвалят. И купят! Красота, уважаемый шкаф, требует жертв. Вот такие дела.

— Дела, — проворчал буковый стол.

— Дела, — прошуршал кто-то на полке. — Послушаешь, послушаешь других и подумаешь: что твои беды? Тьфу!

— А что с вами произошло? — снова проскрипела любопытная неструганая мебельная обшивка.

— Ничего особенного, просто вспомнили. Мы — декоративные покрытия и декоративные обои. Можем быть полезными, если строите дом, теплоход, вагоны. Сделаны из тонкой фанеры и толстой бумаги. Правда, есть у нас конкуренты — пластиковые отделочные материалы. Но и мы в ходу. Нас тоже и на барабанах жали, и сушили в жаре, и лаками покрывали. Все было. Не жалуемся. Теперь мы — ассортимент!

В углу магазина послышалась возня и похихикивание. Там толпились кухонные гарнитуры, столики, подвесные полки, шкафчики, табуретки.

— Пыль... опилки... стружка... отходы... А стружка, стружка? Синтетические смолы... — слышалось из угла.

— Какая пыль? Какие опилки? Какая стружка? Какая смола? — спросил обеденный стол, сделанный из бука.

— Это мы из них созданы! — шаркнула ножкой широкая кухонная табуретка. — Из отходов лесопилок. В опилки и стружку добавили искусственной синтетической смолы и все спрессовали. То есть и грели и давили. Вот и получилась древесностружечная плита. Плиту распилили на детали. Из деталей нас и склеили, облицевали блестящими пластиками. Мы немножко, — снова шаркнула ножкой табуретка, — тяжеловаты, но зато дешевле вас, уважаемая комнатная мебель.

В этот момент открылась наружная дверь магазина. Мебель умолкла. Одна только деревянная обшивка продолжала скрипеть, потому что ее неошкуренная и даже неструганая рейка оторвалась и, покачиваясь, как бы шептала:

— Скажите... скажите... скажите...

О ЧЕМ ШЕПТАЛИСЬ ЧЕМОДАНЫ

В багажнике машины ехали два чемодана. Один чемодан был из настоящей крокодиловой кожи, другой — из кожзаменителя. Чемоданы шептались.

Покрышки машинных колес тоже не молчали. Они то и дело вмешивались в разговор, спрашивали:

— А дальше что? Что было дальше? Говорите громче! Мы не слышим! Здесь так шумно! Одно шуршание кругом!

Особенно словоохотливым был чемодан из кожзаменителя. Кожаный больше слушал или ерзал по багажнику, мягко поскрипывая старыми ремнями. Что он мог рассказать особенного? Ну поймали крокодила, выделали кожу, из кожи сшили чемодан. Вот и все. А когда это было? Он и не помнит, стар.

— Родился я, — вспоминал чемодан из кожзаменителя, — не на фабрике, где меня сшили, а на комбинате, где делают искусственную кожу.

— Интересно, интересно, — шуршали покрышки. — Интересно, давай дальше, дальше!

— Потому и комбинат называется комбинатом искусственной кожи, сокращенно Искож... — продолжал бойкий чемодан из кожзаменителя.

— Искож, искож, — шуршали покрышки, — надо запомнить.

— А из чего вас сделали? — скрипнул кожаный чемодан.

— Вы когда-нибудь видели хлопок?

— Хлопок? — удивился кожаный. — Конечно, видел, растет он на полях. В хлопковой коробочке — пучок ваты. Из нее хлопчатобумажную ткань выделывают. Как же! Приходилось хранить и перевозить рубашки, платья, белье. Говорят, это — чистая целлюлоза!

— Уж чистая он там целлюлоза или нет, я не в курсе, — продолжал чемодан из кожзаменителя. — Я знаю только о себе. Так вот. На фабриках эту вату гребешками расчесывают в одну сторону, и получается хлопковый прочес. Этот прочес привозят на комбинат искусственной кожи. Здесь рабочие делают из него «слоеный пирог»: на ряд хлопкового прочеса кладут проклеивающую пленку из химической смолы, потом опять хлопковый прочес, только волокном в другую сторону, снова проклеивающую пленку. И так несколько рядов. Затем этот «слоеный пирог» прессуют, сильно нагревают и

сдавливают. Проклеивающая пленка плавится, растекается по расчесанному хлопку, получается плотная искусственная кожа с выпуклым рисунком.

Неожиданно из угла багажника раздался чей-то вежливый голос:

— Позвольте представиться. Я — «дипломат».

— Мы вас заметили, — откликнулся чемодан из кожзаменителя. — Вы — новая продукция, что-то среднее между портфелем и чемоданом.

— Не совсем уж новая, прошу простить, понимаю, нехорошо без приглашения вмешиваться в разговор, — заметил «дипломат», — но я ведь тоже из искусственной кожи, не считая картона и металла. Но хочу вас уверить, что у меня никакого «слоеного пирога» не было! Просто на трикотажную ткань нанесли полимерное покрытие, а сверху, с бумаги, спечатали рисунок. Половичок такой, знаете, трехслойный. Сверху бумага, снизу ткань, а внутри начинка из ПВХ, поясняю: ПолиВинилХлорид. Иногда для начинки применяют и полиуретановый раствор. Прошу извинить за научный язык. Но без научных слов о нашем производстве не расскажешь. А вообще-то, — добавил «дипломат», — сейчас материалы для чемоданов изготовляют, в основном, каландровым методом.

— А все-таки вы были трехслойным пирожком! Были, были, были! — затараторил чемодан из искусственной кожи. — Все так! Почти так! Чуть-чуть по-другому. У нас «слоеный пирог». У вас — трехслойный половичок. Время идет. Вы же моложе меня?

— Не спорьте! — шумно взвизгнули колеса. — А что дальше?

Машина остановилась. Кто-то взял «дипломат». Чемоданы понесли в разные стороны.

— До свидания, до свидания, — поскрипывал старыми ремнями кожаный. — Живите дольше, дольше...

— До встречи, до встречи, — мягко вторил чемодан из кожзаменителя.

— Всего доброго! — брякнул металлическими застежками «дипломат». — Увидимся.

Только машинные покрышки колес молчали. Они думали. О чем? Наверное, о том, из чего они сделаны. А может быть, и совсем о другом.

ОТ ПЕСЧИНКИ ДО ЕЛОЧНОЙ МАКУШКИ

(МАЛЕНЬКАЯ СКАЗОЧНАЯ ПОВЕСТЬ)

СИЛИКОНА

Жила на свете маленькая частица по имени Силикона. Однажды у обрыва, в котором жила Силикона, остановился человек.

— Какая крупная да прозрачная! Просто прелесть! — сказал он, увидев песчинку.

Через несколько дней пришел другой человек и взял песок на анализ. Потом появились машины-экскаваторы. У каждой машины — по одной длинной руке с большими плоскими и острыми пальцами. Экскаваторы черпали песок и переносили в кузова машин. Так маленькая Силикона оказалась в большой песчаной куче.

В подготовительном цехе стекольного завода песчинка познакомилась с известняком и мелом. С этими приятными, крошечными раковинками. Силикона очень удивилась, узнав, что раковинки — симпатичные белые завитушки — хотя и маленькие, а очень старые. Им было несколько миллионов лет.

На заводе Силикона встретила и приятельницу глину. Всегда мягкая и податливая, глина почему-то стала твердой как камень. С ней стало невозможно говорить!

В плотных мешках сидели белые и важные родственники металлов — плюмбовичи и магниевичи. Потом в цех привезли соду. Сода без умолку трещала. От такой трескотни ее кристаллы рассыпались в белый порошок. Но это соду нисколечко не смущало.

— Вот вы: песок, глина, мел, известняк, — торопливо говорила сода, — природного происхождения, так сказать, земные! Меня же в природе почти нет. Я повторяю — почти! А без соды стекла не сваришь! Первую стекляшку человек сотворил шесть тысяч лет тому назад. Из Африки финикийские купцы везли меня, соду. Плыли по Средиземному морю мимо песчаного острова... Увидев остров, купцы решили передохнуть от морской качки, сойти на берег, развести костер и приготовить на земле ужин. Высадились, стали искать камни для очага. А камней нет, Кругом один желтый песок.

Притащили моряки с корабля несколько больших кусков соды, обложили костер, приготовили ужин. Утром разгребли золу, чтобы раздуть огонь, и увидели под остывшими углями твердый, прозрачный, как вода, слиток. Подняли его. На солнце слиток засверкал, заиграл всеми цветами радуги. Ахнули купцы, но догадались, что прозрачный камень возник из соды, песка и огня. Так люди впервые увидели стекло.

— Вот что я знаю! — трещала сода. — Так что, кумушка-соседушка, песчинка Силикона, мы очень нужные вещества. Да и

без вас, мои друзья, глина, мел, известняк, дорогие уважаемые родственники металлов, стекла не сваришь!

— Мы, — буркнула жесткая глина, — сырье!

НА СТЕКОЛЬНОМ ЗАВОДЕ

На стекольном заводе интересно. Сначала сырье дробят, потом просеивают, взвешивают, а уж потом высыпают в большой ящик-бункер. Из бункера - в печку, где варится стекло. В печке ярко, красиво, но слишком жарко.

Жидкое горячее стекло — это раскаленная желто-красная река. Большие огненные каплищи отмеряются машиной и попадают в форму. Формы обжимают капли, превращая жидкое стекло в стаканы, вазочки, во флаконы для духов, в бутылки. Да мало ли во что еще?

Раскаленные докрасна изделия остывают, бледнеют и попадают на движущийся половичок-конвейер. С него — снова в печку, для закалки, чтобы не лопались. А уж потом — на сортировку и упаковку.

Силикона попала не в графин, не в вазочку, не в бутылку, а в длинную трубку, которую называли пулькой.

— Счастливая партия! — сказала молодая упаковщица. — Поехали на Завидовскую фабрику игрушек.

Силикону действительно повезло. Какой песчинке, пусть и в новом виде, не хочется жить в яркой и красивой елочной игрушке?

Работница взяла в руки стеклянную трубку-пульку, нагрела на газовой горелке. Трубка покраснела, раскалилась, стекло размякло. Работница растянула трубку, получилось две, с остренькими кончиками. Это — заготовки для будущих елочных макушек. Затем работница еще раз нагрела трубку с острым концом и слегка в нее подула. Размягченное стекло на глазах превратилось в шар. Передвинула работница трубку дальше в пламя, снова нагрела, снова подула — образовался другой шар. Приложила к нему штамп из металла, получилась вмятина. В каждом шаре сделала по четыре вмятины. Трубка превратилась в макушку для елки.

Но макушка еще не готова. Это только стеклянная заготовка. Чтобы она стала яркой и нарядной, придется еще много поработать художникам.

РАССКАЗ ХЛОПУШКИ

— Вы раньше никогда не жили в магазине? — спросила хлопушка у рулона цветной бумаги. — Нет, не в гастрономическом, а в игрушечном? В игрушечном очень даже интересно, особенно ночью. Как только погаснет свет, на прилавках, в ящиках, на полках начинается возня. Не верите? А

откуда берутся разбитые елочные украшения? Лопнувшие надувные шарики? Оторванные уши у зайцев? Отклеившиеся пуговки на мордочках у медведей? Не знаете? А я знаю. Это все гномы! Их проделки! Они в каждом магазине живут, маленькие человечки с проворными ручками и ножками, розовыми толстыми щеками, в колпачках с кисточками, — закончила рассказ пустая завистливая хлопушка.

СТАРШИЙ ГНОМ И ЕГО ДРУЗЬЯ

Вот и сейчас гном вылез из-под старого диванчика и направился к ящику с игрушками. Из-за пианино выглянул ушастый зайчишка.

— Гном! — шмыгнул заяц носом. — Пора елку наряжать.

Старший из гномов засунул в рот два пальца, молодецки свистнул, на прилавок высыпало еще шесть гномов. Они мигом притащили елку, правда, не настоящую, синтетическую.

— Звень, звень! Разрешите? — постучал старший гном по ящику, в котором лежали елочные игрушки.

— Входите! — ответила цветная макушка. — Входите, если сможете.

— Мы на минуточку, хотели только взглянуть, — смутился гном, увидев необыкновенно красивую макушку. — Откуда вы, позвольте узнать?

— Мы завидовские, — зазвенели елочные.

— Завидовские?! Сразу видно — завидные!

— Завидные! — хором поддакнули остальные гномы. — Завидные!

— А почему вы такие блестящие и яркие? Как это вас так сумели сделать? — спросил самый маленький из гномов.

— Рассказать? — звенькнула красивая цветная макушка. — Про стекло, конечно, знаете?

— Слышали, — степенно ответил старший гном.

— И били, — добавил маленький. — Не нарочно, конечно, случайно.

— В старое время, — сказал один из средних гномов, — в стене дома вместо окна была дыра, затянутая бычьим пузырем.

— А теперь, — хмыкнул маленький, — куда ни сунься, все стекло да стекло. Живешь, как на витрине.

— Вы продолжайте, уважаемая макушка, — старший гном незаметно дернул маленького за полу кафтанчика.

— Так вот, — сверкнула макушка блестящей щечкой. — Мы сделаны из стекла. А чтобы быть серебряными, нас алюминием покрыли.

— Каким алюминием? Из которого кастрюли делают? — спросил третий гном. — Вас прямо в куски заворачивали?

— Зачем в куски? — возмутилась макушка. — Вы серебряную бумагу видели? Тонкую, в которую шоколад упаковывают? Или потолще — крышки на молочных бутылках? Эти тонкие пластинки сделаны из металла алюминия и называются алюминиевой фольгой.

— Теперь ясно! — снова хмыкнул самый маленький из гномов.

— Чтобы нас покрасить, — продолжала стеклянная макушка, — фольгу режут на узкие полоски длиной в один-два сантиметра. Полосочки развешивают на спиральках, как на веревке белье. Спиральки же — из самого тугоплавкого металла — вольфрама.

Висят алюминиевые полосочки на вольфрамовых спиральках в специальной камере, где на подставках стеклянные заготовки будущих игрушек. Как только камеру закроют, включат ток, загораются красные, зеленые, синие огоньки. По этим огонькам — глазам камеры, рабочие и узнают, правильно ли идет покраска стекла алюминием.

— Дело в том, — звенела стеклянная макушка, — что от электрического тока накаляются вольфрамовые спиральки. Алюминий от большой, жары превращается в алюминиевый пар. Пар этот оседает на прозрачном стекле. Получаются серебряные шарики, шишки, деды-морозики или елочные макушки.

— А вот у вас, — почтительно показал старший гном, — по бокам малиновые вмятины. И вся вы такая румяная! Как это получилось?

— Очень просто! — снова зазвенела веселая макушка. — Нас лаками обливали. А где вмятины, из пульверизатора фыркали.

— А откуда ромашки на вашем платье? — спросил шестой из гномов.

— Художница кисточкой нарисовала!

— Как интересно! — запрыгал опять самый маленький из гномов.

— Интересно-то, интересно, да скоро утро! — вздохнул четвертый.

— Смотрите! — крикнул пятый. — На часах стрелки внизу, и реклама погасла. А мы елку так и не нарядили!

— Правда! — сверкнула красивая елочная макушка двумя разрисованными шарами.

— Точно, не нарядили, — тряхнул ушами заяц, прыгнув за пианино.

— До вечера, гномы! — свистнул старший и исчез под мягким диванчиком.

На прилавке же остались лишь зеленая пушистая елка, рулончик цветной бумаги да раскрашенная пустая хлопушка.

Часть четвертая ТАЙНА «ЗЕЛЕНОГО ЗОЛОТА»

Ты чего скрипишь, береза?
Стынут корни от мороза.
Ты чего вся побелела,
Прячешь ветки в кружева?
Я совсем заледенела...
Но не бойся — я жива...

— Мы знаем тайну, тайну... Мы знаем тайну, тайну... — прошелестела березовая листва. Молодые пахучие листики нежно благоухали. Пчелы, пролетавшие мимо, на мгновение замирали в воздухе, сожалея о том, что береза не медоносна, а время сбора выделений пазушных почек, дающих лечебный пчелиный клей — прополис, наступит в разгар дня.

— Какими прекрасными были наши липкие березовые почки, — торопливо переговаривались зелеными язычками гибкие тоненькие веточки. — В них столько сладости, полезности, красоты. А березовые веники?

— А сок наш? — вторили им толстые ветки. — Прохладный березовый сок?! Живительная влага! Волшебная сила жизни! А квас какой? Шипучий напиток из него? Добавь лишь ржаного хлеба да консерванта — дубовой коры, а хочешь и изюминку брось!

— А наша березовая древесина, белая, плотная! — трепетала на ветру нежная узкая берестяная полоска. — Чего только не мастерят из нее? Оглобли — длинные. Телеги — крепкие. Ложки — звонкие, гладкие. Ружейные стволы — ловкие. Шары — круглые, прыгучие. Лыжи — быстрые, прочные.

— А березовая кора? А береста? Чудо природы. Расписная, узорчатая, для любой поделки пригожая. Не ленись, прохожий! Поклонись березе, а то — ремеслом займись.

— Не дерево, — перебирал листьями шалун-ветер, — красота неписаная. Веточки у березки что косы русалочьи! Стволы — что ноженьки девичьи.

— Мы знаем, знаем тайну «зеленого золота», — лепетали березовые листочки. — Знаем, знаем, знаем... Идите к нам, к нам, к нам... Мы все покажем, скажем, скажем...

В нашем доме почта. На почте можно опустить в ящик письмо, отправить телеграмму или послать посылку. Посылка — это мешок или фанерный ящик. Посылку с подарками перевяжут веревкой-шпагатом и на узелок из горячей баночки положат ложку коричневой сургучной каши. Затем работник почты прижимает сургуч печатью.

Однажды к нам в гости приехал дед, он ученый, много знает о растениях и животных. Мы с ним пошли на почту, и я спросил, что такое сургуч. Дед на вопрос не ответил, а предложил отправиться в лес.

— Подышим, — говорит, — легкие очистим от городской гари, от бактерий да микробов разных. Растения — целая зеленая фабрика, вырабатывающая фитонциды. А хвойный лес — самый сильный враг микроорганизмов. Там и поговорим о сургуче. Потерпи, внук, разговор будет долгим.

Когда автобус остановился у кромки леса, я закричал:

— Дед, смотри, сосна! Она, как и елка, с иголками. Только иглы у ней длиннее и тверже. И кряжистая! Я знаю почему. На опушке растет. Никто ей не мешает. Вот ветки и поразвесила.

— И ствол у сосны голый, — добавил дед, — с медным отливом. Солнечное дерево. А эти сосны — корабельные, — сказал дед. — Видишь, какие высокие да стройные?

— Раньше из таких сосен корабли строили! — продолжал я показывать свои знания.

— Строили, и мачты делали, и дома, и мебель, — откликнулся дед. — Да и сейчас из сосновой древесины детали для сборных стандартных зданий производят. Даже для двухэтажных. Не дом, а одно здоровье! — крякнул дед. — Сама сосна до четырехсот лет живет и человеку того же желает.

— Сосновый бор называют зеленым помощником. Под ним — влажная земля, черничник это любит. А на пригорке, где суше, брусничник растет. Идя по такому лесу, обязательно встретишь и рябину, и можжевельник, и зеленые мхи.

Мы шагали по сосновому бору и рассматривали растения. Потом дед предложил:

— Давай-ка, внук, присядем. Что-то ноги попросили. Засиделся, видно, у вас в городе. Вот коленки и заскулили. А может быть, старею.

— Ты, дедушка, у нас молодец. Просто устал. — Мы уселись на белый ломкий мох.

— А вот здесь почва бедная, песчаная или каменистая, —

рассказывал дед. — Значит, рядом должен расти вереск, толокнянка. А белый мох, на котором мы сидим, называется ягелем, или оленьим. Ягель, точнее, не мох, а лишайник. Оленьим его называют потому, что его олени едят. Зимой копытами снег разгребают, достают ягель и едят. У северных оленей вся надежда на ягель.

Потом мы шли по болоту, пробирались среди мягких кочек.

— Это — сфагнум, — говорил дед, выжимая белесый мох, из которого текла вода. — Если сфагнум высушить, получится пушистый мох. Издавна повелось так: строят из бревен сосновых дом, а пазухи между бревнами прокладывают этим мхом, конопатят то есть.

— Дедушка, а почему сосны здесь такие маленькие?

— Это — сфагновые сосняки, — пояснил опять научным языком дед. — Здесь должны расти багульник, голубичник, болотный мирт. Да вот его заросли! А сосенки хоть и маленькие, а удаленькие. Ты посчитай, сколько у них этажей?

— Каких это этажей? Как их считать? — удивился я.

— Очень просто. Смотри. Вот от ствола отходят в разные стороны ветки — один этаж. Выше — опять от ствола отходят ветки. Это — второй этаж. Каждый этаж — год роста дерева. Считай выше!

— Еще этаж! Еще этаж! Четыре этажа. Значит, этой сосенке четыре года?

— Значит, четыре года.

— А эта сосна старше меня. Ей тринадцать лет. А почему сосны такие низенькие? Солнца же много?

— Солнца-то много, да на болоте растут, холодно корням. Плохо им здесь. И березки такие же крохи. А вообще-то сосна неприхотлива. Растет и на равнине, и в горах. На крутых склонах, где один камень. Растет и на песке, и на глине, на черноземе, и даже, как видишь, на болоте. Не боится она ни жары, ни холода. Сорок градусов тепла или мороза — ей нипочем. Переносит засуху и дождь. Выносливое дерево. Потому и растет везде, от западных границ Советского Союза до Тихого океана, от южных широт до лесотундры. Вот что такое сосна — жемчужина леса!

СОСНОВЫЕ ШИШКИ

— Дедушка, а почему у сосен разные шишки? Красные,

зеленые, коричневые! — снова стал я приставать к деду.

— Сосна сейчас цветет! Зеленые шишечки опылят красные. Из красных получатся настоящие сосновые шишки, с крылатыми семенами. Но сначала эти красненькие позеленеют, станут смолистыми, потом превратятся в коричневые и твердые. Вот они, видишь? Круглые, раскрытые. Сразу узнаешь, что сосновые. У елки шишки длинные, чешуйчатые.

Поглаживая сосновую ветку широкими шершавыми ладонями, дед продолжал:

— Пока шишки и зеленые и красные молоденькие, в них содержатся вещества очень полезные больному человеку. Из них в аптеке делают настойки. От красных — уменьшается у человека боль в сердце, от зеленых — понижается кровяное давление. Ранней весной в набухших сосновых почках много витамина С. Отвары помогают при кашле, при заболевании почек. Да что я тебе рассказываю? Мал еще, не поймешь.

— Совсем и не мал, — обиделся я. — Скоро одиннадцать, я все понимаю.

— Ну раз большой, — примирительно крякнул дед, — слушай дальше.

ЛЕСНЫЕ СОКРОВИЩА

— Химики подсчитали: крона сосны или елки стоит больше, чем ее древесина. Выходит, люди рубили деревья, брали самую дешевую часть — древесину, а дорогую сжигали. Вместе с дымом в небо улетали сотни тонн животворных веществ, лесных сокровищ: фитонцидов, хлорофилла, ферментов, гормонов, белков растительных, жиров, витаминов. Столько лесных сокровищ! Про витамины ты знаешь! Название произошло от латинского слова «вита», что означает «жизнь». За что ценят морковь? В ней склад каротина — ближайшего родственника витамина А. В хвое же каротина в восемь раз больше, чем в моркови, а витамина С — в семь-восемь раз больше, чем в лимонах! Слышал про витаминные напитки, лесные лосьоны, про зубные пасты, хвойные мыла? Так вот, в них тоже содержится сок, выжатый из еловых лап и сосновых веток. Что ни говори, хвойные растения — лесные сокровища. Вот она какая, жемчужина леса!

— И сургуч из сосны? — догадался я. — Он тоже из нее?

— Потерпи чуток, расскажу и про сургуч, — обещал дед.

СОЛНЕЧНЫЕ КАПЛИ

— Вот ты, дедушка, сосну назвал жемчужиной. А почему?

— Сам посуди! — оживился дед. — Дерево-то какое? И бревна и доски. Хочешь дома строй, хочешь — мебель делай. Ты слышал о деревообрабатывающей промышленности?

— В школе говорили.

— А о живице? Смотри. На коре выступил сок сосны — смола. Желтая, густая, пахучая, прозрачная, словно солнечные капли. Помажь смолой трещинку на своем пальце, трещина и заживет. И у сосны на стволе смола раны заживляет. Отсюда в народе прозвали сосновую смолу, сок дерева — ЖИВИЦЕЙ, от слова заживлять.

Высохнет смола, станет похожей на серу. Поэтому сосновую смолу еще и СЕРОЙ называют. А смолистый наплыв на дереве — БАРРАСОМ.

Чтобы собрать смолу, на стволе делают надрезы, похожие на рыбьи хребты. Под надрезы подвешивают горшочки.

— А кому эта смола нужна?

— Как кому? — удивился моему вопросу дед. — Людям! У нас на Руси с двенадцатого века смолу гнали, с заграницей торговали. При царе Петре I смола считалась воинским припасом. Шла она для «чадовых», «светящихся и огненных ядер», для «зажигательных стрел». Кипящей смолой врагов обливали. Днища в судах, корабельные канаты смолили, колеса смазывали. Под названием «вар» используют смолу в кожевенном деле при шитье обуви. А еще из смолы делают скипидар и канифоль.

— А сургуч?

— Сургуч из канифоли добывают. — Совсем я тебя замудрю, — сказал дед, усаживаясь на широкий пень.

— Дедушка, но я должен знать про коричневую кашу! Сашке обещал. Я пойму, ты рассказывай.

СОСНОВЫЕ ДУХИ, КАНИФОЛЬ И СУРГУЧ

— Понюхай-ка смолу еще разочек, — предложил дед. — Что скажешь? Нравится? Духи, право! Люблю, сосновым лесом пахнет. Это живичный скипидар выделяется. Если сосновую смолу обдать горячим паром, будет его много. Скипидар олифу хорошо растворяет. В текстильной промышленности им хлопчатобумажные ткани пропитывают, чтобы лучше прокрашивались. И называется это «ситцовкой».

Из скипидара еще вырабатывают вещество под названием ПИНЕН. Из него получают разные мази, целлулоид, даже духи с запахом сирени. Из пинена и камфору делают, лекарство такое.

Раньше камфору из Японии и Китая привозили, добывая из коры камфорного дерева, а теперь из сосновой смолы.

— Ты когда-нибудь видел канифоль? — неожиданно спросил дед.

— Видел. Папа железку паял, паяльником канифоли касался. Канифоль на янтарь похожа. Я раз даже спутал их. Только канифоль крошится, а янтарь нет. А почему канифоль так странно называется — КА-НИ-ФОЛЬ?

— Есть одна история, — сказал дед, вставая с пня. — Слово «канифоль» — греческое. Произошло оно от названия города древней Греции — КОЛОФОНА. Жители его умели перерабатывать сосновую смолу. Ее накладывали в глиняный горшок, отверстие закрывали войлоком из овечьей шерсти и нагревали. Выделялся скипидар, шерсть его впитывала. В горшке оставалась густышка — канифоль. В России это вещество в девятнадцатом веке назвали КАЛОФОНЬ, КАНИФОНЬ. Название чуть изменилось, получилось слово КАНИФОЛЬ.

Сейчас канифоль получают в специальных цилиндрах. Применяют в судостроении, при изготовлении бумаги, чтобы чернила по ней не расплывались, в медицине, как мастика и пластырь.

Канифолью натирают смычки для музыкальных инструментов. При варке мыла добавляют. От этого мыло лучше мылится и пенится. Канифоль идет для получения лака, искусственной олифы.

Если канифоль нагреть без доступа воздуха, то он дает камфорное масло. Камфорное масло — это и колесная мазь, и смазочные масла, и для полиграфической краски годится. А вот самый остаток от нагрева канифоли, коричневая каша, и есть сургуч, о котором ты все время спрашиваешь. Теперь знаешь из чего?

— Из сосновой смолы, а вернее, из нагретой канифоли, от которого взяли камфорное масло.

ЯНТАРЬ — СМОЛА ДРЕВНЯЯ

— Так вот почему, дедушка, янтарь на канифоль похож! Он тоже из смолы.

— Из смолы, только древней, — подтвердил дед, — по для этого ей надо было упасть либо в море, либо пролежать в земле. И не менее ста тысяч лет. Янтарь — смола очень древних растений.

— Значит, янтарь, канифоль, сургуч — родственники. Все они

из сосновой смолы. Только янтарь старше их на сто тысяч лет. Красивый янтарь! А если его потереть об рукав, к нему бумажки и перышки прилипают.

— Прилипают, — кивнул головой дед. — На это еще двадцать веков тому назад обратил внимание греческий философ Фалес. А Уильям Гильберт, придворный врач английской королевы Елизаветы, установил, что многие вещества обладают этими свойствами — притягивать легкие тела. Притянут, а потом оттолкнут, будто ветром сдунуло. Пальцем натертую вещь тронешь — искра, потрескивание, а палец будто укололи. Это — электричество. Гильберт впервые и употребил слово «электрика» — от греческого слова «электрон», что значит — «янтарь».

— Ай да янтарь! — крикнул я. — И электричество, значит, от янтаря называется электричеством! Как здорово много знать! И чем больше знаешь, тем больше хочется узнать, правда, дедушка? Я жил, и сосна жила. Теперь я не просто живу. Я много знаю о сосне. Хорошее дерево. И чего только из нее не добывают! Сколько смолы надо, чтобы скипидар да канифоль получать? Так все деревья загубят!

— Много смолы надо, — согласился дед, постукивая посошком по сосновому пню. — Но для этого не обязательно деревья рубить. Живицу можно добывать из древесины. А лучше всего из старых, никому не нужных полусгнивших сосновых пней. Из пней получают смолу самого высокого качества. Раньше это называли «курением в ямах».

— Здорово! Правильно, дед. Пусть сосны растут. Они такие красивые, и правда, настоящие ЖЕМЧУЖИНЫ ЛЕСА.

— Да ты, я вижу, — философ! Дыши, знай! Убивай в себе всякие микробы. Сосновый лес — одно полезное удовольствие. Здесь одни приятные здоровью запахи. Кстати, ученые подсчитали: сосны и ели с одного гектара леса выделяют в сутки пять килограммов фитонцидов. Их хватило бы, чтобы убить всех микробов на улицах и в домах большого города. ДЕРЕВЬЯ — это ЛЕГКИЕ ЗЕМЛИ.

Мы для дыхания употребляем кислород, а выделяем углекислый газ. Растения же, наоборот, за счет углекислого газа растут, а выделяют чистейший кислород. Чем больше растений, тем больше чистого воздуха.

— Вот теперь, дедушка, я расскажу Сашке не только про коричневую кашу — сургуч. Я ведь теперь столько знаю о лесе!

МАЛИНА И МУРАВЬИ

Разговаривая, мы с дедом подошли к зарослям малинника.

— Сильная малина. Ягод нынче много будет! — воскликнул дед. — А крапивы-то, гляди, сколько!

Посреди малинника возвышается старый пень. Пень весь источенный и трухлявый. Коричневая кора отваливается кусками, с одного бока к пню прижался муравейник. Один за одним бегут куда-то, спешат муравьи.

— Да ну их! — сказал я деду, засовывая конфетину в рот. — Не люблю муравьев, того гляди, укусят, пошли.

— И надобно тебя муравьиной кислотой пугнуть, чтоб лес не засорял! — нахмурился дед. — Вот ты фантик бросил и пошел. А она, эта бумажка, пролежит в лесу не менее трех лет, пока природа ее «переварит». Или, к примеру, консервные банки — лет пятнадцать — двадцать проваляются. Не думают об этом люди: бутылки, битое стекло в лесу бросают. А ведь осколки могут солнечные лучи собрать в кучку. И сработают эти стекляшки как увеличительные стекла. Затлеет, вспыхнет сухая хвоя. Вот тебе и лесной пожар.

Я вернулся, поднял фантик, положил в карман. Мне стало стыдно за свой поступок. Чтобы скрыть неловкость, спросил у деда:

— А правда, что жители одного муравейника за один только день уничтожают сто тысяч вредных насекомых?

— Верно, — задумчиво молвил дед, шагая по лесной тропе. — В моем лесничестве много муравейников. Приедешь, посмотришь на их терема. Муравей — сила. Интересное животное. А сколько таит в себе еще загадок! Ученые давно наблюдают за муравьями и другими насекомыми. Например, вожак саранчи созывает свою прожорливую стаю «песней», пчелиная матка — повелительным жужжанием. Муравьи, даже не видя друг друга, находясь на большом расстоянии, как-то переговариваются между собой.

Оказывается, у муравья есть особые железы, которые непрерывно выделяют капельки пахучих веществ — феромонов. Капельками он и замечает дорогу, как бы «роняет слова». Их «прочитывают» другие муравьи. А слова-то разные. Обидели муравья — он выделит капельку феромона «тревоги». Почувствовав запах тревоги, заволновался муравейник, из подземелья наружу повалили воины, раскрыв воинственно свои клещи. Другие «слова» подсказывают муравьям обмениваться пищей, строить муравейник, служить матери-королеве, ухаживать за потомством.

Одним словом, говорят муравьи химическим языком. И обидчика поражают жгучей муравьиной кислотой. Люблю

муравьев, — закончил дед, — уж очень трудолюбивые, дружные да храбрые!

ЕЛОЧКИ

Елочки-дюймовочки,
Зелененькие челочки!
Как родились, нарядились,
Но ничуть не загордились,
По лесам приметливы,
С солнышком приветливы.

У крошечной елочки маленькие еловые лапочки. И сама елочка пушистая, маленькая.

— Откуда я взялась? — спросила как-то елочка-**дюймовочка свою** соседку. Соседняя елочка росла рядом и была такой же крошечной.

— Не знаю! — ответила малышка. — Спрошу и **я** свою подружку.

Вторая елочка спросила третью, третья четвертую.

Оказалось, что таких маленьких елочек — целый лесок. И никто из них не знал, как они тут появились.

— Откуда мы? — зашумели зеленые елочки и замахали крошечными пушистыми лапками.

— Откуда, откуда! Оттуда! — весело и деловито просвистел молодой клест-еловик, махнув крылом в сторону темного елового леса. — Там ваши родители растут.

— Родители? — еще больше удивились и заволновались молоденькие ели. — А кто они?

— Как кто? — в свою очередь удивился клест-еловик. — Известное дело — елки. Ели — ваши родители. Я-то уж, поверьте мне, знаю. Все наше большое семейство клестов-еловиков пасется там на еловых шишках. В шишках семена, мы их и достаем. Видите, какой у меня клюв? Специально для еловых шишек. Еловые семена — это очень вкусно. Вот только ветер иногда развеет их но свету, семена-то крылатые. И нам тогда достаются пустые шишки.

— Вот почему мы здесь, а родители там! Значит, мы улетели? — замахали крошечными лапками елочки. — Это далеко?

— Не так уж и далеко, — продолжал словоохотливый клест. — Только вы не улетели. Вас вырастили из семян ребята, пионеры из школьного лесничества, в специальном питомнике, а потом сюда пересадили. В старом еловом лесу

тесно. А здесь вам хорошо, светло. Сидите вы рядками, не толкаетесь. Правильно растете. Мой товарищ, клест-сосновик, специалист по сосновым шишкам, рассказывал, что в Заозерье эти ребята сейчас сеянцы сосен высаживают. Много-много молодых сосенок, целый сосновый лес будет. Их тоже в питомнике вырастили.

— Как интересно! — замахали лапками маленькие елочки.

— А когда мы взрослыми станем? Когда и у нас семена будут? — спросила самая маленькая из елочек.

— Не скоро, — просвистел клест-еловик, — лет тридцать-сорок пройдет...

— Как долго! Пока ждешь — и умрешь, — вздохнула крошечная елочка.

— Глупости! — сердито просвистел клест. — Ели живут долго, более двухсот лет. **А** тебе всего-то три года. Моей приятельнице кормилице-елке— сто пятидесятый год пошел. **А** какая красавица! Высокая, стройная. **А** шишек-то на ней! Гроздьями висят. Не шишки — загляденье! Не шишки — объеденье!

— Эта наша мама? — наперебой заговорили елочки.

— Может быть. Все может быть. Там таких елей много-премного.

— Клестик, миленький! — хором зашумели елочки. — Передавай елям привет от нас. Скажи, что зеленеем на славу! Растем хорошо и дружно!

— Передам, елочки! Обязательно передам! — весело просвистел клест-еловик, улетая в сторону старого елового леса.

САМАЯ БОЛЬШАЯ ЯГОДА

— Я — самая большая ягода, — сказал большой арбуз маленькому.

— Да? — удивился маленький арбуз. — А я и не знал.

— **Я** — плод стелющейся лианы, у которой есть усики. Ими она цепляется за почву.

— Да? — снова удивился маленький. — А я и не знал.

— **Я** родом из пустыни Калахари, что в Южной Африке. **Я** — засухоустойчивое растение.

— Да ну! — снова удивился маленький. — **Я** ведь тоже арбуз.

— А ты думал, — спросил большой арбуз, — почему мы круглые и почему в нас сладкий сок?

— Нет, не думал, — промолвил маленький арбуз. — Я еще

зеленый.

— Так вот, — продолжал большой. — Мы — арбузы, родом из пустыни Калахари, хоть и выращивают нас в другом месте. Когда выпадает много дождя, наши ягоды покрывают пустыню почти сплошным ковром. Нас едят слоны, носороги, антилопы, львы, гиены. Жадно поедают шакалы, мыши. Из нас выпадают семена, течет сок. От сока земля делается влажной. Сладкий сок приклеивает наши семена к почве, поливает ее, и мы прорастаем. Сильные ветры и потоки дождевой воды перекатывают наши зеленые шары на далекие расстояния, сгоняя их в низины. По дороге мы подпрыгиваем, как мячи, раскалываемся и теряем семена. И снова прорастаем.

— Надо же? — удивился маленький арбуз. — А я и не знал.

— Да что с тобой говорить! — махнул сухим хвостиком большой арбуз. — Ничего ты не знаешь!

— Нет, знаю! Я вот из-под Ленинграда, только меня поторопились сорвать. А мои соседи из-под Астрахани и Таджикистана.

— Да ну? — удивился большой арбуз. — Я и не знал.

КУХОННЫЕ РАСТЕНИЯ

На грядке росли петрушка и сельдерей. Между ними возвышались пушистые кустики укропа. Солнце клонилось к забору. Ветер утих и смирно лежал на тыквенных грядках. Все в огороде располагало к беседе.

— Я, — молвила молодая нежная петрушка, — сейчас у людей в почете. А раньше меня считали символом горя. Из меня, в дни печали, делали венки. Веточки мои вплетали в букеты роз, чтобы люди помнили, что веселье — не вечно.

— А у меня другая биография, — прошуршал сельдерей темно-зелеными листьями. — Еще в древней Греции мной украшали комнаты в дни праздников. Моими венками награждали победителей в состязаниях. Даже в скульптурных украшениях можно увидеть изображения моих листьев. А на монетах острова Сардиния нарисована красивая ваза, на которую опирается женщина. А в вазе — я, сельдерей!

— И я, — мягко напомнил о себе укроп, — в древности считался красивым растением. Да и сейчас не плох. Мой запах, как говорили люди, ценили не меньше, чем запах роз. Древнегреческая поэтесса Сафо (Сапфо), жившая в седьмом-шестом веке до нашей эры, меня прославила в стихах: «Венком обхвати, Дика моя, волны кудрей прекрасных, нарви для венка

нежной рукой, свежих укропа веток...»

— А теперь, клянусь чесноком, как говорили египтяне, — вмешался в разговор длинный чеснок с соседней грядки, — всех нас называют кухонными растениями, хотя в древности я считался символом бессмертия. Ну и пусть называют! Главное — мы полезны! Это лучше, чем быть сорняком! — махнул чеснок перышком в сторону лебеды, торчавшей у забора.

— Я тоже кухонный, — вставил словечко лук, — и этим горжусь! Мои дикие братья до сих пор растут на полях и в лесах. В горах Тянь-Шаня столько лука, что китайцы назвали эти горы Дзинг-Линь — Луковые горы. Давным-давно греки называли меня «луком победным», что означает по-гречески — «панцирь». Рыцари под стальными латами носили мои луковки как талисманы. Я входил в состав бальзамов. Тело умершего человека обкладывали луком и чесноком.

С древних времен врачи считают, что мой луковый запах спасает людей от болезней. Это верно. Я вырабатываю летучие ядовитые вещества, которые несут смерть микробам-невидимкам. Эти вещества — фитонциды — за несколько секунд убивают всех микробов, что находятся поблизости. «Лук — от семи недуг», — вот как обо мне говорят люди! — от такого красноречия лук еще больше позеленел и заблагоухал так луковым ароматом, что ветер, дремавший на соседней грядке, чихнул, заворочался. А раз проснулся ветер, шепот трав уже не услышишь.

ЧЕРНАЯ ЯГОДКА

Хозяйка с полки уронила банку со специями. Черная горошина перца запрыгала по столу и попала в пакет с лавровыми листьями.

— Привет! — сказала черная горошина.

— Привет, — вежливо откликнулся пахучий лавровый лист. — Откуда ты такая шустрая?

— Я с «острова пряностей», не слышал? Это в Индии. Ягодка с лианы. Вот кто я.

— Ягодка? Такая черная и сухая? — удивленно воскликнул лавровый лист.

— На лиане я была красной, потом желтой. А когда меня высушили, стала черной. Но я — лиановая ягодка!

— Ну и ягодка! — лизнул горошину лист. — Горькая.

— Что ты понимаешь в ягодах, пахучий куст! Суповая приправа! В середине века нас ценили наравне с золотом! Горошинами черного перца расплачивались, как деньгами.

Корабли оценивали по тому, сколько в трюм вмещалось перца. Купцов, и тех называли «мешками перца», а не «денежными мешками». Да без меня какой вкус у супа?!

— Не горький, — спокойно отвечал лавровый **лист.**

— Но мы, вместе с другими пряностями — гвоздикой, корицей, считаемся лекарственными, улучшающими пищеварение! Нас любят, потому и везут из далеких стран! — кричала маленькая сухая пахучая горошина.

Лавровый лист вздыхал. Он хотел сказать черной горошине, что и сам с очень красивого дерева, растущего на Кавказе. Что лавровое дерево в древности было посвящено античному богу Аполлону — покровителю науки и искусства. Что слово «лауреат» означает — увенчанный лаврами. Что лавровый венец — символ признания и славы поэта, мыслителя, победителя олимпийских игр.

Но ничего не сказал лавровый лист. Он скромно молчал, слушая гостью. Не случайно в переводе с **ла**тинского языка дерево, листья которого известны **как** пряная приправа, называется «лавром благородным».

ЛЯГУШОНОК

Зеленый лягушонок сидел на камушке и таращил на все глаза. Прилетела стрекоза, прошелестела прозрачными крылышками:

— Э-эй! Зеленый пузырек! Не сиди на солнышке. Высохнешь!

Из травы выглянул кузнечик, поводил длинными усами, пострекотал — и снова в траву, к приятелям-кузнечикам, рассказать о новеньком.

К камушку, к самым ногам лягушонка, подбежал водомер, постоял на зеркальной глади пруда, ничего не сказал, только подумал: «Зеленый еще...»

Мимо лягушонка прошли длинные тонкие палки. Глянул лягушонок вверх, а на палках — белое пушистое облако.

— Прячься скорее! Прячься! — промямлила улитка, уползая в свою раковину-домик. — Съедят!

Лягушонок даже не сдвинулся с места. Сидит себе на камушке, таращит на все глаза, удивляется.

Вдруг из воды выглянуло что-то зеленое, с большими глазами, уставилось на лягушонка. А вот еще, и еще!

Испугался лягушонок, прыгнул в воду, спрятался под корягой, притих.

— Эх ты, глупый! — проквакала взрослая лягушка, усевшись

на теплый камушек. — Это же твои старшие братья и сестры. А прятаться надо от цапли.

ХВАСТУНЬЯ

В тихой заводи жила раковина-гордячка. При всяком удобном случае она говорила:

— Я — перламутровая! Из моих раковин делают перламутровые пуговицы. Потому и зовут меня — Перловицей. Я не какая-то там катушка или прудовик, у которого и раковина — не раковина, а так себе, завитушка! Я — двустворчатая! К тому же у меня мягкая розовая нога. А мантия?! Какая мантия на мне! Вы только взгляните!

Однажды, расхваставшись, перловица слишком широко распахнула створки своей раковины. В это время по берегу шла серая ворона и заглянула в раковину.

— Действительно, хороша! Вкусна! — каркнула ворона, съев перловицу.

Старый замшелый рак вылез из-под коряги, грустно покачал клешнями и назидательно сказал рачатам:

— Чтобы правильно поступать, надо думать. А чтобы думать, надо иметь хотя бы небольшую голову. А у перловицы ее совсем не было.

КАРЛИК ВОДОЕМОВ

Около зарастающего пруда толпились толстые ленивые гуси. Хорошо бы поплавать, да не хотелось мочить красные гусиные лапы.

Самый маленький из гусят подошел к воде и нырнул. Вынырнул гусенок около зарослей молчаливых ив. Прямо перед клювом гусенка из воды торчала белая лилия. Чуть подальше, рядом с крупными зелеными листьями, плавала желтая кубышка, или, как ее неправильно называют, — кувшинка.

Подросток-гусенок деловито осмотрел цветы и поплыл в ту сторону, где лежал на воде сплошной зеленый ковер. Там росла ряска — карлик водоемов, маленькое, плавающее растеньице. Растение крошечное, а кислорода выделяет много. Где растет ряска, там нет и личинок комара. А еще оно дает огромное количество фитонцидов, веществ, убивающих вредных микробов. В ряске много белка, жира и других полезных веществ.

Всего этого гусенок не знал. Он знал одно: ряска — это и

вкусно.

— О-го-го! — загоготал молодой гусь. — Какое раздолье! Плывите сюда, братцы гуси! На славу покормимся!

— О-го-го-го! — отвечали ему с берега толстые белые гуси. — Мы и так зажирели! Того и гляди, угодим под хозяйский нож!

— Го-го! — гоготнул молодой и принялся с аппетитом поедать мелкие плоские стебельки ряски, похожие на крошечные круглые листочки.

СОЛНЕЧНАЯ РОСА

Над моховой кочкой вьются носатые комары. Вьются, толкаются, а сами поглядывают, в кого бы вонзить свой острый хоботок?

Вдруг один комарик заприметил **на кочке, с**реди стебельков торфяного мха, маленькое растение **с** круглыми красноватыми листьями. Красные **листочки, ве**личиной с копеечную монетку, покрыты **тоненькими** красными волосками. Но не это привлекло **и заставило** комара бросить приятелей. На красных листочках **бле**стели пахучие капельки росы. Удивительно было, **что** они не высохли на солнце.

И только комарик сел на край листа, как красные волоски медленно зашевелились. Испугался комар, хотел взлететь, да поздно. Прилипли крылья и лапки к блестящим пахучим каплям. И чем сильнее барахтался комар, тем больше выделялось из листа пахучей жидкости.

Вот уж листочки края сомкнули над комаром. И весь он залит клейким соком. Добыча поймана.

Пройдет несколько дней, лист этого странного растения развернется. Ветер сдует с него комариные остатки: жесткие крылышки, ножки да кожистые колечки от брюшка.

Хищное растение, что съело комара, называется — РОСЯНКОЙ или РОСИЧКОЙ. ЗОННЕНТАУ — назовут это растение немецкие ребята, САНДЬЮ, — скажут английские, а в переводе на русский язык означает одно и то же: СОЛНЕЧНАЯ. Уж так похожи блестящие капельки на листьях этого растения на обыкновенную росу, рожденную солнцем.

ДИКИЕ КАБАНЫ

Мама у кабанчика Хрюньди огромная и лохматая. Она похожа на домашнюю свинью, только клыки у нее большие да щетина

длиннее и гуще. Кабаниха очень свирепая и злая. Даже когда роет землю длинным твердым, как камень, пятачком, порыкивает. Торопливо пережевывая молодые корни, поедая попадающихся в земле дождевых червей и личинок разных насекомых, кабаниха успевает ткнуть рылом в бок зазевавшегося кабана, лягнуть копытцем ленивую соседку свинью. Сердитая мама-кабаниха, ох сердитая!

А вот сыночку, полосатому крошке кабанчику Хрюньде, всегда весело. Вместе с другими кабанятами Хрюньдя бегает возле взрослых. Он навинчивает коротким жирным, хвостиком и от удовольствия повизгивает. А как же не визжать? Перед носом то жирный червяк, то толстая мясистая личинка майского жука. А вот сейчас, в сию минуту, возле кочки, обнаружена прекрасная прозрачная болотистая лужа. Хрюньдя, не раздумывая, бросается в лужу, затихает, прикрыв маленькие глазки веками. Веки у Хрюньди с короткими ресницами-щетинками.

Приятно лежать в теплой, прогретой солнцем, выстланной болотным мхом ямке. Но вот кабанчик взвизгивает и начинает барахтаться в луже. Вода делается темной, бурой, грязной. А кабанчику хоть бы что! Хрюньдя и так не белый, а полосатый! Будто глиной перемазанный.

— И-ииииии! — визжит кабанчик долго и пронзительно.

Где-то на опушке хрустнула ветка, запахло человеком. Стадо диких свиней на мгновение прислушалось, замерло. Кабаниха, опустив низко голову, свирепо бросилась к опушке. Кабанчик Хрюньдя резко вскакивает, забыв про лужу, и несется к стаду. Он прячется за большими кабанами.

— Сейчас вам мама покажет, — сердито фырчит Хрюньдя, поднимая на спине маленькие тоненькие щетинки. — Будете знать, как мешать нам пастись. Мы, дикие свиньи, себя в обиду не дадим!

— Не дадим! — вторят Хрюньде кабаны и кабанихи, на всякий случай убегая в болотные кусты.

— Не дадим! — хрюкает кабанчик и несется следом за своими сестренками и братишками в лесную чащу.

А мать-кабаниха, порыскав по опушке, тоже мчится за кабанами. Сейчас она задаст трепку сыночку Хрюньде, чтобы зря не визжал на всю лесную округу.

УТИНАЯ ИСТОРИЯ

В небольшой бухточке под нависшими над водой кустами жила дикая утка с малышами-утятами. Пушистые комочки с

тоненькими широкими утиными носиками плавали, процеживали клювом ил, как их учила мама. Но случилась беда. Какой-то пакостный человек бросил в утку камнем и прибил ее.

Кряква лежала на прибрежной песчаной отмели. Крошечные утята шмыгали вокруг, теребили утку за перышки, попискивали. Им было холодно, хотелось поскорее забраться под теплые мамины крылья, согреться. Утка не крякала, не поднималась. Бусинки глаз были еще живыми. Она тихо умирала.

На другой день утка исчезла. Может быть, смыло волной. А может быть, утащили и расклевали вороны. Осиротевшие утята ютились в старом травяном гнезде. Они жались друг к другу, пытаясь согреться. Без маминого теплого пуха было очень плохо. И кошки не дремлют. Того гляди сцапают. Заступиться некому.

Неожиданно около бухточки появились две взрослых утки. Рядом с ними плыл красавец селезень. Утки стали подзывать к себе малышей. Потом они окружили утят со всех сторон и поплыли прочь от бухточки, где раньше жила утка.

Вот и хорошо. Вот и славно.

ЗОЛОТОЕ ЗЕРНЫШКО

Вырос в поле колосок невысок.
Дождик плакал, в землю капал,
Солнце грело, пчелка пела.
Наливался колосок, стал высок!
Шур-шур-шур — многоголосье,
Это — шепчутся колосья.

Тоненький солнечный лучик, протянув к земле свою узенькую ладошку, старался коснуться крошечного проростка.

Завидев солнечную ладонь, проросток потерся нежной зеленой щечкой о луч и тихонечко заволновался, приподнимаясь на цыпочках. Приподнялся росток, оглянулся вокруг и увидел, что рядом с ним растут такие же узенькие зеленые линеечки. А с неба золотыми нитями тянутся к полю солнечные горячие лучи.

Лучи вдруг погасли. Потемневшее небо загрохотало, загремело, захохотало. Брызнули мелкие капельки дождя. Потом упали тяжелые круглые капли. И хлынул ливень. Да такой, будто там, в небе, опрокинули огромные бочки с водой.

Тонкие нежные ростки сгибались, припадали к земле. Твердые столбики ливня били и били в пашню, выбивая из нее комочки черной земли. Казалось, еще мгновение — и утонут нежные зеленые линеечки в этом месиве воды и чернозема.

Но вот дождевые струи стали тонкими, хрустально-

прозрачными. Сквозь дождевые дорожки снова потянулись к земле золотые узенькие солнечные ладони. Теплые ладони коснулись зелени. Поникшие было ростки поднялись, расправили свои узенькие линеечки, стали наливаться соком, толстеть.

Время шло. Как-то утром на высоком стебле длинный лист распахнул свои плотные створки, и из него выглянул зеленый усатый колос. Вылезли колосья из своих пеленок, развернули веером усики-антенны.

Антенны ловили запаху теплого поля, шорохи земли, жужжание пчел, мух, ос, шмелей, шелест крылатых стрекоз, стрекотания кузнечиков.

Солнечные лучи теплыми ладонями поглаживали колосья, словно баюкали **в** колоске каждое зернышко, еще молочное, мягкое.

Неторопливый ласковый ветер шелковыми волнами пробегал по огромному хлебному полю.

День ото дня поле румянилось, наливалось желтизной, превращаясь в золотое пшеничное море.

— Хлеб поспел! — щебетали в вышине птицы.

— Хлеб поспел! — шуршали усиками счастливые стройные колосья.

— Хлеб-хлеб-хлеб! — вторили им серьезные комбайны, выстраиваясь на краю поля.

— Зерно-то какое?! — говорили хлеборобы, разминая на ладонях колосья, — крупное да тяжелое! Золотое зернышко.

ЛЕТО-ПРИПАСИХА И ЗИМА-ПОДБЕРИХА

Жили на свете две сестрицы: Лето-Припасиха да Зима-Подбериха. Жили вроде бы и рядом, а далеко.

У Лета-Припасихи на высоком песчаном бугре, среди сосен могучих, возле полей: да пашен, дом стоял бревенчатый, крытый новой дранкой, крыльцо высокое, ставни расписные, все в кружевах затейливых! Амбаров да пристроек — не сосчитать, припасами полны.

Еще солнышко спит, Припасиха уже при деле — травы косит. Солнце взойдет, разрумянится, Припасиха сена мягкого душистого наворошила, стога до самого неба наметала. В лес пойдет, земляники наберет, варенья наварит, черники, малины насушит, грибов целые кадки насолит. Тут, гляди, и хлеб подоспел. Картошка! Капуста! Успевай управляться. Все у Припасихи спорится, ладится, все-то в дело идет. Ботвинки не бросит, в силос, на корм скотине заложит. Такая уж хозяйка,

такая уж труженица, другой не сыскать.

У сестры, Зимушки-Подберихи, тоже хоромы высокие, светлые, из одних голубых пластин студеных сложены, сугробами пышными покрыты. В тереме чистота необыкновенная. Пышна кровать белая, покрывалами с искринками застлана, подзорами кружевными украшена. Печь изразцовая, кирпичная, блестит так, что глазам смотреть боязно. На белом шестке сосульки, как дровишки, охапочкой лежат. Окна в тереме насквозь вышиты, узорами игольчатыми расписаны. Глянет солнце, так и заискрится огоньками-блестками жилье. Нет только тепла в хоромах Зимушки-Подберихи, от всего стужей веет. Холодна изба, хоть и чиста и бела. Сама сестрица по свету на санях хрустальных раскатывает. Где капустки отведает, щец похлебает, где каши, где картошечки с огурчиком солененьким поест, где чайком с хлебцем душистым аль с оладьями пышными попотчуется. А то и варенья, орешков отведает. И чем больше балуется, тем меньше припасов остается. Все подбирает Зимушка.

— Ох-хо-хо! — вздыхает сестрица-Подбериха. — Уж больно сестра Припасиха нынче поленилась, не слишком старалась, маловато сенца да кормов для коровушек припасла. Так, глядишь, и сметанки не отведаешь. Творожком не полакомишься! Так и яичка из-под курочки не перепадет. Надо, пожалуй, помочь сестрице. Что под силу, то и сделаю.

Оглянулась Зимушка-Подбериха, оглянулась и удивилась. Снега-то маловато. Льдины на речке истончали. Того гляди, не по времени ледоход будет.

— Негоже! — молвила Зима. **И** стала снегами крутить, в лесной чащобе постукивать да потрескивать, по крышам леденцы развешивать. Землю сугробами-небоскребами накрыла. Поля да луга одеялами одарила. В пышные шубы леса нарядила. Реки с берегами сровняла. Снега впрок напасла. Наработалась, утомилась, оголодала. Тут и решила Зима-Подбериха письмецо сестрице-Припасихе написать да с ручейком весенним отправить.

«Сестрица моя ненаглядная, Летушко-Припасиха! Я сделала все, что смогла. Приходи поскорей, с ярким да жарким солнышком. Открой глазки голубому подснежнику, дай волю первому грибу лесному — сморчку да строчку шоколадному, первой зелени, редисочке да салату, щавелю кислому да ягодке румяной — душистой земляничке. Посей да посади, взрасти, взлелей хлебушек, сделай запасы на зимушку долгую, холодную. Я уж в долгу не останусь. И снегов опять намету! И водицы в полях приберегу! Для тебя, сестра моя, хозяйка земли нашей, Летушко-Припасиха».

Побежал говорливый ручеек, письмецо понес. Наступила

весна, а за весной и лето пришло.

На том и сказу конец о Лете-Припасихе и Зимушке-Подберихе, что в дружбе да согласии на земле живут.

КУРОЧКА-КУДАХТОЧКА, КРИВАЯ ЛАПОЧКА

Пошла как-то молодая курочка в лес да и заблудилась. Ходила-ходила, клювом водила, головой крутила, кудахтала-кудахтала, а тропинки назад не найдет.

«Солнышко садится, — думает курочка, — дорожки не видно, заночую в лесу».

Выбрала она деревце покруче, взлетела на тугую ветку, обхватила ее лапками, уселась. Сидит, по **сторо**нам маленькими узкими глазками поглядывает, ночи дожидается. Уже и дремать стала, как слышит на **вет**ке, что выше, кто-то трепыхается. Глянула курочка вверх, а там лохматый филин. Сидит филин, круглы **о** рыжие глаза таращит, вроде на курочку смотрит.

— Кто здесь? — спрашивает филин.

— Курочка я! Аль не видишь? В лес погулять пошла да заблудилась. Солнышко сядет, ослепну. Я ведь, — говорит курочка, — только при свете зрячая.

— Ох-хо-хо-хо! — вздыхает филин, хлопая круглыми глазными пленками. — А я вижу, только как стемнеет. При свете — ну сущий слепень слеподырыч!

— Вот, наверно, поэтому, — отвечает курочка, — у тебя глазищи как колеса. Все время таращишься. А у меня от яркого света глазки сделались как щелочки. Знаешь что? — предложила курочка. — Давай друг другу помогать!

— Давай! — обрадовался филин. — Меня Филимоном зовут. А тебя?

— А я — курочка-кудахточка, Кривая лапочка, — молвила в ответ курочка. — Дома, в курятнике, меня нескладушкой величают.

Разговорились. Словечко за словечко цепляется, речь получается. Пока болтали, в лесу стемнело. А как стемнело, комарье запело. Роса упала, ночь настала.

— Ух-хо-хо-хо-ух! — ухает филин Филимон. — Темнота-то! Темнотища! Красс-со-та-то! Кра-со-ти-ща! А роса? С добрую горошину! Вон и мышки-шуршишки пожаловали! Из норок повыскакивали, по лесу шастают.

Курочка-кудахточка на ветке сидит, глаза-миндалинки таращит, а ничего не видит.

Филимон по лесу летает, мышей добывает, курочку-

кудахточку потчует:

— Хоть штучку съешь! Вкуснотища-то какая!

— Не ем я мышей! — отвечает курочка. — Мне бы солнышка! Мне бы зернышка! Мне бы дорожку к дому отыскать.

Наелся Филимон, на дерево взлетел, крылья сложил, перышки чистит. Небо побелело. Птицы заверещали, стрекозы крыльями затрещали. А вот и солнышко проснулось, студеной водицей ополоснулось, на бугор село. Курочка-кудахточка и прозрела.

— Куда-куда! Куда! Куда! — закричала кудахточка. С ветки соскочила, лапками дерн разгребает, червяков добывает, жуков склевывает, семена лесные отыскивает, Филимона угощает:

— Слетай с ветки, Филенька! Съешь жучка, миленький! А хочешь, вот, семечко!

— Я мышами сыт! — отвечает филин. — Солнце в темя печет. Глаза мои открыты, а в них — темнота. Я лучше в дупло залезу, посижу там до ноченьки, пока прозреют мои оченьки. А тропинка твоя вон там! — махнул крылом Филимон в сторону дуба.

— А как же наша дружба? — спрашивает курочка.

— А я тебе разве не друг? — отвечает Филимон.

— Друг-то друг, только мне надо домой идти. Не могу я в лесу жить. Я ведь птица домашняя.

— Ух-хо-хо! — вздыхает филин. — Ты и впрямь несушка-нескладушка. Домой да домой. А здесь чем не дом?

— Не будем ссориться, — молвила курочка-кудахточка.

И пошла искать из леса дорогу. Искала недолго. Дорожка под самым носом бежала.

Идет курочка, на цветочки-василечки поглядывает, букашек на ромашках считает да склевывает. А сама, хоть и куриная голова, думает: «Филин Филимон в лесу живет, с ночью дружит, мышей в темноте ловит. Я, курочка-кудахточка, Кривая лапочка, в курятнике живу, яички несу, лапками от себя гребу, солнышко встречаю, день провожаю. Со светом дневным дружу. **Но** Филимона разочек навещу, может, чем и помогу. Друзья же?»

А Филимон в дупле сидит, нахохлился, глазищами ворочает, думу-думушку думает: «Скоро и ночка. Я филин Филимон — одиночка. В лесу родился. Видно, кто где родился, там и пригодился. Вот так».

ВОЛШЕБНЫЕ ТРОПИНКИ

Жила маленькая девочка. Девочку звали Аней. Встала Аня как-то утром и отправилась бродить по деревне. Обошла

бабушкин дом, свернула за огород и оказалась возле большого сарая. В сарае полным-полно душистого сена. Пошла девочка дальше. Уж и деревни не видно. Аня маленькая, а кругом высокие лохматые кусты.

Смотрит Аня: между кустами тропинка зеленая узенькая вьется. Тропинка как тропинка, только в одном месте шелковым розовым бантом перевязана. Бант красивый, нарядный.

Захотелось Ане до него дотронуться. Коснулась всего одним пальчиком, бант и развязался. Развязался бант, вместо одной — две тропинки получилось, только разного цвета. Одна красно-желтая, будто румяным песком присыпана. Другая тропинка сине-голубая, инеем искрится, хрустальными капельками переливается.

— Пойду-ка я по сине-голубой, — решила Аня. — Как хорошо, как прохладно, — радуется девочка, — кругом кусты, трава.

Прозрачные дождинки от легкого ветра дрожат на синих лепестках колокольчиков, переливаются всеми цветами радуги. А лен в поле голубыми крошечными цветочками кивает. Синие васильки пушистыми шапочками помахивают, приветствуют Аню. Огромные глазастые ромашки белым облачком мимо проплывают. На длинных ромашковых ресницах дрожат капельки утренней росы. Тоненькие струйки дождя с другой стороны тропинки шлепают по прозрачным лужам. Тихо звенят ручьи, убегая в речку-журчинку.

— Где я? — удивилась Аня. — Не то по небу иду? Не то по речке плыву? Не упасть бы! Не утонуть бы! Что бабушка скажет папе и маме?

И вернулась Аня назад к тому месту, где лежал розовый шелковый бант, пошагала по румяной тропинке. А тропа горячая-прегорячая. Вдоль нее красные маки растут, гвоздики алеют, раскаленными глазками подмигивают. Огромные подсолнухи желто-оранжевыми шляпами кивают, здороваются, тоже доброго утра Ане желают.

И чем дальше она идет, тем горячее делается дорожка. И вдруг на краю тропы, на пригорке, увидела огромный румяный колобок. По щекам колобка пирожки скачут, булочки пышные прыгают.

— Да это же солнце! Здравствуй, солнышко! — закричала Аня.

— Здравствуй! — улыбается в ответ солнце.

От солнечной улыбки такой жар во все стороны пошел, что нет сил на тропинке стоять.

— В гости пришла? — еще шире заулыбалось солнышко. —

Сейчас блинчиков сотворю. Пирожки нынче не удались, чуть подгорели.

— Блинчики я люблю. Мне моя бабушка часто на масле жарит. Только возле тебя, солнышко, очень жарко. Не обижайся, я назад пойду.

— А чего обижаться? — продолжало улыбаться солнце. — День только начинается, гостей еще много будет.

И побежала Аня назад. Вот и ленточка шелковая розовая поперек двух тропинок лежит. Взяла Аня ленточку и перевязала красно-желтую тропинку с сине-голубой, расправила бант. И удивилась. Получилась снова одна дорожка, к тому же зеленая-презеленая. По ней и отправилась Аня домой.

Шагает Аня, тропа солнышком прогрета, утренними росами промыта, ветерком горячим высушена. Вокруг березки ласковую утреннюю песенку зелеными листочками напевают, перешептываются осины, хвоинки на соснах да елях душистой смолой одаривают. Птицы между собой пересвистываются, переговариваются.

— То-то хорошо! — смеется Аня, бодро шагая в деревню.

Солнце, поднявшись над лохматыми кустами, неторопливо плывет по удивительно большому голубому небу, мимо белых ватных облаков, румяное, горячее, улыбчивое.

«Какое замечательное утро началось! — думает Аня, усаживаясь на крыльце бабушкиного дома. — Завтра непременно еще раньше встану, посмотрю, как солнышко просыпается».

В ЦАРСТВЕ ЗЛОЙ МУРЕНЫ

(СКАЗОЧНАЯ ПОВЕСТЬ)

Огромным осьминожьим королевством правил Осман Великий Второй Он был велик не только потому, что был вторым после умершего от несчастного случая батюшки, но и потому, что среди всех важных осьминогов он был самым большим. Если верить королевским весам, голова и все остальное тело Османа Великого весили более трех тонн. А щупальца были такими длинными, толстыми и сильными, что не сыщешь во всем королевстве ни у какого другого осьминога — так считали приближенные короля.

Много времени Осман Великий проводил в большом зале, сидя на троне, поджав под себя все свои восемь рук-ног. На голове Османа Великого, как и положено, была золотая корона, украшенная прекрасными морскими раковинами и жемчужинами. Только форма короны была необычной. Она походила на высокую

шляпу без полей и сидела на голове Османа, глубоко надвинутая на лоб. Огромные выразительные глаза, величиной чуть ли не с детское велосипедное колесо, внимательно, не мигая следили за придворными, суетившимися вокруг. Они чистили, скребли стены и пол тронного зала. Осман Великий не выносил ни малейшей соринки около себя, тем более створок от раковин моллюсков, которых поедал в огромном количестве.

Королева, жена Османа Великого, Османия Осьминоговна была очень легкомысленной. В отличие от короля она носилась по дворцу, беззаботно распустив в зелено-голубой морской воде свои изящные длинные щупальца. Придворные дамы расстилали перед ней разноцветные ковры и покрывала. На фоне ковра из водорослей и черных мшанок с серыми пятнами Османия делалась черной-пречерной, с разбросанными по телу серыми яблоками. А на фоне серых, с зеленоватым отливом губок Османия мгновенно перекрашивалась в приятный серый цвет с медным отливом. Это ей очень нравилось, но, увы! Не будешь же все время сидеть на ковре! Османия бросала свое занятие и отправлялась к вершинам королевского дворца. По отвесной стене королева Османия забиралась к самым верхним башенкам или, подползая к узорчатым щелям и бойницам, подолгу смотрела печальными глазами на глубины простиравшегося моря. Османия с удовольствием просидела бы там весь день, но у нее были всякие королевские дела, к тому же боялась и гнева короля. Поэтому возвращалась во дворец.

Осман Великий предупреждал, просил королеву, чтобы она не покидала стен королевского дворца, так как за пределами королевства можно было встретиться со злой Муреной.

— От такой встречи хорошего не жди! — твердил Осман Великий, покачиваясь на троне, отчего все его тело, желеобразный мешок, словно куча вязкого студня, переливалось и играло разными красками.

Сегодня Осман Великий был в ярости. Глаза его налились кровью, стали темными, злыми, по телу фиолетового цвета пробегали яркие волны. Длинные десятиметровые щупальца, словно тугие слоновьи хоботы с пульсирующими пухлыми присосками, делались то ярко-красными, то темными, багровыми. Осман Великий гневался на королеву за то, что она посмела заплыть слишком далеко от стен великолепного дворца.

Несколько дней Османия просидела в большом тронном зале возле своего повелителя. Потом это надоело ей, и она отправилась осматривать пещеры и гроты, где жили подданные короля — осьминоги-туни, то есть простое население королевства.

Разгуливая, королева увидела в одном из гротов под самым потолком студенистые комочки. На тонких клейких стебельках гроздьями висели яйца осьминогов. Кругом носились маленькие осьминожки, озорные и проворные. И королеве Османии захотелось тоже иметь сына, крошку-осьминожку.

Время шло. Османия, как и положено королеве в сказочном осьминожьем королевстве, снесла только одно яйцо. Яйцо подвесили к потолку в королевском гроте. К нему была приставлена придворная дама — старая бездетная Осьминожиха. Осьминожиха смотрела за яйцом во все глаза, не оставляя его без внимания ни на одну минуту. И вот ранним утром, когда все королевство спало, из яйца вылез малыш. Он был крошечным, но уже вертлявым. Увидев свою няньку, придворную даму Осьминожиху, он щипнул ее тоненьким щупальцем.

— Ты кто? — спросил крошка-осьминожка. Узнав, что это его нянька, продолжал: — А где родители? Хочу видеть папу и маму! А еще хочу из моллюсков кашу.

То-то было радости. Османия носилась по дворцу, подпрыгивала к потолку и спускалась на пол, словно парашют, растопырив в стороны все восемь щупальцев.

— Назовем сына Османдром Первым! — вымолвил король осьминогов.

— Османиком! Османчиком! — шлепала щупальцами королева Османия.

Крошка-осьминожка Османик ползал по огромному отцовскому телу, забирался на голову и усаживался на шляпе-короне. Особенно Османику нравилась корона. Она была гладкой и блестящей. Тоненькими щупальцами Османик пытался выковыривать из короны жемчужины, но это у него пока не получалось. Он щипал отца крошечными пальчиками и бесконечно тараторил:

— Папа, папа-осьминог! Много рук и много ног. Вот глазок, вот другой, щиплем папочку ногой! Он похож на толстый мяч, но не сдвинется, хоть плачь!

Осман Великий неторопливо перебирал трон огромными щупальцами и делался розовым от удовольствия.

Османик быстро рос. Отец решил, что пора заняться его образованием.

— Я буду сам учить сына! — заявил Осман Великий королеве Османии. Король усадил Османика перед собой на коралловый риф и стал объяснять:

— Мы очень древние по происхождению. Нас почему-то в других царствах величают головоногими моллюсками! Но мы на это не в обиде. Что самое главное в теле? Голова! А что еще? Еще

— ноги. У нас большая голова и длинные, сильные, гибкие ноги-щупальца. Они нам служат и как руки. Щупальцами мы едим и бьемся с врагами. — Осман Великий повел вокруг себя щупальцами так, что все вокруг заволновалось. Османик сидел, крепко ухватившись за выступ кораллового пенька.

— Некоторые умники, — продолжал король, — обзывают нас спрутами. На это, малыш, не обращай внимания. Каждый роток не завяжешь в узелок. Мы с прутами ни на кого не ходим. И детей розгами не наказываем. Мы — сильные моллюски, но у пас есть одно слабое, уязвимое место, — голос Османа Великого стал тихим, потом перешел в шепот. Король шептал сыну прямо в широко открытые глаза:

— Ты постарайся это хорошо запомнить, иначе...

— Что иначе? — так же шепотом спросил Османик, уплетая моллюсков.

— Иначе нас могут погубить.

— Погубить? — глаза у Османика стали от страха и любопытства шире лица.

— Вот, — сказал король, снимая корону, — видишь? Колпачок в голове, ученые называют его хрящевой капсулой.

— Вижу, — прошептал Османик, ощупывая свою голову.

— Так вот, в ней — нервный узел. Если его сильно сдавить, мы — большие и сильные — умираем. Поэтому у меня и у твоей мамы на голове золотая шапочка-корона. Корона искусно сделана и прикрывает наше уязвимое место. Когда ты немного подрастешь, мы и для тебя закажем у мастеров такую корону. А пока живи и не болтай зря каждому встречному-поперечному, что ты — королевич. Ясно?

Король замолчал, посмотрел по сторонам. Кроме змеехвостки поблизости никого не было. Змеехвостка же, прижавшись к камню, внимательно прислушивалась к рассказу короля. Чуть помедлив, Осман Великий продолжал:

— Особенно берегись Мурены. Мурена — злая царица соседнего государства. Она поклялась, что изведет весь наш королевский род. Извести не изведет, а неприятностей наделает.

Последние слова Османик почти не слушал. Он увидел двух красивых рыбок, резвившихся над папиной короной. Еще минута — и след Османдра Первого расплылся.

— Сорванец, — проворчал король, — вылитый я в детстве.

Теперь каждый день Осман Великий усаживал перед собой сына и занимался его образованием.

В морской воде, — говорил король, — живет множество животных. Одни опасные, как акулы, змеи, скаты. Другие, хотя и сидят на месте, тоже опасны. Но особенно страшны для

осьминогов подводные течения и волны. Волны нас могут разбить о камни, выбросить на коралловые рифы. Когда прилив или отлив, когда шторм, надо прятаться в пещерах.

Османику не сиделось. Лекции отца были скучными, не совсем понятными. Ну что такое прилив или отлив? Или шторм? Поэтому при первой возможности он убегал. Осману Великому заниматься воспитанием тоже надоело, и однажды король воскликнул:

— Османия! Где ты?

— Я здесь, мой повелитель! — отозвалась королева со стены дворца.

— Опять ты за свое?

— А что делать? Сын подрос. Ты его учишь.

— Я думаю, — продолжал король, — что метод обучения, которым пользовался мой батюшка Осман Великий Первый, устарел. Я решил отдать Османдра учиться в общеобразовательную школу для осьминогов. Пусть уму-разуму набирается, жизнь познает. Если у него что не получится, возьмем репетитора из другого осьминожьего королевства. Кстати, жив ли старый учитель? Как его... Осьмин Осьминович? Отвези завтра нашего баловня к нему в школу.

Утром персональная машина «Краб» модели М-83 остановилась около здания, где учились осьминожки.

Османик, помахивая толстым портфелем, в котором были многочисленные завтраки, поднялся на крыльцо и помчался по школьному коридору. Увидев табличку «А», вошел и сел на заднюю парту. По классу бегали осьминожки, размахивая портфелями и школьными принадлежностями.

— Привет! — услышал королевич. — Ты кто?

— Османик.

— А я — Оська! — протянул щупальце круглый коротышка с рыжими, чуть раскосыми глазами. — Новенький?

— Ага, новенький.

— Важный или простой? — продолжал Оська.

— Важный, — выдохнул Османик.

— А я — туни. Простолюд.

— Ну и что? — Османику вдруг стало так весело, что он подпрыгнул и стал носиться по классу, как и все остальные. Османдр смешно разбрасывал щупальца и припевал:

— Оська-туни! Оська-туни! Распустил по классу слюни!

— Но-но! — сердито крикнул Оська. — Не посмотрю, что из важных, накручу живо щупальца!

В дверях показался старый учитель Осьмин Осьминович.

— Урок начинается, — сказал учитель, усаживаясь на

широкий коралловый пень. — Угомонитесь! Вопрос первый: что самое главное для нас, дети?

Оська поднял щупальце:

— Развивать свой колпачок, набивать его знаниями! — выпалил Оська.

— Правильно, — похвалил его учитель, — и чем раньше, тем лучше. Сейчас на песчаном подводном пляже мы будем писать буквы осьминожьего алфавита.

Ъ, Ъ, Ъ — писал на песке заточенной раковиной Оська.

Ъ, Ъ, Ъ — писал за ним Османик.

Ы, Ы, Ы — выводил буквы Оська.

Ы, Ы, Ы — списывал Османик.

Потом был урок математики. Ученики складывали и раскладывали на кучки камушки и раковины, считали и пересчитывали.

В большую перемену Османик с Оськой съели все завтраки, что положила в портфель придворная Осьминожиха, и сильно подружились.

На уроке по природоведению учитель Осьмин Осьминович объяснял:

— Все, что живое, называется биосферой земли. Если взять сто раковин и разложить их на две кучки так, что в одной будет две раковины, а в другой — все остальное, то есть девяносто восемь, то получится примерно так, как на земле распределяется все живое. Вне воды, на суше, столько живого, как в малой кучке. В морской воде и в пресной, не морской, живет столько живого, сколько в большой кучке.

— Морской океан, — продолжал учитель, — богат металлами: железом, магнием, марганцем, медью, никелем и другими. Одного золота в морской пучине растворено восемь миллионов тонн. А солей столько, что если их высушить и высыпать на сушу, то земля станет толще на сорок пять метров. Океан — нетронутые сокровища.

Потом учитель говорил еще о чем-то, но Османик его не слушал. Он соображал, чего бы поесть.

— Ламинария — морская капуста, богата йодом, — доносилось до королевича. — Воды больше в море, чем на суше. А воду пьют все. Такое дерево, как яблоня, в день выпивает сорок литров. — Османик заинтересовался. — А растение подсолнуха или кукурузы в сутки выпивает двести пятьдесят литров. На земле живут двуногие, это — люди. Один двуногий в год поглощает две тысячи семьсот тонн воды. Это очень большое число. Вы его не проходили. Так что, — продолжал учитель, — мы, морские обитатели, владеем большим богатством — водой.

Следующий урок — рисования проходил в соседнем кабинете, на лужайке, возле расщелины.

На подводной зеленой полянке, выстланной широкими листьями черепаховой травы, резвились разноцветные маленькие рыбешки, рачки, малыши-креветки. Оська, высоко подпрыгивая, стал хватать щупальцами растущие в расщелинах водоросли, гоняться за рыбками, дергать креветок за хвосты. А когда со дна ямы выплыло черно-зеленое существо, похожее на блюдце, только рот бантиком, Оська устроил чехарду. Он прыгал через гостя и чуть не раздавил его. За это Осьмин Осьминович больно ущипнул Оську и поставил в угол.

Османик проделывал то же самое, что и Оська, но его не наказывали. Наверно, Осьмин Осьминович знал, чей он сынок.

На пятом уроке учитель показал ученикам карту моря.

— Вот здесь — наше осьминожье королевство. А вот здесь — царство злой Мурены. Там... — говорил учитель, но Османик его не слушал. Он дергал Оську и шептал:

— В царстве Мурены был?

— Не-а, — отвечал Оська, продолжая слушать учителя.

— Объем мирового океана составляет 1370 миллионов кубических метров воды. На дне покоятся месторождения полезных ископаемых, удобрений, огромный запас кормов для животных и для двуногих. Из 65 классов, населяющих землю, в воде живут 57 классов.

— Каких это классов? — не понял Османик.

— Растений и животных! — пояснил Оська. — Без тебя проходили, не мешай слушать.

— Существует морская поговорка: «Недоверчив, как акула», — очень правильная поговорка. Чувствует акула за два километра. Так вот, в море живут акулы. Самая длинная из них — китовая — до восемнадцати метров, кстати, питается рачками. Чуть поменьше, шестнадцать метров, гигантская. Белая — до двенадцати метров, тигровая — девять, полярная — шесть...

— Из печени тигровой и белой акул получают витамины А, Б. Кожа идет на обувь, на чемоданы, сумки, пояса, перчатки двуногим. А акульи плавники, особенно тигровой, деликатес у тех же двуногих. Вес акул нередко достигает двух с половиной тонн.

— Мурену видел? — снова зашептал Османик. — Какая она, эта царица моря? Хоть бы одним глазком взглянуть.

Но Оська не отзывался, он слушал учителя.

На другой день Османик стал уговаривать Оську отправиться в царство злой Мурены.

— Мы только посмотрим на нее, и обратно. В школе и не

заметят, что нет. Вон нас сколько! Что, трусишь? Боишься? Оська-моська, трус несчастный!

Такого Оська вытерпеть не мог. И, почесав щупальцем в затылке, погрозив Османику пятью кулаками, согласился.

— Только туда и обратно! — сказал он.

— Договорились.

— Раз договорились, набирай с собой побольше чернил.

— Зачем? — удивился Османик. — Ты там писать собираешься?

— Эх ты! А еще король молодой! — усмехнулся Оська. — Невежа ты, недоучка!

— Приказываю молчать! — вспылил Османик. — Вот скажу папе, он тебя казнит!

— Боюсь я твоего папы, как же! — фыркнул Оська. — У меня свой есть! Что ни день, щупальцами дерет. — Оська погладил бока. — И тебя отдерет!

— Ладно, не скажу, — примирительно мотнул головой Османик. — А чернила зачем?

— Пригодятся. Набирай, да побольше. На всякий случай. Царство-то царицы злой!

За стенами осьминожьего королевства простиралось бесконечное море. Согласно карте, чтобы попасть в царство Мурены, плыть надо было западнее островов, придерживаясь зеленых пятен, где находились коралловые рифы. Как только осьминожки отклонялись в сторону голубых пятен, то попадали тут же на песчаные отмели.

Проплыв несколько километров, приятели оказались около затерянного в море островка. Буйная растительность покрывала прибрежное дно, образуя сплошной ковер. Красные, зеленые, оранжевые, фиолетовые водоросли напоминали то веер матушки королевы, то опахала ее придворных дам. Некоторые из водорослей походили на мягкие пушистые подушечки, на пухлые цветные одеяла. Вдоль скал тянулись тонкие кружева кораллов. Они, словно вырезанные искусным мастером, украшали входы в подземные пещеры и гроты.

Османик прикоснулся щупальцами к полосатой корзиночке с малюсенькими голубыми и зеленоватыми цветочками. Но цветочки куда-то исчезли. Махровая астрочка, в красивой низенькой плетенке моментально скрылась, как только Оська хотел ее сорвать. Это была актиния, животное моря. Из-под актинии вдруг высунулась крепкая клешня рака-отшельника и больно ущипнула Оську.

— Ой! — охнул Оська, — как батя, щиплется. — Эй, ты! — Оська погрозил раку-отшельнику кулачком.

Из зеленых водорослей неожиданно на осьминожек выскочил Диадон — рыба-еж. Испугавшись, Диадон стал раздуваться до размера большого школьного глобуса. Из него торчали твердые иглы, а куцый короткий хвостовой плавник был таким смешным, что Оська расхохотался.

— Не смешно! — буркнул перепуганный Диадон и выпустил из себя воду.

Повсюду ползали ярко-красные морские звезды, синие ежи, моллюски с тяжелыми раковинами, скрученными как рог. Из рога торчала плотная розовая нога. Такой толстоногий моллюск прополз мимо краба шириной с лопату. Всюду плавали разноцветные рыбки, узкие, как стрелки, или круглые, квадратные. И все говорили на своем языке.

— В безмолвном царстве, — сказал Оська, — шумят, как у нас в школе на большой перемене.

— Действительно, — поддакнул Османик, — жуют, плавниками шуршат, разговаривают.

— Слышишь, пищат? А вот кто-то ухает и стонет! А сейчас чем-то шелестят. Затрещал барабан? — удивился Оська. — А во, улюлюкают! Теперь в бубен бьют. А это что? Никак пожарная машина завывает? Как у двуногих на катере. Ну и тишина! Вот это я понимаю, царство! И никто не ругает. Пой и кричи, сколько тебе хочется.

Оська закружился на месте, от избытка чувств меняя окраску. Он то бледнел, то краснел, то переливался разноцветными волнами.

— И я так хочу! — крикнул Османик. Его выпуклые глаза позеленели, щупальца раскраснелись, выделывая в воде невероятные фигуры.

В этот момент над осьминожками нависла тень. Осьминожки перепугались и от испуга стали бледнеть. Над ними кругами ходила акула. Свирепая акула открыла рот, показывая ряды острых треугольных зубов. Осьминожки пулей, благо у них был в теле такой аппарат-трубка и воронка, через которую с силой выталкивается вода, влетели в узкую расщелину. За ними огромной тенью метнулась акула.

— Ушли, — не то прозвенело, не то на самом деле прошамкала акула, лязгнув страшными челюстями.

Приятели сидели в узкой высокой щели, присосавшись щупальцами к стенам. Никакая, казалось, сила не смогла бы вырвать их из убежища. Наконец, осмелев, Оська выглянул из укрытия.

— Никого.

Но в это же самое время из-за угла подводной скалы выплыла

остроносая акула.

— Вот это я понимаю! — воскликнул Оська, отпрянув назад.

— Что ты понимаешь? Я тоже хочу, — заявил Османик.

— Высуни, высуни щупальца! — сказал Оська. — Она тебя причешет!

— Кто она? — Османик выставил один глаз. Акула проплыла мимо. За ней вереницей тащились новорожденные акулята.

— Оська, давай одного поймаем? Гляди, какой маленький!

Оська выставил из укрытия пару глаз.

— Ой, какой! — засмеялся Оська. — Кроха! На королевских весах бы взвесить!

— Э! — сказал Османик. — Двух граммов не будет.

Оська протянул к акуленку щупальце. Акуленок мгновенно вцепился и отхватил кусочек.

— Ой! А-а-а! — взвыл Оська. — Маленький, а колючий! Кыш, пошел! Хищник несчастный.

Возле грота росла длинная водоросль. Оська оторвал две узеньких дольки от листа и перевязал ранку.

— Живо заживет! — наставительно сказал Оська. Помолчав, добавил: — Это тебе не осьминожье королевство, а царство акул. Османдр, а не повернуть ли нам назад?

— Струсил? — усмехнулся Османик.

— Не струсил, а так себе. Для чего нам нужна эта Мурена? И в школе отстанем. Родители отдерут.

— А зачем тогда чернила тащили? Зачем, скажи?

— Чернила? Ладно, — согласился Оська, — не пропадать же чернилам. Пошли-поплыли.

Осьминожки, словно крошечные торпедки, устремились вперед. Дно моря пошло резко вниз. Глубина нарастала. Цвета менялись, делались зеленовато-фиолетовыми. Оранжево-красная морская звезда на такой глубине ползала как белое привидение, потеряв яркость и красоту.

— Что это с ней? — недоумевал Османик.

— Значит, здесь глубоко! Учитель говорил, что на глубине двух с половиной — трех метров красные и оранжевые лучи поглощает вода. Потому-то все здесь такое некрасивое.

Осьминожки продолжали путь. Вдруг из темноты стало вырисовываться что-то огромное, черное, обросшее лохматыми водорослями.

— Замок зла? — в испуге прошептал Османик, останавливаясь.

— Проверим! — шепотом ответил Оська. — Похоже, что это затонувшее судно. Согласно карте, мы в центре царства злой царицы Мурены.

Кругом делалось все темнее и темнее. Фиолетовые краски сгущались.

— Как противно в этом царстве, — пробурчал Оська, ощупывая стенки затонувшего корабля. Зоркие Оськины глаза стали большими и круглыми, как у совы. Упругими щупальцами он обшарил наружные стенки и, цепляясь за обшивку судна, полез вверх.

— Осман, давай ползи! — махнул Оська щупальцем.

— Османик, пугливо озираясь по сторонам, поплыл к краю палубы.

— Что это? Светомузыка?

— Какая еще светомузыка, что-то светится и вроде жужжит.

— Может быть, морские звезды? — снова высказался Османик.

— Они так ярко светиться не умеют. Да и глубина, — возразил Оська. — И при чем тут жужжание?

Свет исходил из каюты. Осьминожки, стараясь ничем себя не выдавать, заглянули в круглое окно. Две большие плоские рыбины играли в домино, освещая каюту непонятными вспышками.

— Как я сразу не догадался, — сказал Оська, — это же скаты! Электрические! Видишь, световыми батарейками фыркают.

— Наверно, ток электрический гонят! — предположил Османик. — А что такое электрический ток? Слышал, а не знаю.

— Эх ты, темнота королевская беспросветная! Электрический ток — это энергия, свет, это — сила. А у скатов только световые батарейки — органы свечения. Вот они ими и фыркают, а брызгальца у них такие — дают звук.

— И откуда ты все знаешь? — удивился Османик.

— В школе проходили. Надо было на уроке Осьминыча слушать! Вот это Осьминог! Все знает. Не то что твой батя король, только и делает, что па троне качается да раковины лущит.

— Но-но! — протянул Османик.

— Ты лучше смотри да запоминай, а не возражай. Видишь? — Оська показал в угол каюты.

— Вижу. Светлый ящик.

— Сам ты — светлейший ящик! Там детки скатов! Тоже потихоньку шумят. Ну ладно, пошли отсюда, пока не укололи разрядом.

— Как? — не понял Османик.

— Как, как! Как положено электрическим скатам.

Османик заглянул в окно другой каюты, где что-то постукивало и побрякивало. Там резвились морские угри. Вертлявые угри, изгибаясь, скручивались в кольца,

вытанцовывали такое, что Османик замер, а потом стал пытаться повторять их движения своими короткими щупальцами.

— Пошли, — дернул его Оська, заглянув в окно. — Хотел на Мурену посмотреть, а сам на этих кривляк загляделся!

Проходя мимо круглого иллюминатора, они увидели сидящего в каюте Лангуста. Глаза-рожки, не мигая, смотрели в темный угол. Тело Лангуста было неподвижным, а пять пар ног непрерывно шевелились. Два длинных уса-антенны были выведены из окна каюты наружу. Лангуст к чему-то прислушивался. При приближении осьминожек он вдруг сильно заволновался, стал крутить усами в разные стороны, будто настраивался на волну. Лежащая на мягкой водорослевой подстилке рыба-собака тихо заворчала. Осьминожки замерли. Лангуст и собака успокоились. Приятели на цыпочках покинули пристанище рыб и спустились на дно, поросшее темными водорослями. На их фоне осьминожки стали похожи на плавающие в воде лохматые кустики.

Рядом с килем корабля они увидели большой высокий аквариум. Аквариум походил на высокое здание, сплетенное из металлических прутьев. В нем медленно двигались разные рыбы.

— Наверно, заповедник, — выговорил Оська.

— А в море разве бывают заповедники? — удивился Османик.

— Раз есть, значит, бывает. Посмотри, — толкнул Османика Оська, — какая красивая рыбка. А глаза? До чего печальные. Может быть, она плачет? В море слез не видно.

Османик протянул между прутьев щупальца. Рыбка испугалась и исчезла. Из-за угла аквариума с огромной скоростью выскочили полосатые рыбки-губкоеды и что-то пропищали. Следом за рыбками пронеслось черное, серебристо-белое снизу, плоское бревно.

— Это — Барракуда! — прошептал Оська. — Учитель показывал на картинке. Страшная хищная Барракуда, по прозвищу «морская щука». Хорош экземплярчик, метра три будет.

Барракуда замерла на месте, прислушалась, потом кругами прошлась над осьминожками, слегка двигая мощным хвостовым плавником. Никого не обнаружив, Барракуда проплыла чуть подальше. И тут приятели увидели, как хищница плоским костяным ключиком открыла дверцу в решетчатой загородке и тихо проскользнула внутрь. В следующий миг Барракуда клыками стала раздирать добычу и с жадностью проглатывать куски. Сделав кровожадное дело, Барракуда выскочила из аквариума, закрыла за собой воротца на ключ.

— Ах ты, хищница! Барракуда бесстыжая! — закричал Оська, выкрикивая незнакомые для Османика слова. Он размахивал

всеми щупальцами, свернутыми в кулачки. От гнева Оська заалел.

Барракуда от неожиданности замерла. Маленькие злые глаза ее устремились на Оську. Пасть раскрылась и закрылась, страшно лязгнув челюстями. Османик со страху выпустил в плоскую морду весь запас осьмииожьих чернил. Опорожнив чернильный мешок, королевич кинулся бежать прочь. Барракуда, рыло которой было замазано густыми чернилами, плохо растворяющимися в воде, казалось, лишилась чувств.

— Так ей и надо! — крикнул Оська, догоняя приятеля. — Ты, Османдр, молодец! Не струсил. Теперь она долго будет протирать глаза. Видно, у них тут не заповедник, а тюрьма для рыб. Как я сразу не догадался?

— Конечно, тюрьма! Решетки — в клеточку, как в тюрьме моего папы Османа Великого.

— И ты считаешь это нормальным?

— Не знаю, — покачал головой Османик. — Папе лучше знать, он — король.

— Значит, и та красивая рыбка пленница? И ее Барракуда может съесть?

— Значит, — вздохнул Османик.

— И ты это так спокойно говоришь? — возмутился Оська. -— Зря я с тобой, с отпрыском королевским, связался.

— Ну, Ось! Ну, чего шумишь? Я разве виноват, что отпрыск?

— Ты, конечно, не виноват. Но как станешь королем, прикажи разломать тюрьмы тотчас же! А не то мы сами разломаем!

— Хорошо, прикажу, -— согласился Османик. — А на Мурену пойдем смотреть?

— Как у тебя все просто! Пошли уж, раз забрались в царство ее величества. Только к тюрьме потом вернемся. Надо что-то придумать.

— Что мы с тобой можем? Мы всего лишь — моллюски-малыши!

— Зато головоногие! — с достоинством ответил Оська.

Осьминожки поплыли чуть в сторону от затонувшего корабля, где море было мельче, а вода светлее. И тут они увидели замок. На воротах замка был изображен герб царства: черная оскалившаяся морда и скелет рыбы.

— Смотри! Мурена... наверно... — зашептал Османик. Вокруг замка, взад и вперед, плавала охрана. Это были акулы-кошки. Черные мундиры кошек шершавые, будто сшиты из наждачной кожи.

— Коснись такого мундира — и заплачешь, — молвил Оська. — А рыла-то зубастые! Страсть одна. Охранницы Мурены.

— Я таких страшилищ еще не видел, — прошептал Османик.

Пока приятели рассматривали стражниц, к воротам замка примчалась белая молотоглавая акула, с широкой пастью во все рыло. Стража вытянулась в струнку.

— Будьте начеку! — зарычала белая акула. — В царство проникли посторонние. Старшая повелительница, Барракуда Великая, гневается!

Белая начальница уплыла, а чёрные кошки с большим усердием стали кругами носиться вокруг замка Мурены.

На цыпочках, придерживаясь светлых пятен, чтобы быть бесцветными, осьминожки незаметно подобрались к стене, где зияла черная дыра. Не задумываясь, они нырнули в отверстие и оказались в небольшом гроте. Сверху проникал далекий свет. Дно грота украшали разноцветные губки: зеленые круглые чаши, фиолетовые и бурые пиалы, оранжевые и малиновые шары. Ветвистые яркие стебли губок превратили стены грота в живописный цветной ковер. В глубине царского зала стояли огромные бокалы.

— Османдр, — предупредил Оська, — ты лапами не очень-то размахивай! Вот видишь, губки в виде красного рыхлого ромба? Ух и ядовиты! Можно так обжечься! Да ты не бойся! Смотри только на них, а не садись. И не хватай! Понятно?

Неожиданно в грот вползла морская черепаха. Увидев такую глыбу, осьминожки замерли. И хотя они сидели на цветном пуфике и были цветными, черепаха их сразу заметила.

— Какие невежи! — профырчала черепаха.

— А нас разве видно? — удивился Османик. — Мы знаем, что надо здороваться.

— Добрый день, тетушка черепаха! — сказал Оська.

— Добрый, добрый! А если не видно, значит, не надо быть вежливыми? — снова профырчала черепаха. — И не тетушка я вам! И чему только в школе учат? — панцирь черепахи из прозрачных узорчатых пластин, лежащих на спине рядами, нетерпеливо задвигался. — Зачем пожаловали?

— Нам с Оськой на Мурену посмотреть охота! — выпалил Османик.

— Тише, не так громко, — проскрипела черепаха пластинами. — Ее Величество отдыхает. Если Великолепная Мурена услышит, то может вас проглотить, то есть съесть. Когда она в азарте, то всех ест.

— А вас не съела?

— У меня панцирь, — профырчала черепаха, продолжая ползти. — К тому же я не зеленая суповая! — черепаха гордо подняла длинную голову, заканчивающуюся хищным клювом. — Я — несъедобная! — помолчав, добавила: — Если хотите

взглянуть на величественную царицу, я провожу. Только она терпеть не может осьминогов.

— А вдруг съест? — усомнился Оська. — Мне это ни к чему! И ему, наследнику короля, тоже.

— Наследнику? — черепаха перестала ползти, — Не Османа ли Великого сынок? То-то невоспитан.

— Османа Второго, — ответил за Османика Оська.

— Плохи ваши дела. Еще бабка Величественной Мурены поклялась уничтожить весь королевский род Османа Великого. Сама слышала. Давно при дворе живу, лет уж сто, наверно. Мурена Жестокая тоже обещала расправиться.

— Ха-ха-ха! — засмеялся Оська. — Поклялись, обещали, а род Османов Великих не перевелся. Вот — наследник.

— А за что нас Мурены так невзлюбили? — спросил Османик.

— Невзлюбили они вас за то, что Осман Великий Первый, отец вашего батюшки, дед ваш, нечаянно или специально сел на любимую кошку-акулку и придавил ее. Нечаянно или специально, да кто знает? Глупенькая история, достойная королей и царей. А нрав у всех Мурен одинаков: им все время надо на кого-то злиться. Свирепы, кровожадны Мурены, но и ленивы. У хороших — всегда хорошие соседи.

— Отец мне говорил про клятву Мурены, — вспомнил Османик, — только я вертелся и плохо его слушал.

— Эй, Карей! Где носит эту старую черепаховую посудину? — услышали осьминожки сердитый голос. — Чего там возишься?

— Я здесь! — отозвалась черепаха, она хотела что-то сказать, но, видно, передумала.

— Где Горбатый Кузовок? Долго я буду ждать?

— Сейчас, Великолепная Мурена! — и черепаха исчезла.

— Не черепаха — скороход! — удивился Оська.

— Мурена там! — от волнения Османик покраснел и пошел бордовыми волнами.

— Раз черепаха нас увидела, Мурена увидит тоже, — вздохнул Оська. — Зачем нужна нам эта Мурена, эта Мура?!

— Ты что? — Османик даже позеленел. — Вот она — Мурена, злая Мурена, о которой так много говорили Осьмин Осьминович и папа. Прямо под носом. И не посмотреть? Почем ей знать, что я сын Османа Великого? Если ты не проговоришься, никто не узнает. А тебя ей зачем трогать?

— Я разве о себе пекусь? Отец уши надерет, что друга не уберег, и неважно, король ты или нет. Тебя я не выдам, не будь я Оськой! А черепаха? Вдруг продаст?

— Вроде ничего старушка и при дворе давно живет, — ответил Османик. — Должна бы помалкивать.

Прихватив с собой немного светлого ила, осьминожки прошмыгнули в зал. Рассыпав в углу ил, свернувшись в комочки, стали рассматривать помещение. Тронный зал освещали беззвучно трепыхавшиеся электрические скаты. На склоне рифа, на широкой террасе, заменявшей трон, лежала трехметровая кровожадная Мурена. Это была блестящая, красно-бурая с пятнами змея, без чешуи, чуть сжатая с боков. Спинной плавник с черной бахромой от головы до хвоста медленно шевелился. Маленькие глаза у самого носа излучали сатанинские огни.

— Это — рыба со змеиной головой, — прошептал Оська.

— Мурена вдруг резко поднялась, встала на голову и сделала несколько гибких вращений.

— Нет, это — змея с рыбьей головой, — зашептал Османик. — Так это угорь?!

— Кончилось мое терпение, — взревела Мурена, — черепашья твоя башка! Только явись! Раскрою тебя на кусочки острым камнем!

— Сейчас, Великолепная Мурена! — в дверях показалась черепаха. Впереди нее плыла рыбка, горбатенькая и тупоносенькая. Мурена нетерпеливо растянулась па губковых подушках. Тупоносый прислужник принялся усердно сдирать с тела Мурены разных паразитов. Царица лежала тихо, изредка извивая свое змеинорыбье тело.

Закончив туалет, Горбатый Кузовок почтительно поклонился. Через секунду открылась жуткая пасть повелительницы, усыпанная короткими, загнутыми назад гвоздями. Мурена блеснула кровожадными глазами, лязгнула, как Барракуда, челюстями. Кузовок исчез в пасти Мурены. И тут Мурена взбесилась. Она стала извиваться на подушках, носиться по тронному залу, сокрушая все на пути.

— Черепаховая пуговица! Где Дьявол? — визжала Мурена. — Голодом решили извести, уморить царицу!

Черепаха, и откуда только в ней опять взялась прыть, мгновенно исчезла, зато появился Морской Дьявол. Его Оська сразу узнал. Еще отец рассказывал, как однажды в осьминожье королевство пожаловал такой. «Ну и наделал он беды!» — говорил отец.

— Экземплярчик! — только и вымолвил Оська.

Морской Дьявол — Манта действительно был страшен. Крупная голова с рожками над высоким лбом, огромные плавники, словно крылья, в размахе не менее шести метров. Но самое отвратительное было то, что перед собой, помахивая длинным кнутом-хвостом, Дьявол гнал рыб на обед Мурене. Здесь были и рыбы-сабли, и камбала, и морские окуни, белые и голубые

марлины, синие лицианы. А еще осьминожки увидели знакомую красивую рыбку с печальными ярко-оранжевыми глазами. Рыбка с испугом смотрела на происходящее. Ее алый нежный ротик передергивала судорога.

Морской Дьявол невозмутимо гнал рыб в пасть прожорливой Мурены. Зрелище было настолько отвратительным, что осьминожки не могли на это спокойно глядеть. Оська метнулся в сторону несчастных жертв, и когда мимо проплывала красивая цветастая рыбка, горячо шепнул:

— Усни! Сделай вид, что уснула!

— Я — Изабелита. А может быть, Изобеллина? — послышалось осьминожкам. — Прощайте!

Рыбка то ли услышала, что ей говорил Оська, то ли от страха вдруг упала на бок, а потом, перевернувшись на спинку, поплыла вверх брюшком, так похожим на яркий пестрый цветок.

— Тьфу! — буркнула Мурена, откинув Изобеллину в сторону.

Оська не выдержал, выскочил из укрытия, следом за ним и Османик. И тут же сделались яркими, как тот ковер, на котором оказались.

Из-под скалы метнулись две тени. Это были сторожевые кошки Мурены. Еще мгновение — и приятелей накрыли, как оказалось, ведром с потонувшего корабля.

...Во дворце осьминожьего королевства был переполох. Королева лежала в полуобмороке. Король Осман Великий Второй, весь красный от негодования, допрашивал старого учителя Осьмина Осьминовича. Но учитель ничего утешительного сказать не мог. Он не знал, куда подевались эти сорванцы. Во дворец собрали всех осьминожек-школьников, их родителей и важных осьминогов и осьминогов простых — туни. И только когда пришли все жители королевства, от маленькой осьминожки узнали следующее:

— Я видела Османика и Оську, — лепетала крошка-осьминожка, — они куда-то очень торопились. А Османик все кричал, что хочет увидеть злую Мурену.

— Мурену? — переспросила королева Османия и полностью упала в обморок. А король Осман Великий велел Оськиному отцу встать на колени.

— Ты плохо воспитал сына! — гремел Осман, переливаясь всеми цветами радуги. — Твой сын без твоего разрешения ушел за пределы королевства! Я велю тебя казнить!

Но Оськин отец сказал:

— На колени я вставать не буду. А казнить меня или не казнить, пусть решает народ.

— Какой еще народ?! — взревел Осман Великий Второй. — Я

— повелитель! Это — бунт! Мое слово — закон. В тюрьму его!

— Не будет этого! — вперед вышли пять братьев Оськиного отца. — Нам не нужен такой король, который только и умеет, что есть и пить да сказки слушать. Долой короля!

— Долой! Долой! Долой короля! — неслось по всему осьминожьему королевству.

— А осьминожек надо найти, — суетился учитель Осьмин Осьминович, — эти непоседы такие, что беды им не миновать.

— Хорошо, — величественно согласился Осман Второй, — пусть взрослые осьминоги отправятся в царство злой Мурены. Но помните, без сына, моего сына, не возвращайтесь! Будете немедленно казнены как плохие отцы и неверные слуги!

Но Османа Второго никто не слушал, никто не считал его королем. Все разошлись по своим делам. Слуги покинули прекрасный коралловый дворец, оставив Османа Великого Второго на попечении отставной королевы Османии Осьминоговны, не умеющей ничего делать.

Вот что произошло в осьминожьем королевстве в отсутствие Оськи и Османдра Первого, теперь просто Османика.

А в это самое же время Оська с Османиком сидели под ведром. Сверху на него положили увесистый камень.

— Этих за решетку нельзя! В любую щель выскользнут! — шипела рассвирепевшая Мурена. — Их надо подвергнуть самой жестокой казни-пытке: зажарить на солнце.

— Может быть, Величественная Мурена, — молвил знакомый голос черепахи, — приготовить из них превосходное кушанье?

— Какое? — нетерпеливо спросила Мурена.

— Делается это блюдо так, — пыхтела черепаха, видимо, низко кланяясь. — Надо стукнуть осьминога семьдесят девять раз о камень, разорвать на куски, двадцать минут кипятить в белом вине с луком и специями, потом есть с оливковым маслом и свежими помидорами. Я видела, как это делают двуногие. Плавнички оближешь!

— Ты меня с голоду уморишь своими рассказами, костлявый котел! Мне рыбу свежую подавай, а не эти сопливые мешки с бычьими глазами!

— Сопливые, — проворчал Оська, поглаживая свой чернильный мешок, полный чернил. — Дырки вот нет, а то попробовала бы, Мура-Мурила, осьминожьей подливочки!

— Влипли в историю, — вздыхал Османик, в который раз ощупывая ржавые, но толстые стенки темницы.

— Хорошего мало, — пыхтел Оська, пытаясь просунуть щупальце под край ведра. Но ведро плотно увязло в иле. — Хоть бы дырочку какую провертеть! А уж через дырочку просочились

бы.

— Факт, просочились бы, как пить дать, — поддакивал Османик.

Через толстую стенку ведра осьминожки уловили неясное шуршание и постукивание.

— Кто? — спросил Оська.

— Это я — рыбка Прилипала и крошка Изабелита. Мы пытаемся прокопать ход, но у нас ничего не получается. Чем вам помочь? Мои тонкие плавники гнутся, — прошептала нежная красавица Изабелита.

— Надо просверлить дырку какой-нибудь раковиной, темница наша ржавая, — отозвался Оська. — А у нас нет ничего подходящего.

Тут вдруг что-то лязгнуло по ведру, раздался чей-то сдавленный писк, злой голос Мурены прошипел:

— Опять ты, Прилипала, здесь? Будь покрупнее, на зубок бы угодила. А так один аппетит растравишь!

— Собачий! — крикнул Оська.

— Мурена-дурена! — добавил Османик.

— Эй, черепаховая лохань! — грозно зашипела царица. — Этих — на берег! Чего тянешь? Живо! Пусть там дразнятся да на солнышке жарятся. Позагорают, красавчики мои, осьминожки-длинноножки.

Ведро перевернули, закрыли крышкой.

— Не вздумай, Карей, хитрить! Из моря акулы-кошки присмотрят. А эту — туда!

— Бедная я, бедная! — причитала черепаха по имени Карей, таща по берегу ведро, в котором сидели пленники. — Безобидная, беззащитная я рептилия. Много ли мне надо? Пару моллюсков да глоток чистого воздуха. До чего дожила, что сама изничтожаю последнего отпрыска Османа Великого.

— А ты, коварная старушка, не изничтожай! — крикнул из ведра Оська. — И охота тебе слушать Мурену? Сносить ее оскорбления?

— Неохота. Я ведь тоже из древнего рода.

— А чего терпишь? Нас вежливости учила, а сама?

Черепаха остановилась, поставила на землю тяжелое ведро:

— Но я не могу ослушаться. Мурена прикажет привязать меня к стене или закрыть в каюте затонувшего корабля. И зачем он только затонул? А то за решетку посадит. Я захлебнусь. Я только называюсь водной морской, а без воздуха жить не могу. Да и детки мои, черепашки мои, скоро вылупятся. Здесь на берегу в ямке лежат милые сердцу яички, будущие черепашата. Если я не исполню волю Мурены, изничтожит она всех моих деток.

— А деток-то много? — поинтересовался Оська.

— Триста сорок девять черепашек в костяных рубашечках, — голос черепахи стал нежным.

После некоторого молчания черепаха объявила:

— Пришли!

Она сняла с ведра крышку:

— Прощайтесь с жизнью, дорогие мои осьминята. Немного воды я вам оставила, но солнце такое жаркое. Оно живо выпьет воду. Без воды высохнут ваши жабры, задохнетесь и... — Черепаха замолчала. Отойдя в сторону, села возле ямки, в которой были зарыты черепашьи яйца. Черепаха изредка глубоко вздыхала.

Голубело море. Вдоль его кромки тянулась узкая полоса пустынного песчаного пляжа. А за ним начинались непроходимые топкие болота.

Солнце яростно жгло землю. Где-то перекликались жабы, пересвистывались банановые лягушки да чавкал длинномордый ужасный крокодил.

Открыв беззубый рот, черепаха зевала и горько-горько плакала, проклиная свою несчастную долю.

— А чего мы сидим сложа щупальца, и слушаем эту трусливую предательницу?

— Так ведь там, — Османик ткнул щупальцем в стенку ведра, — суша?

— Ну, суша? Ты разве не чувствуешь, откуда морем пахнет?

— Чувствую. Ясно, хорошо пахнет.

— Тогда побежали к морю!

— Как? Так сразу?

— Нет, не сразу! Ты еще тут посиди, позагорай, воду я тебе оставляю. А я пошел, — сердито пробурчал Оська, высовываясь из ведра. Оськин правый глаз покосился на черепаху. Черепаха продолжала сидеть и лить крупные черепашьи слезы. Оська вылез из ведра и, смешно перебирая многочисленными ногами, помчался по горячему раскаленному песку к плескавшемуся мокрому желанному морю. За ним как угорелый, раскидывая в стороны щупальца, несся Османик. Шлепнувшись в воду, Османик первым делом спросил:

— А теперь куда?

— Расхрабрился, гляжу, король ведерного королевства? — Оська шлепал по воде с величайшим удовольствием всеми щупальцами сразу. — Домой бы надо! Родители небось шум подняли. Твое величество моего отца в темницу бы не упрятало! Только уходить домой нельзя. Дело есть.

— Не упрячет! — так же весело шлепал щупальцами по воде Османик. — А упрячет, распрячет, как явимся. Задержимся еще в

гостях. Здесь не скучно. Изобеллину найдем. Пусть в моем королевстве живет.

— Надо бы, — согласился Оська, — что с акулами да хищниками жить! И куда она подевалась? Разговаривала с нами, тут Мурена зашипела, — встревожился Оська. — Помчались к кораблю!

Подплыв к рыбьей тюрьме, они увидели за решеткой Изобеллину. Вокруг неторопливо, кругами ходила старая знакомая — Барракуда, зыркая во все стороны злыми глазками. Когда Барракуда на минуту отплыла, чтобы заглянуть в каюту затонувшего корабля, приятели подобрались к решетке.

— Изобеллина! — позвал Оська. — Ты как опять сюда попала?

— Меня Изабелитой зовут. Схватили меня, когда я с вами разговаривала. — Глаза у рыбки повеселели. — Мурена заявила: «Пусть подрастет», что «ее тошнит от такой мелочи». И вот я опять здесь. Я думала, что больше не увижу вас! Мне страшно, милые осьминожки!

— Не трусь, Изабелита! Мы что-нибудь придумаем. Если Мура захочет тебя съесть, притворись, как тогда, спящей-дохлой!

— Я рассказывала всем о своем спасении этим способом. Когда Морской Дьявол, прислужник Мурены, словно хищный орел налетел на рыб и погнал их в пасть этой хищницы, они «уснули». Мурена была в ярости, но это их не спасло. — Изабелита слабо улыбнулась. — Всех несчастных поели слуги Мурены акулы-кошки. Об этом мне рассказал морской ерш, — изящная рыбка вздохнула, красивый рот ее передернула судорога.

— Ну и дела! — возмутился Оська.

— Барракуда возвращается! — кивнул Османик.

— Держись, Изобеллина-Изабелита! — подмигнул Оська двумя раскосыми глазами и исчез вместе с Османдром под килем корабля. Чтобы быть незаметными, они распластались на песчаном бугре. Перед самым носом, прямо из песка, на них глядела пара выпуклых жабьих глаз. Глаза рассматривали их в упор. Затем песчаный бугор зашевелился и проворчал:

— Поесть спокойно бездельники не дают! Здесь такие вкусные рачки, морские полихеты.

— Мы не бездельники! — возмутился Оська, — Какие еще такие полихеты?

— Полихеты — морские ракообразные, которыми я питаюсь. А вы — бездельники, так как все порядочные дети сейчас в школе. Прогуливаете?

— Не совсем, — буркнул Оська.

— Мир познаем, расширяем кругозор. — добавил Османик.

— Хотите червячка али иглокожего? — все тем же ворчливым тоном спросил бугор.

— Нам бы по парочке моллюсков, — не растерялся Оська. — Есть хочется.

— А вы кто будете? — спросил Османик, хрустя угощением.

— Я — скат.

— Электрический?

— Не путайте! Электрические скаты — двоюродные братцы. Трое из них в прислужниках у Мурены ходят. Нашли работку! Я Скат — простой. Меня за мои повадки еще Морским котом величают. Но разве похож я на кота? А кто Хвостоколом дразнит.

— Вы что, хвостом колете? А как? — еще громче зашептал Оська.

— Врагов колю, — согласился Скат. — Колю тех, кто хочет меня съесть. — Скат поднял хвост. Хвост был похож на пастуший кнут, метра полтора длиной. Из хвоста торчал острый шип.

— Зубчики и бороздочки на моем хвосте с ядом! — продолжал все тем же ворчливым тоном Скат. — Кого хочу, того хвостом резану, в разрез ядом фыркну. Не верите?

— А Барракуду можете?

— А чего не мочь? Это черное бревно я терпеть не могу за свирепость. Ненасытная утроба. Опять крутится. Полные сутки лопает. Как не разорвет!

— Ты шлепни Барракуду! — закричал Оська. — Эй, Барракуда! Где ты там?

— Это меня? — услышали осьминожки удивленный зловещий голос Барракуды. Морская щука собиралась открыть темницу, чтобы поесть. — Меня еще никогда не называли по имени. И тем более не звали к себе!

Османик выскочил из-за кустика водорослей, стал приплясывать и припевать:

— Барракуда, Барракуда, кабы не было бы худо! Открывай пошире пасть! Хочу камушком попасть!

Барракуда зло лязгнула зубами. В это время Скат, подняв тучу песка и ила, собирался перейти на другое место попастись.

— А, и ты здесь! — защелкала Барракуда зубами, показывая, как злая собака, страшный оскал верхних рвущих клыков. — Давно до тебя добираюсь! Сейчас я тебя и... — хищница кинулась на Ската. Морскому коту ничего не оставалось делать, как защищаться. Хвостокол махнул своим зазубренным хвостом и уколол Барракуду ядом. Невесть откуда взявшиеся акулы-кошки в один миг не оставили от Барракуды ни кусочка. На дне валялись лишь страшные клыки, на одном из которых торчал плоский костяной ключ от дверей темницы. Кошки исчезли. Ворчливый

Скат стал зарываться в ил, приговаривая:

— Не надо было налетать! А коль пристала — спуску не дам!

— Ура! — закричал Оська. — Конец Барракуде!

— Ура! — вторил ему Османик. — Конец Барракуде!

— А мне все-таки, — сказал Скат из-под бугра, — рыбину жалко.

Схватив ключ, Оська помчался к решетке. Еще мгновение — и рыбья тюрьма распахнулась. Оська прыгал возле Изабелиты, смеялся и тормошил ее за плавнички.

— А вы — молодцы! — улыбалась красивая рыбка, шустро плавая вокруг осьминожек.

— Поплыли, Изабелита, в наше королевство! Приглашаю от лица моего папы Османа Великого, — солидно вымолвил Османдр.

— Османа Великого? — удивилась Изабелита. — Так ты наследник Османа Второго? Я слышала об этом среди своих подруг. Ты не похож на королевича, так, обычный осьминог. Бежать тебе надо. Знала бы Мурена об этом, она тебя сразу же на месте разорвала. Спасибо за приглашение, но плыть с вами я не могу. Недалеко, около светлых островов, — мой солнечный остров, моя родина.

— Не хочешь, оставайся, — сказал Оська, — но темницу надо разломать! Иначе Мурена и ее помощники всех вас переглотают. Без темницы она должна будет сама трудиться, значит, уплывать в море. Надо обязательно сломать.

— Еще как надо! — согласилась Изабелита. — Но вам это не под силу.

— А еще надо проучить Мурену, — добавил Османик, — отбить охоту нас, Великих Осьминогов, уничтожать!

— Не под силу, — кивнул головой Оська, не обращая внимания на разглагольствование Османика, дергая толстую решетку.

— Я придумал. Давайте попросим моего папу. Он сильный, он все может, ведь он — король. Не случайно же его называют Османом Великим?! Он после моего дедушки среди важных осьминогов самый большой в осьминожьем королевстве.

— Большой, толстый, — проворчал Оська. — Сидит целый день на троне и ест.

— К Лангусту пошли! — заспешила Изабелита. —

— У него антенны. В вашем королевстве есть способ передавать звуки, разговоры на расстояние?

— Не знаем, — ответили осьминожки, — наверно, есть. Осьминожье королевство — древнее государство.

— Идея! — закричал Оська и помчался, весело раскидывая

немного подросшие щупальца. — К Лангусту!

Лангуст, как будто и не было суток в его жизни, сидел в каюте на том же самом месте, все так же уставившись глазами-рожками в темный угол, шевеля пятью парами ног и длинными усами-антеннами. Рыбы-собаки не было. На ее месте у порога, словно черная чурбашка или обуглившаяся головешка, лежала похожая на огромную гусеницу с острыми выростами на теле Голотурия, или Трепанг, по имени Трепа. При виде гостей гусеница недовольно зашевелилась.

— Милый Лангустон, — обратилась к нему Изабелита, — не поможете ли вы установить связь с осьминожьим королевством? Это нужно моим друзьям Османику и Осе.

От неожиданности Лангуст запрыгал на месте:

— Я рад видеть вас всех в здравии. Я тут такое, такое слышал! — ноги у Лангуста нервно задергались. — Установить связь с осьминожьим королевством? Но с ними разорваны дипломатические отношения! Осьминожьего дипломата Мурена давно разорвала, то есть... уничтожила. И наши дипломаты вернулись, я слышал... Я не прочь, — продолжал Лангуст, — но что скажет Величественная Мурена? Она же снимет меня с должности главного антенщика! А то и хуже!

— Ты боишься? — спросила Изабелита.

— Лангусты ничего не боятся! Но кому хочется иметь неприятности?

— Жаль, — неожиданно вздохнула глубоко все время молчавшая черная гусеница. — Я не хотела тебе говорить, Ланик. Ты такой нервный, впечатлительный.

— Теперь скажу. Не ищи свою любимицу. Твою собаку Мурена вчера разорвала в клочья.

— Мою дорогую Айрум? Трепа, этого не может быть! Она же обещала. Бедная моя Айрум, золотая моя собачка! — От негодования и горя Лангуст стал надуваться, отчего увеличился вдвое.

— Она и тебя съест, если подвернешься, — недовольно продолжала Трепа.

— Что нужно передать? — наконец вымолвил печальный Лангуст.

— Призвать на помощь папу, — сказал Османик. — Мой папа все сможет.

— И всего-то?

— А разве это мало? — удивился Оська.

Лангуст пошевелил усами, еще раз ногами и стал усиленно водить длинными антеннами, выставленными из окна каюты наружу.

— В море шторм, — сказал Лангуст, — придется подождать. Морская вода в страшном движении. Похоже, что там все девять баллов!

— Мурена сюда плывет! — выкрикнула Трепа. Трепа уже сидела на корме судна.

— Уходите! Немедленно! — заволновался Лангуст, отчего пять пар его ног нервно задергались. — Проклятая жизнь, каждый день нервные стрессы, — верещал Лангуст, убирая усы-антенны.

Но Мурена почему-то передумала. Она круто развернулась и, принюхиваясь, пошла кругами над палубой затонувшего судна.

Осьминожки, прикрыв собой Изабелиту, прижались к стене. Откуда-то сверху спустилась черепаха.

— Величественная Мурена, — молвила черепаха. — Ваше приказание выполнено. Осьминожки так высохли, что и следа не осталось. Сбылась вековая клятва цариц Мурен. Вы уничтожили последнего наследника Османа Великого,

— Да? — удивилась Мурена. Она была сыта, поэтому разговаривала спокойно. — Этот мешок с кисельными отростками — наследник?

— Это был наследник Османдр Первый, сын Османа Великого. Он просто еще не вырос.

— А где Осман Великий? Умер?

— Он стар. Одна змеехвостка, наушница, говорила, что видела короля в здравии, но дряхлого-дряхлого. А мне кажется, король просто полный. Она мне и тайну принесла... — голос черепахи был еле слышен.

— А ты говоришь, сбылась вековая мечта? — перебила черепаху Мурена, начиная свирепеть.

— Я знаю тайну осьминожьего рода! — пугаясь, зашептала громче черепаха. — Вы можете прославиться, Величественная Мурена! Извести, изничтожить весь народ осьминожьего королевства.

— Говори! — защелкала зубами Мурена.

— Самым уязвимым местом осьминогов является...

— На, получай! — Оська выскочил из укрытия. — Это за наследника, хорошего товарища. Это — за меня, осьминожку-туни! — Оська выстреливал в Мурену залпами осьминожьих чернил. — А это, — Оська выпустил весь остаток чернил, — за весь род осьминогов, чтобы неповадно было нас уничтожать!

Мурена замерла, потом стала крутиться, пытаясь смыть липкие фиолетовые чернила, но этой ей плохо удавалось.

Черепаха в панике, работая лапами-ластами, поплыла в противоположную сторону от замка злой Мурены.

На палубе судна вокруг царицы прыгали осьминожки.

— Мурена, Мурена! Грязное полено! Черные клыки! Глазки-пузырьки! — дразнился Османик.

Оська, выделывая невероятные фигуры, кричал.

— Мура, Мура, Мура, дура! Мура — щучья фигура! Осьминожек не хватай! А чернила поглотай!

— Дразниться нехорошо, некрасиво! — остановила их Изабелита.

— Нехорошо? Некрасиво? — возмутился Оська. — А высушивать живьем красиво, хорошо?

Но, однако, дразниться осьминожки перестали и поплыли к тюрьме, чтобы в ней на время спрятаться и подумать, что делать дальше. Мурена должна вот-вот прийти в себя. И шутка эта могла плохо кончиться.

Из-за решетки осьминожки видели, как Морской Дьявол Манта, явившись за очередной партией жертв, был страшно удивлен, не обнаружив в темнице ни одной порядочной рыбины. Маленькая Изабелита была не в счет. Боясь гнева Мурены, Морской Дьявол решил бежать. Он знал, пусть он и крупнее Мурены, свирепая и кровожадная царица со своими придворными кошками-акулами ни перед чем не остановится.

— А быть съеденным, — решил Дьявол, — не велика честь!

И махнув плавниками-крыльями, Морской Дьявол Манта, как огромная морская птица, торопливо уплывал прочь от рыбьей тюрьмы, прочь из царства жестокой Мурены.

Наконец, придя в себя после необычной покраски, отмывшись, изрядно проголодавшаяся Мурена рявкнула:

— Эй, костяное чучело! Дьявол Двурогий! Долго я буду ждать? — Но никто не отозвался и не появился.

— Оглохли! — рычала Мурена. — Уши водой залило? — в ответ полное безмолвие моря. — Куда Дьявол подевался? Верно, новую партию рыб гонит?

В великом гневе Мурена метнулась к большому аквариуму, откуда исходил запах свежей рыбы. Но кроме двух ненавистных осьминожек да рыбки, оставленной на вырастание, Мурена никого не обнаружила. Из-за решетки ей, самой Величественной и Жестокой, перед которой трепетало все живое, осьминожки, эти ничтожества, показывали кукиш.

Такого Мурена стерпеть не могла. Она бросилась на решетку, грызла железные прутья, ломала острые зубы.

Вот перекушен один прут, вот другой. Еще минута, и она ворвется в клетку, чтобы уничтожить этих смелых малышей ненавистного осьминожьего государства. Но тут Мурена увидела три торпеды. Торпеды неслись прямо на нее. Злая царица, не знавшая страха, задрожала. Ее черная спина покрылась

мурашками. Поджав хвост, как только могла, Мурена отпрянула в сторону и бросилась удирать, забыв обо всем.

Пара огромных глаз припала к фиолетовым кораллам и слилась с ними. Метнулось огромное щупальце и заплясало по металлической дряхлой обшивке судна. Вот оно обхватило киль корабля.

— Да это же папа! — закричал Оська.

Сильные щупальца обхватили клетку, стали ломать ее на куски. Темница превратилась в груду ржавого железного лома.

— Вот вы где? — сильное отцовское щупальце схватило Оську за то место, где положено быть уху, и слегка тряхнуло. — Скверный осьминожка! — говорил отец, поглаживая сына. — Заставил нас с мамой волноваться. Да и ты, наследничек бывший, хорош, — кивнул Оськин отец в сторону Османика. — Мать там испереживалась. Великий гневался. Многим из-за тебя досталось. Многое зато и переменилось! Живо собирайтесь! Домой! Я к братьям сплаваю. Они замок Мурены рушат. Надо посмотреть, что за место.

— А Мурена? — спросил Оська. — Не вернется?

— Что Мурена? — воскликнул отец. — Мурены еще не раз встретятся, пока живете в море.

— Твой папа больше моего, — шепнул Оське Османик. — Он среди туни великий?

— Мы о таких глупостях не говорим, — усмехнулся Оська. — Папа мой большой, сильный. Его все рыбаки уважают.

— А как же теперь мы, Великие Османы? — вздохнул Османик.

— Да какие вы Великие? — засмеялся Оська. — Не Великие, а толстые. Ленивые, неработящие. Так себе, осьминоги, и только. Изабелита, прощай! — Оська протянул к рыбке все свои щупальца. — Расти большая. Да не попадайся акулам в пасть!

— Прощайте, но я уже взрослая. Я из маленьких рыб, — нежно махала плавниками красивая рыбка. — Я вас немного провожу и поплыву к солнечным островам, где живут мои родные.

Три больших торпеды, сопровождая две маленькие, уходили все дальше и дальше от затонувшего корабля, от разрушенного замка свирепой и жестокой царицы рыбы-змеи — Мурены.